

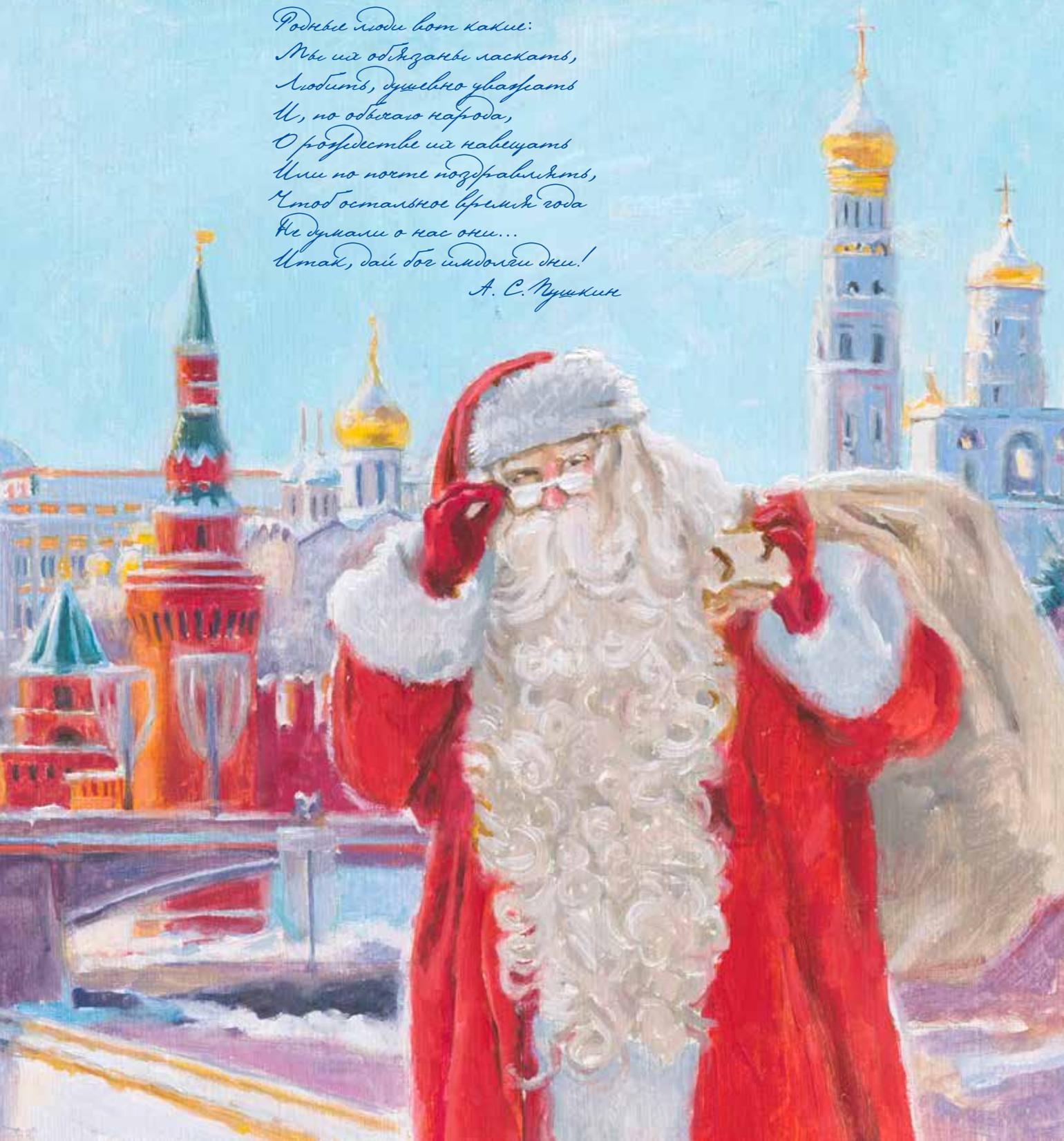
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал №1 (76)
январь, 2023

*Родные люди вот какие:
Мы их объезды ласкаем,
Любим, душевно уважаем
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещаем
Или по почте поздравляем,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай бог им долгие дни!
А. С. Пушкин*

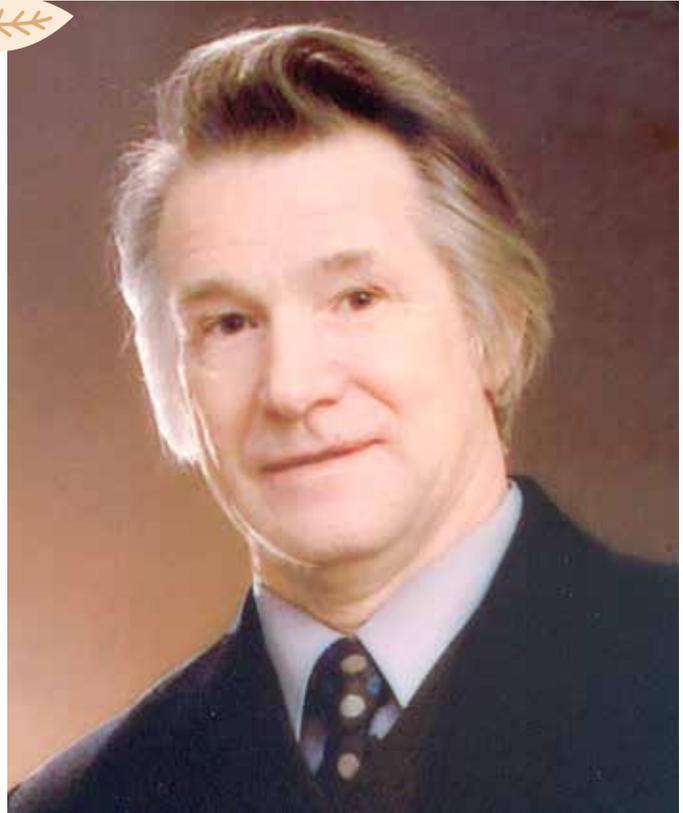
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! С НАСТУПИВШИМ НОВЫМ ГОДОМ ВАС!

Начиная новый, 2023 год, мы хотели бы продолжить традицию знакомства с региональными писательскими организациями и представляем на ваш суд творчество литераторов Ивановского регионального отделения Союза писателей России, что особенно знаменательно в преддверии 90-летнего юбилея этого замечательного творческого отделения.

Хочется отметить, что мне посчастливилось открыть для себя «ивановское» литературное слово – вроде бы простое, незамысловатое, но в то же время искреннее, идущее от самого сердца, от которого не устаёшь, а воспринимаешь его как само собой разумеющееся, чисто русское. Литературные произведения ивановских авторов понятны широкому кругу зрителей, и поэтому их можно с уверенностью назвать народными, укоренившимися в сердцах русских людей.

В наступившем году я желаю нашим дорогим авторам истинного вдохновения и радости от своей работы, потому что писательство – это не профессия, а образ жизни. Ивановской области – мира и процветания, сохранить свою самобытность и особенности, а всем нам – быть равнодушными к чужому горю, не потерять нравственные ориентиры и искренне любить свою землю.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

НАСЛЕДУЯ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ

Ивановская писательская организация, официально оформившаяся в августе 1934 года – в канун созыва учредительного съезда Союза писателей СССР, – является одной из старейших писательских организаций в России и старейшей в Верхне-Волжском регионе. В августе 2024 года нам исполнится 90 лет.

Многое вместили в себя минувшие эти годы. Съезды советских писателей, начиная с первого – в 1934 году, проходили в торжественнейшей обстановке и непременно – в Кремле. Руководители региональных писательских организаций автоматически становились членами бюро тогдашних обкомов.

Когда же не стало великой и, казалось бы, несокрушимой советской державы, новоявленные ультрадемократы не только не выказали никакой любви к организациям писательского союза, но и попытались было помочь им скорее умереть, взяв за основу всё тот же огульный принцип: «...до основанья, а затем...» Однако же творческие союзы оказались прочнее надуманных политических вывертов, ибо выражают естественную потребность человека к художественному творчеству, профессиональной самоидентификации.

Великая русская литература, ставшая классикой общемировой, является не только неотъемлемой составной частью нашей культуры, но и по факту – фундаментальной первоосновой нашей национальной самобытности. Как для итальянцев наиболее универсальным средством самовыражения исторически сделалось искусство, для англосаксов – их основополагающие экономические теории, для Германии – классическая немецкая философия, так для России «Пушкин – это наше всё!».

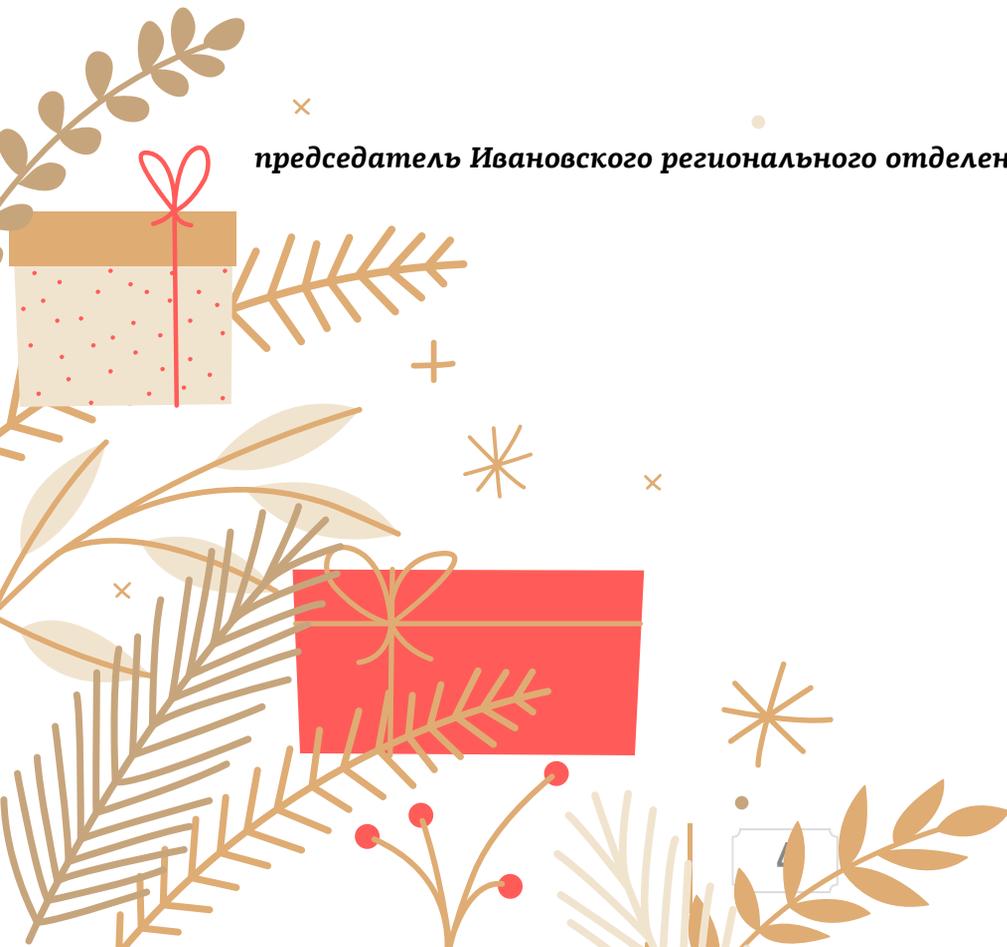
Но, конечно же, писатель без печатной трибуны словно угасший маяк. Такой печатной трибуной для ивановских писателей с момента образования областной писательской организации стал

«Ивановский альманах», который с 1993 года обрёл своё нынешнее название «Откровение» и который местная пресса не без оснований окрестила «самым удачным проектом областной писательской организации», поскольку на страницах альманаха, как в зеркале, отражена вся многоцветная литературная палитра родного края, представлены произведения самых различных жанров, литературных течений, творчество авторов всех возрастов – от самых именитых до самых молодых.

Уже в силу специфики своего призвания писатель берётся за перо, когда ему есть о чём рассказать, пропуская всякий раз пережитое через собственное сердце. Для этого он должен сам погрузиться в водоворот событий, чтобы «хлебнуть» сполна. Потому-то лёгких судеб у писателей практически не бывает. Об этом и свидетельствуют материалы экспозиции, развёрнутой в «намоленных» стенах того самого старинного особняка, где с давних пор квартирует писательская организация. Названия фотостендов говорят сами за себя: «В начале было слово», «Муза в солдатской шинели», «Писатели и власть»... И ещё – более 40 знаковых персоналий в отдельно экспонируемой портретной галерее. Это те, кем по праву гордится земля Ивановская, кого знает читающая Россия: Дмитрий Фурманов; поэты Дмитрий Семеновский, Александр Благов; лауреат государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда Михаил Дудин; лауреаты государственных премий РСФСР – поэт Владимир Жуков и прозаик Виктор Полторацкий; поэтесса потрясающе трагической судьбы Анна Баркова; автор ярких произведений о Великой Отечественной войне, прозаик Владимир Конюшев; поэт-маринист Алексей Лебедев, героически погибший на Балтике в 1941 году; поэт впечатляющей поэтической силы Николай Майоров, безвременно павший на полях сражений в 1942 году, и ещё много других, кого сегодня с нами нет, но чьё творчество стало неотъемлемой частью немеркнущего духовного наследия времён и давно минувших, и не столь от нас далёких. Немало улиц областного центра названы именами писателей – наших земляков.

Не отягощённая внутренними раздорами, Ивановская писательская организация и ныне достойно представляет текстильный край в системе региональных творческих организаций Союза писателей России, продолжая делом и животворящим словом крепить лучшие традиции русской классической литературы, традиции, восходящие к великому Пушкину.

Юрий ОРЛОВ,
председатель Ивановского регионального отделения Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

- 7 Юрий Орлов.
Связь времён

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 10 Игорь Бёзрук.
Ожидание Архимеда

ИВАНОВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

- 14 Михаил Дудин
16 Владимир Жуков
17 Геннадий Серебряков
18 Владимир Догадаев

ДУХОВНОЕ

- 20 Алексей Федотов.
Молодой иеромонах

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 29 Евгений Смирнов
33 Лариса Щасная

ИЗ ДЕТСТВА

- 34 Владимир Зимин.
Художник «Шишкин»

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 40 Андрей Гладунок.
Из цикла «Лики истории»
45 Игорь Воронов
47 Нина Матвеева
50 Елена Макарова

ЖИТЕЙСКОЕ

- 53 Сергей Иткулов.
Мнимые надежды

- 55 Своя рука владыка

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

- 57 Виктор Соколов.
«Там, среди шумного моря...»

ЛИРИЧЕСКОЕ

- 67 Галина Стоянцева
71 Людмила Ефлеева
72 Марина Москалёва
74 Александр Шестунин

ПРОЗА

- 78 Светлана Олексенко.
Красавец
83 Наталья Менендес (Тютникова).
Звёзды на рассвете
90 Вера Казакова.
Лицо человеческое

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Дорогра к звёздам

На вклейке: работы художника
Никаса Сафронова

САМЫЙ ВАЖНЫЙ ФОРМ КОМПОНЕНТ
ЗОЛОТОЙ ПУТЯТИ

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (76), январь 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.01.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

На обложке: Никас Сафронов.

Связь времён

* * *

Юрий ОРЛОВ

Родился в 1945 году. Член Союза писателей России, автор трёх десятков поэтических книг. Лауреат премии Центрального федерального округа РФ в области литературы (Москва, 2010), Всероссийской премии имени поэта-песенника Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (Вязники, 2012), Всероссийской литературной премии имени Николая Гумилёва (Крым, Коктебель, 2014); лауреат Четвёртого Международного конкурса «Лучшая книга» в номинации «Поэзия» (Берлин, 2013); лауреат Губернаторской премии «За личный вклад в развитие культуры Ивановской области» (Иваново, 2015) и ряда других литературных конкурсов и премий. Подполковник в отставке. С 1994 года – председатель Ивановского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ.

Как мир не нов – давно уже не ново,
Пусть даль веков окутывает мгла:
Из всех начал сначала было слово,
И в слове том поэзия была.

И, сохраняя сущего истоки,
Чтоб донести до нас наверняка,
Из вещей слов выстраивались строки,
Вмещавшие эпохи и века.

В один поток сливаются речушки,
Ветвится деревом маленький росток...
Бессмертны в слове Лермонтов и Пушкин,
Как продолженье чьё-то, как исток.

И как-то наше слово отзовется
Грядущим эхом через призму лет?!
Но связь времён надёжной остаётся,
Пока есть должность на земле – поэт!..

ВОСПОМИНАНИЕ О СЛУЖБЕ ДЕСАНТНОЙ

Сигнал «Пошёл!» – на выброску, на выход!..
Скривился в сизой дымке горизонт,
И гул, и вихрь... и сразу тихо-тихо,
Над головою белоснежный «зонт».

Краса земли волшебная какая!
Какой у неба купол голубой!..
А у меня задача боевая
Горячих дней учёбы боевой.

Всё различимей, ближе твердь земная...
Но что такое? Что за ерунда?! –
Кругом земля от края и до края,
А под ногами будто бы... вода!

Ещё надежду в сердце берегу я
И стропы круто нужные тяну,
Но ветер тянет в сторону другую...
И с головою ухнул – тону.

Метался в небе солнца шарик красный,
И видел я за мутной пеленой,
Как солнце это постепенно гасло
И исчезало, «кинутое» мной.

Недолог миг!.. Глаза открыв едва лишь,
Узнал я всё: кто солнце мне вернул,
Как поспешил на выручку товарищ,
Как он и сам едва не утонул...

СЛУЖЕНИЕ

Вспоминанья далеки,
Как путь с родимого порога.
Уже стоптались сапоги,
Но не окончена дорога.

Армейских будней канитель
Течёт, всецело мной владея.
Продута ветрами шинель,
Натёрла плечи портупея.

Минуют дни – за сроком срок,
Кто знает, сколько их осталось...

И держит стойку вещмешок,
Забыв про всякую усталость.

И до безумства я упрям,
До исступленья, до упору,
Теряя счёт горячим дням,
Стремясь вперёд – и только в гору.

Хоть с прошлым связи не порвал,
Я на одно себя настрою:
Взойти на этот перевал –
Любым путём, любой ценою.

Чтоб мог тебе, моя страна,
Я доложить, приставив ногу:
Мы долг исполнили сполна,
Пора в обратную дорогу!..

ВЗГЛЯД ИЗ ДЕВЯНОСТЫХ

Смотрю на карту – боже мой! –
Готов издать истошный вополь:
Где прежний лик страны родной?
Где легендарный Севастополь?
Досадно, что ни говори,
В былом выискивать прорехи:
Державу строили цари,
А разбазарили генсеки!..

* * *

Вот слышится звон колокольный,
На солнце горят купола.
Россия в красе своевольной
Не лебедем-птицей была.

Принять на себя надлежало
Меж двух угрожающих скал
Востока змеиное жало,
Европы звериный оскал.

Пусть снова плетут небылицы,
Но если позорче взглянуть:
В размахистых крыльях орлицы
России державная суть!

* * *

Пусть изрыгнётся скверной глотка,
Кому страна Россия – «тётка».

Хулы и мне не занимать,
Но для меня Россия – мать.

С кем «соль» хлебал и горько плакал,
Жизнь целиком поставив на кон.

И я – хромую и рябую –
Не разлюблю её... люблю!

Шепчу, молю, взываю в песне –
Не умирай, очнись, воскресни!

Чтоб не сокрыла всё, что было,
Державы сгнувшей... могила!..

* * *

И день как жизнь, и солнце золотое
Как золотых предвосхищенье лет...
Божественной блистая красотой,
Встречала дева юная рассвет.

Вот минул срок. Покашливая сухо,
Глазами, что едва уже глядят,
Морщинистая, «страшная» старуха
Смотрела отрешённо на закат.

И жизнь как день, ушедший без возврата,
До безобразья смятые черты...
Всего-то от рассвета до заката,
До осознания: ты – уже не ты!

* * *

Как говорится: «се-ля-ви»!
Не все ярки цвета палитры.
Уходит время для любви,
Приходят годы для молитвы.
Пусть будут боги не глухи –
И в том уже для нас отрада.
Но, чтоб замаливать грехи,
Их накопить сначала надо!..

* * *

Ты однажды проснёшься –
А тебя уже нет.
Равнодушно качнёшься
На холодный рассвет.

И пойдёшь, пустозряшный,
Между нынешним всем
Догонять день вчерашний
Непонятно зачем.

Где раздолье широко,
Где деревья в цвету,
Прошуршишь, как осока
И как моль на свету.

Как под сводами склепа
Проаукаешь тьму:
Всё нелепо, нелепо...
Почему, почему?..

Да не надо вопроса,
И не нужен ответ:
Время крутит колёса –
А тебя уже нет!..

* * *

В мир приходят гении – от Бога,
Кто сравнится с Пушкиным ещё?!
Мало жил, а «натворил» так много,
Что, по сути, «это наше всё»!

Мы у Бога многого не просим,
Но иной печалится поэт:
Обалденною вполне бывает осень,
Почему же Болдинской всё нет?!

Игорь БЕЗРУК

Родился в 1964 году в г. Первомайске Луганской области.

Окончил Харьковский авиационный институт.

Публикуется как прозаик с 1988 года в Москве, Киеве, Атланте (США), Брисбене (Австралия), Алма-Ате, Риге, Вильнюсе, Донецке, Луганске, Владимире, Иванове, Бурятии.

Автор десяти книг прозы, изданных в Москве, Иванове, на Украине.

Член Союза писателей России.

Лауреат премии «Дебют» журнала «Наука-фантастика» (Киев), городской литературной премии им. В. С. Жукова (Иваново), Международного литературного конкурса им. Я. Корчака (Иерусалим, Израиль).

Живёт в г. Иваново.

ОЖИДАНИЕ АРХИМЕДА

ГЛАВА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО РОМАНА «ГАМИЛЬКАР БАРКА. ВОЙНА НА СИЦИЛИИ»

Проплывая мимо Сиракуз, Гамилькар Барка смотрел на древний величественный город – под стать самому Карфагену – и думал о том, как изменчива историческая судьба народов. Лакомый кусочек Средиземноморья – Сицилию – долго никак не могли поделить между собой финикийцы и греки. Столетиями авторитетом, властью, военной силой пытались они завладеть островом, не замечая, что с северной стороны на них алчными глазами давно поглядывает другой кровожадный зверь – Рим, ещё недостаточно сильный, чтобы вмешаться в схватку двух ярых соперников, а может, просто выжидающий, когда они в конце концов уничтожат друг друга. Но этого не происходило. Схватки карфагенян и греков не прекращались: то затухали, то разгорались с новой силой. И капитолийская волчица не выдержала, перепрыгнула через некогда охраняемую легендарными Сциллой и Харибдой узкую протоку на остров, глубоко вонзилась острыми когтями в его благодатную землю, зашарила вокруг голодными горящими глазами, потекла слюной.

Опешила восседающая в Сиракузах Артемиды, удивлённо взглянул на волчицу могучий финикийский Мелькарт. Незаметно из доброжелательного соседа превратилась волчица в кровожадного монстра. И греки, которые ещё вчера

считали римлян варварами, сегодня склоняют пред ними головы, клянутся в верности и дружбе, боясь быть окончательно порабощёнными или вовсе стёртыми с лица земли. Карфаген не таков: унижаться не привык, биться будет до последнего. У него хватит сил противостоять захватчику, хватит духа не терять надежды на будущее.

Нынешний тиран сиракузский Гиерон в свои годы показал себя доблестным стратегом и отважным воином (сам прославленный Пирр восхищался им и неоднократно награждал за военные успехи), но то, как он поступает теперь, для Карфагена просто невыносимо. А значит, невыносимо и для Гамилькара. Бороться, бороться и бороться – иного Гамилькар не приемлет. Никаких соглашений с врагом, никаких компромиссов.

Даже недолговременное перемирие на руку только римлянам, захватившим немалое количество как финикийских, так и греческих городов на Сицилии. Перемирие для них – сосредоточение новых сил, подготовка к следующему прыжку, теперь, скорее всего, на территорию Африки, к Карфагену. Разве Гамилькар может это допустить? Никогда. Лучше погибнуть в бою, чем знать, что сандалии римского легионера топчут родную землю.

Гамилькар и не заметил, как они оказались возле Сиракуз.

«Что ты задумал, Гамилькар?» – спрашивали себя командиры других кораблей и не могли найти ответа. Так некогда поступил небезызвестный Кир¹, собрав под своим крылом свыше десяти тысяч греческих наёмников против правящего Артаксеркса², – даже ближайшие его стратеги не знали, куда он ведёт их походом. Как это похоже на Гамилькара! Но те, кто близко знал адмирала, могли предположить, что он просто увлёкся, замечтался – со всяким бывает. Однако Гамилькар не отдавал команды поворачивать обратно, несёт тебя волны вперёд и несёт. Это ли не счастье?..

Гамилькар радовался и тому, что наконец-то ему удалось избавиться от своего главного надзирателя – Шадапа. Он договорился со своим сменщиком, бывшим командующим карфагенским флотом на Сицилии Карталоном, что тот займёт представителя власти отчётами. Всё-таки Карталону нужно сдать все дела, а кому, как не члену Совета?

– Я в цифрах не силен, – отмахнулся от нудной процедуры Гамилькар. – Лучше поброжу вдоль берегов на кораблях, посмотрю, что да как, пока вы со всем разберётесь.

Шадапу ничего не оставалось, как заняться делами Карталона. Этим воспользовался Гамилькар и приказал своей флотилии выступать в море.

Подразделения Карталона он возьмёт под своё крыло чуть позже, а пока осмотрится, хорошо всё обдумает. Война длится не один год, за год её, наверное, и не закончить. Противник более чем серьёзный, к нему нужен особый подход...

Но стоило Гамилькару вырваться в море, как другие мысли овладели им. Почему бы не махнуть прямо в Италию? Кто не даёт? Его там никто не ждёт. Потрепать по загривку capitoлийскую волчицу, напомнить ей лишний раз, что она не одна живёт в лесу.

Гамилькар несколько не сомневался, что командиры единодушно поддержат его. Разве не об этом они мечтали, когда нашли друг друга как единомышленники в Карфагене, а позже спло-

тились в своём маленьком лагере на побережье Бизацены?..

Гамилькар оторвался от дум. Юго-западный ветер радостно надувал огромные паруса флагманской пентеры. Корабли плавно скользили по слегка волнующимся волнам. Сиракузы, казалось, оставались к ним равнодушны. Но так только казалось.

Один человек на крепостной стене пристальным взглядом провожал флотилию Гамилькара. Сейчас по заказу царя он работал над усовершенствованием метательных машин для обороны. Только возникала проблема, которую он, как механик, должен разрешить как можно скорее. Хотелось сделать машины мощнее существующих, которые будут поражать врага на более дальних расстояниях; которые, скажем, смогут донести увесистый камень до того проплывающего корабля. Теоретически возможно, но практически получилось, удвоив или утроив, удесятерив размеры метательного орудия, создашь лишь массивного малоэффективного гиганта, монстра, способного впечатлять разве что только женщин и детей на праздниках. Значит, нужно идти другим путём, а не просто наращивать массу и объём машины, чтобы увеличить её эффективность. Для этого нужно, прежде всего, понять, какая сила действует на камень во время его выбрасывания и полёта, какое усилие придётся приложить к камню, чтобы метнуть его на нужное расстояние...

Человек задумался. Флотилия Гамилькара больше для него не существовала.

Архимед, а это был он, может быть, и не обратил бы внимания на корабль Гамилькара, но так сложилось, что он поднялся на крепостную стену Ортигии³, чтобы увидеть корабль из далёкой Александрии, о котором ему сообщили прибывшие накануне в город купцы из Египта. Он ждал новых работ из Александрийской библиотеки при Мусейоне, так называемом «храме муз», академии, возглавлял которую ныне известный поэт и учёный Каллимах, где в разное время жили, учились и работали Деметрий Фалерский, Странтон, Досифей, Аполлоний⁴, Ктесибий, чьи

¹ Кир (Младший) – сын Дария II, брат Артаксеркса II и его соперник по трону, наместник в Лидии.

² Артаксеркс II – персидский царь династии Ахеменидов (правил с 404 по 358 г. до н. э.).

³ Остров, один из районов Сиракуз, на котором находилась сиракузская крепость и дворец царя Сиракуз Гиерона.

⁴ Чуть позже получивший прозвище Родосский и написавший знаменитую поэму «Аргонавтика».

уникальные работы по гидравлике так его увлекли. Ждал также письма от своего друга Конона Самосского, которого, как он писал, Филадельф¹ недавно пригласил в Александрию, астронома и математика, открывшего кривую, которая раскрывает, как ему кажется, неограниченные возможности для применения её на практике.

Этого письма Архимед ждал даже больше остальных – кривая сильно заинтересовала его. Похожая на улитку, она завораживала своей формой. Кто-то назвал её «завитком», спиралью. Очень точно. И необычно.

У него самого вечные трудности с названиями. Иногда нужен гибкий ум, чтобы найденной линии или геометрической фигуре придумать такое название, чтобы оно устроило всех, закрепилось, а не отталкивало от себя. До сих пор так и не придумали ярких названий кривым, полученным разными сечениями конуса². Да и о терминах физикам ещё долго предстоит договариваться, а то приходится напрягать мозг только на то, чтобы понять, о чём в новой работе идёт речь, на чём строятся догадки и начальные предположения.

Да, в наше время быть учёным – тяжкий труд. Но он, Архимед, совсем не боится этого труда. И немного даже завидует тому, кто, как тот же Конон, живёт исключительно тем, что ему по душе, – чистой наукой. Он же вынужден в силу различных обстоятельств заниматься больше практикой, чем теорией. И всему виной стоявшая у порога родного дома чужая, ненужная война...

Нет, он не сетует на то, что до сих пор возится с механикой, механика многое ему дала, научила мыслить реально, исследовать неисследованное, объяснять непонятное, ставить новые вопросы, искать на них верные ответы. В конце концов, именно механика дала ему толчок к геометрическим обоснованиям его практических работ. Однако ему уже сорок, возраст, в котором, как говорят, мозг устаёт разбираться в тонкостях, математика – удел чаще всего молодых, пытливых, незашоренных. Хотя себя он таковым вовсе

не чувствует, наоборот, только теперь идеи из него сыплются как из рога изобилия. Не хватает только среды, в которой они проявились бы полнее и быстрее; товарищей по духу, чтобы он мог разобраться с ними свои наболевшие проблемы; хороших учителей, которые честно, как на духу, смогли бы сказать, в чём он ошибся, а в чём преуспел.

Сейчас центр мировой науки сосредоточился в далёкой, мирной Александрии. Мусейон, надо признать, почти во всём отличается от того же афинского Ликей или платоновской Академии: большей свободой мысли, что ли, широтой и разнообразием в исследованиях; порой сочетанием несочетаемого... Вот где ему надо быть, вот куда хочется попасть и куда он рвётся немыслимо сколько времени! Но, увы, – война, война...

Да, она, надо отдать должное Гиерону, не под стенами Сиракуз, но тень её, как фантом, витает в воздухе и каждый раз то тем, то иным упорно напоминает о себе. Напоминает, когда посланники римских легионов, чванливо осматривая всё вокруг, проходят через городские врата; когда грузят из сиракузских закромов зерно или обучаются стрелять из тех самых метательных орудий, которые сам Архимед изготовил и собрал, чтобы потом использовать полученные навыки на поле боя или при осаде близких сиракузянам по духу сицилийских городов. На всё это он смотрит с болью и хорошо понимает своего царя, который по воле судьбы оказался между молотом и наковальней в желании сохранить для своего полиса хоть какое-то подобие мира.

Если б Рим знал, какая «тёмная лошадка» для них этот на всё согласный царь Гиерон, с каким удовольствием он погнал бы заносчивых римских захватчиков с родной земли. Но он трезвый политик и понимает, что сейчас ни греческий (в чём убедился даже непобедимый Пирр, увидев погибших римлян лежащими лицами вперёд, в сторону врага), ни карфагенский мир ничего не могут противопоставить безжалостной, упорной римской машине. Греки в вечном раздрае, карфагеняне – в попытке спасти хоть что-нибудь из оставшегося. Их олигархи трясутся только за собственную шкуру. Впрочем, как и наши...

¹ Здесь: Птолемей II Филадельф (ок. 309 г. до н. э. – 245 г. до н. э.) – царь Египта из династии Птолемеев, сын Птолемея I Сотера и Береники I.

² Впоследствии их назовут «параболой», «эллипсом» и «гиперболой».

Архимед уверен – не держи Гиерон сиракузских толстосумов в твёрдой хватке, они давно открыли бы ворота римлянам. А от предательства не спасли бы даже оригинальнейшие оборонительные орудия, над которыми в последнее время он корпел. Катапульти, онагры¹, стреломёты, большинство из которых были если не придуманы, то преобразованы лет сто пятьдесят назад, ещё при Дионисии Старшем², до сих пор успешно используются в бою, при осадах и обороне. К дальнейшему их усовершенствованию приложил свою руку и он, Архимед. Но должен ли радоваться этому? С каким наслаждением он вернулся бы в свои стены, сел во дворе на солнышке, нарисовал бы веткой у ног на песке прямоугольник, вписал бы в него окружность и рассчитал...

Да мало ли чего можно рассчитать!

Отец, будучи астрономом царя, привил ему любовь к звёздам. Звёздное небо над головой... Завораживающее и манящее. Но ему мало простого любования. Он всегда тянулся к точным наукам, поначалу к тем из них, которые могли облегчить труд человека, помочь преодолеть природу. Он чувствовал себя в некотором роде Прометеем, который открыл для людей завесу над многими тайнами природы, позволил на шаг приблизиться если не к знанию богов, то хотя бы к знаниям героев, которые всегда стояли между простым человеком и богами.

Иные скажут, геометр Гиппас, тот самый, что разоблачил «секрет иррациональности» квадратного корня из двух, погиб во время кораблекрушения. Тот же Прометей поплатился за свою дерзость и самоуправство муками прикованного к скале на потеху Зевсова орла. Примеров приводить можно много. Боги мстят. Люди, которые открыли истины, доступные только богам, живут недолго, вскорости умирают, можешь поплатиться и ты. Но разве не благодаря богам люди стали развивать науки, строить храмы – жилища богов на земле? Не от почитания ли богов родилась одна из чудесных и практических наук – архитектура? Люди жили в убогих хижинах с трост-

никовыми крышами, но богам строили храмы поначалу из дерева, затем из камня. Чем больше человек познавал законы механики, тем краше и величественнее становились выстроенные людьми жилища богов. А театр? Само слово «механика» произошло от слова «механэ». Первоначально оно обозначало машину, которая в театрах поднимала на сцену богов и опускала их в финале. Потом уже избитым «механэ» стали называть военные машины...

В основе всего – геометрия, неизменно рядом, как родная сестра, – механика. Одна без другой не могут существовать. Законы механики базируются на законах геометрии, без знания этих законов строитель не поставит колонну, не водрузит на неё арку, не поднимет на высоту груз, не зная, сколько усилий потребуется на поднятие, не распадет ли всё сооружение, устоит ли при землетрясении, урагане...

Центр тяжести, точка опоры, действующие на тело силы – сколь много нужно для начала определить. Ум за разум заходит, когда пытаешься только представить себе, насколько замысловато устроена Вселенная, каким количеством законов она управляется. Кое-какие из них человеку открыли боги, но тут же были повержены другими, старшими богами. Не хотят, видно, чтобы человек хоть на ступеньку приблизился к ним, стал понимать природу и ею управлять, как управляют они. Может, боги думают, что человек, овладев тайными знаниями, свергнет их? Но как же человеку не познавать законы природы, если боги в последнее время всё чаще и чаще отворачиваются от него? Как человеку в таких условиях удержаться на плаву без поддержки богов? Как выжить, стать на ноги? Только если он самостоятельно овладеет силами природы, подчинит их себе.

Так думал Архимед и так сильно хотел познать мир. Даже, если хотите, подсчитать количество песчинок, которыми можно заполнить Вселенную. Почему бы нет?!

Но вот на горизонте показался египетский корабль. Наконец-то! Скорее в порт! А вечером – долгожданная радость: погружение в рукописи. И новые вопросы, новые мысли и, может быть, новые открытия...

¹ Камнемёты.

² Дионисий Старший (ок. 430 г. до н. э. – 367 г. до н. э.) – тиран Сиракуз с 405 г. до н. э.

Из литературного наследия Ивановского края

Михаил ДУДИН

(1916–1993) – член Союза писателей с 1942 года. В 1939 году призван в армию. Учился в полковой школе, воевал на Финском фронте, служил в конном взводе разведки. Начало Великой Отечественной войны встретил в легендарном гарнизоне полуострова Ханко (Гангут). После эвакуации с полуострова Ханко и до конца войны – на Ленинградском фронте. Работал в кронштадтской газете «Огненный щит», в армейской – «Знамя победы», во фронтовой – «На страже Родины». Награждён двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени и медалями. Автор более семи десятков прижизненных книг стихотворений и поэм. Лауреат Государственной премии РСФСР (1972), Государственной премии СССР (1981), Герой Социалистического Труда (1976). Почётный гражданин города Иваново.

СНЕГ

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу,
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Поёт густой, протяжный ветер
Над пеплом пройденных путей.
Скажи, зачем мне снятся дети, –
У нас с тобою нет детей!

Но на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

* * *

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней.
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня,
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты любила меня.

* * *

Ты мне всегда писала: «Будь!»,
Заканчивая письма.
И всей земной тревоги жуть
Тогда лишалась смысла.

И на распутье роковом,
Освободив ветрила,
Мела метель в сороковом
И в сорок первом била.

Снега сошли и смыли след,
Но, сердцем верный чуду,
Кричу тебе сквозь двадцать лет:
«Я был! Я есть! Я буду!»

Я на полслова не солгу
Пред тем, что в песне спето.
И крик теряется в снегу
И гложет без ответа.

НЕБОЛЬШОЙ ДЕВОЧКЕ ЕЛЕНКЕ

Какая ты смешная, право,
Походкой лёгкою, как дождь,
Чтобы не сделать больно травам,
Почти на цыпочках идёшь.

А я оглядываюсь ради
Твоей судьбы, тебя любя.
Мне кажется, что кто-то сзади
Стоит и целится в тебя.

* * *

Владимиру Жукову

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой,
Где оглохла земля от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой,
Снегириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Под Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне всё снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.

ТОВАРИЩАМ 1941 ГОДА

На закате горят города,
Задыхаются с детскими снами.
Эшелоны уходят туда,
Эшелоны, набитые нами.

Там трещит за редутом редут.
Там сломался рубеж обороны.
На закат эшелоны идут,
Днём и ночью идут эшелоны.

На закате горят города.
Не гляди, не надейся на чудо.
Эшелоны уходят туда.
Но они не вернутся оттуда.

Провожала нас Родина-мать.
И шинель, и винтовку вручила.
Не просила в бою погибать
И в бою отступить не учила.

Нам судьбою узнать не дано
Все о нас сочинённые были.
Мы погибли без спроса давно,
А о том, как погибли, забыли.

Пролетели над нами года,
И салют отгремел многократно.
Эшелоны ушли в никуда.
И никто не вернулся обратно.

ВЕКОВЕЧНА ЛИШЬ ПАМЯТЬ СВЯТАЯ

По апрелю, по марту, по маю,
Через все декабри-января
Вновь проходим, друзей окликая,
И умом, и душой понимая:
Не откликнутся те декабри.
Запоздала твоя перекличка,
Не вчера тот трубач отрубил.
Ни народной любовью, ни личной,
Ни слепой ворожкой, ни отмычкой
Не поднять нам ребят из могил.

Расползлась домовинка простая,
То ли снег, то ль песок на челе.
Вековечна лишь память святая...
Если б знали вы, как не хватает
Вас
на вами спасённой земле.

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ
(1937–1996)

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих поэтических сборников, вышедших в Москве, Ярославле, Иванове, а также книги «Денис Давыдов», изданной в серии «Жизнь замечательных людей» (Москва). Многократно печатался за рубежом. Переводчик с болгарского, сербохорватского, таджикского, казахского и других языков.

* * *

Сижу, в ладони уронив чело,
И об одном лишь думаю устало –
О том, как быстро прошлое ушло,
А будущее
Так и не настало.

* * *

Уходят рано русские поэты
И обретают вечный непокой.
Уходят сквозь восторги и наветы,
Не надыхавшись синью снеговой.
К нам траурная весть стучится в двери,
Врывается нежданная беда...
Они уходят, так и не поверив,
Что это – всё. Что это – навсегда.
Уходят в молодой задорной силе,
Не высказав заветное своё,
Они могли быть гордостью России,
А стали скорбной горестью её.
Как тяжелы вы, чаши поминанья,
Какою терпкой горечью полны.
Невидимой стеной непониманья
От уходящих мы отделены.
А нам осмыслить, разобраться нужно
В слепой неумолимости потерь.
Как ни ряди – а круг друзей всё уже,
И жжёт вопрос: «А чей черёд теперь?..»
Всё чаще мы ровесников теряем,
Как будто бы идёт незримый бой.
И судьбы их мы вновь соизмеряем
Непроизвольно с собственной судьбой.
Простые эпитафии слагаем
И пьем печаль ознобную до дна.
И может быть, впервые постигаем,
Что истина – она на всех одна.
Нести её сквозь праздники и будни,
В летящих днях и пасмурных ночах.
И никогда нам отдыха не будет,
Пока её вздымаем на плечах.
И если рядом вдруг друзья споткнутся
И навзничь, как в атаке, упадут,
То правды груз не должен покачнуться,
Его другие на себя возьмут...
Глаза нам вспышкой боли ослепя,

ИВАНОВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

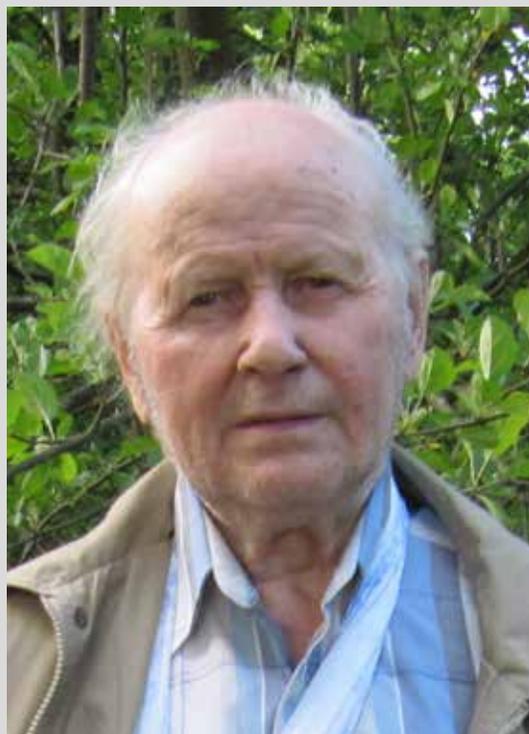
Уходят рано русские поэты.
Удел живых – душой скорбеть об этом
И всё, что сердцем яростным согрето,
Успеть сказать за них
И за себя.

* * *

Россию, распиная, продают,
Грозась зарыть на мировом погосте.
Одни
Ретиво забивают гвозди,
Другие
Эти гвозди подают...

Не вырваться ей, рук не отвести,
Обобранной, раздетой и голодной.
Зеваки казни принародной
Не в силах мать
От недругов спасти.

А мы, быть может, помогаем им,
Когда, смиренно опуская взоры,
На пиршестве глумленья и позора
Безмолвными статистами
Стоим...

Владимир ДОГАДАЕВ

Родился в 1926 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Участник Великой Отечественной войны. Автор девятнадцати поэтических книг. Лауреат всероссийской, областных и городских литературных премий. Член Союза писателей России с 1962 года. Живёт в Иванове.

РОССИЯ

Ни одна страна на свете
Не минула лихолетий.
И наверно, ни одна
Их не черпала до дна.

А Россия... Ах, Россия,
Проморожена до сини,
Прокалена докрасна,
Где брала ты только силы
Быть, и бедствуя, красивой,
Вольнодумной, как весна?

ПОБЕДА

Вчера,
От жары багровея,
Над топью курляндских болот
Метала огонь батарея,
Полки провожая вперёд.

Без сна пушкари-работяги
Которые сутки подряд...
Сегодня на белые флаги
Безмолвные пушки глядят.

Сvezли их когортою тесной,
Заслуженных почестей нет,
Раздольные русские песни
Да брызги несчётных ракет.

Кто большего счастья отведал?
Солдатские кружки полны.
Солдаты встречают победу,
Солдаты победой пьяны.

Там нашей гармонии раскаты
Над ширью лугов и полей.
Поют о победе солдаты,
И стыннут стволы батарей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Версту не добрался до дому,
Присел отдохнуть у бугра.
Услышался шорох соломы,
Родной говорок топора.
Волнуясь, просыпал махорку.
Поднялся, раздвинул кусты.
Пошёл...
И в траве на пригорке
Забыл госпитальный костыль.

* * *

На войне я не был ветераном.
Был я очень молод на войне.
Это слово
 поздно или рано,
Видимо, пристанет и ко мне.

С возрастом – не будет удивленья
Ни у деда, ни у молодца...
Так и обобщают в поколениях
Чёрточки не общего лица.

Но пока владычествует память,
Ощущенье младости живёт –
Словно май
 живыми лепестками
Долг всему живому отдаёт.

Потому и сила, и надежда.
Зрелый возраст голову белит,
А оно –
 то чувство, –
 как и прежде,
И стареть, и плакать не велит.

НА КРАЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

На краю тысячелетья
Постою да помолчу.
Что задумать,
Что успеть я
В миг летучий захочу?
Как на ветреной качели,
Взяв в откате высоту,
Пролечу назло метели,
Чтобы сосны,
чтобы ели
Прошумели,
 просвистели
 прямо в душу
 на лету.
Нет ни робости, ни страха.
Пузырём моя рубаха.
В буче звёздно-голубой
Не один я, а с тобой.
На двоих – одно дыханье.
Неделимый белый свет.
Вековечное желанье
Нам с тобой
 на ликование
 и ещё – на тыщу лет!

МОЛОДОЙ ИЕРОМОНАХ

ПРИЕЗД В ТОЛПЫГИНО

После непродолжительной практики в Преображенском кафедральном соборе в г. Иваново отец Анатолий должен был ехать на приход в село Толпыгино, в который получил назначение. Деревенская жизнь была ему хорошо знакома, но одно дело жить в деревне в качестве обычного деревенского парня и совсем другое – в качестве священника. Ему было как-то не по себе ехать в это незнакомое место одному. И тот же отец Николай Корякин, который порекомендовал ему в своё время поехать в Иваново, посоветовал ему пригласить с собой на приход монахиню Нину. Это была сухонькая женщина хорошо за пятьдесят, недавно вернувшаяся из ссылки.

– Ей всё равно некуда податься, а тебе с ней не страшно будет: бывшие ссыльные – они народ бойкий, – сказал ему отец Николай, когда он после окончания службы поделился с ним своими опасениями. И тут же, выглянув из алтаря, воскликнул: – Да на ловца и зверь бежит, вон и она. Нина, иди сюда!

Монахиня послушно подошла к солее.

– Ты говорила мне, что хотела бы на какой-то сельский приход уехать, чтобы не на виду быть? – спросил её священник. Он успе-

вал одновременно и говорить, и идти к солее, и тянуть за собой за рукав рясы растерянного отца Анатолия.

– Да, батюшка, – тихо ответила та.

Она держалась скромно и этим понравилась отцу Анатолию.

– Тогда поезжай с Анатолием в Толпыгино, ему через несколько дней там надо начинать служить, а он молодой ещё, деревенские одного его заклюют.

Монахиня изучающе посмотрела на молодого настоятеля и так же тихо сказала:

– А сам-то он хочет ли, чтобы я с нимехала?

– Да, матушка, – сразу ответил отец Анатолий.

– Тогда я не против: в городе слишком много тех, кто за мной следит.

– А чего за тобой следить? Или ты контрреволюцию какую задумала? – громко засмеялся отец Николай.

– Ничего я такого никогда не задумывала. А то, что в ссылке попала, так ещё апостол предупреждал нас, что все желающие жить благочестиво о Христе Иисусе будут гонимы.

«И Писание знает», – довольно отметил про себя отец Анатолий.

Через три дня они поехали в Толпыгино. Монахиня Нина сказала, что хорошо знает, где это: нужно доехать до Фурманова, а там пешком рукой подать. Хотя надо было за Фурманов проехать ещё километров десять в сторону Приволжска и попросить водителя автобуса остановить. Тогда действительно было бы недалеко идти, хотя и километр по деревенской грязи – то ещё удовольствие. А так для первого посещения Толпыгино им пришлось пройти больше десяти километров. К храму они подошли уже порядком уставшие. Их неприятно поразила развалившаяся ограда вокруг него, внутри которой были неухоженные могилы деревенского кладбища, в углу которого стоял какой-то плохонький домишко.

У входа в церковь их ждала Евдокия – местная жительница лет шестидесяти, которая торговала в храме свечами.

– Благословите, батюшка, – сказала она, подойдя к отцу Анатолию, который надел рясу перед тем, как им войти в деревню.

А когда он её благословил, то с деревенской непосредственностью воскликнула:

– А молоденький-то какой! Женатый?

– Нет, – смущённо ответил священник.

– Девки наши деревенские тебе прохода не дадут, – засмеялась та.

– Не смущай батюшку, – строго сказала монахиня Нина, до того молчавшая.

– А ты кто такая? – повернулась к ней Евдокия, бесцеремонно разглядывая с головы до пят женщину в длинной чёрной одежде, у которой даже чёрный платок был повязан так, чтобы полностью закрывать лоб.

– Это монахиня Нина, она будет мне помогать, – ответил за неё настоятель.

– Монахиня? Ну-ну, – одновременно недоверчиво и недовольно ответила продавщица свечей.

– А старосту мы сейчас сможем увидеть? – спросил отец Анатолий.

– Павла Ивановича? Нет, конечно. Он только когда службы приезжает, чтобы выручку забрать. Он так-то в Приволжске живёт.

Настоятеля эти сведения неприятно удивили, но внешне это никак не проявилось.

– А кто нам храм покажет? – спросил он.

– Так я и покажу, – бойко ответила Евдокия. – Заходите.

Они вошли в храм. Его несколько раз ненадолго закрывали, потом вновь открывали. Сильных разрушений в нём не было, сохранился иконостас, но всё было как-то грязно и неухоженно.

– Мне сказали, что есть церковный дом, – стараясь ничем не выдать свои эмоции, сказал настоятель.

Алексей ФЕДОТОВ

Доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала Института управления и Ивановского государственного химико-технологического университета. Член Союза писателей России. Почётный работник науки и высоких технологий РФ, почётный работник образования Ивановской области, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор ряда художественных произведений, некоторые из них переведены на китайский, английский, немецкий, испанский, белорусский, армянский, грузинский и калмыцкий языки. Публиковался в литературно-художественных журналах, в том числе «Роман-газете», «Нашем современнике», «Молодой гвардии».

– Есть, так вы же мимо него сюда шли, – бойко ответила Евдокия. – Вот вам ключи от него, а мне пока некогда: свиней надо кормить. Свиньи – они важнее всего, без них никуда!

– Это кому как. Даже чая не предложила, не очень они, похоже, здесь любят священников, – тихо сказала монахиня.

Она и не догадывалась, до какой степени была права. Один из предыдущих настоятелей жил очень скудно – люди боялись прийти в церковь во время гонений, содержать её и жить священнику было совершенно не на что. Он в прямом смысле нередко голодал, иногда от голода его качало, он падал в голодные обмороки. А деревенские смеялись: «Смотрите: поп опять напился!»

Настоятель с монахиней зашли в дом, ещё более грязный и неубранный, чем храм. В нём была одна комната около шестнадцати квадратных метров и небольшая кухонька. Только одна кровать и матрас, ни подушки, ни одеяла.

– Вы ложитесь, матушка, на кровати, а я на полу на кухне, – сказал отец Анатолий.

Но монахиня категорически не согласилась:

– Ещё чего не хватало! Я ко всякому привыкла, а вам нужны силы – здесь нужно не просто выжить, а восстановить этот храм, создать при нём полноценный приход.

– А как же вы на полу? – молодому настоятелю было очень неудобно.

– А я и не буду на полу, – усмехнулась мать Нина.

Буквально за полчаса она из каких-то ведёрок, досок и тряпок соорудила себе на кухне импровизированное лежбище, выглядевшее более респектабельно, чем кровать священника.

– Теперь давайте посмотрим, работает ли печка, – сказала она. – Вы человек ещё молодой, ни о чём не думаете, а меня жизнь научила, что про бытовые вещи надо думать. Как знала, что нас здесь не покормят. – И она достала из сумки пакет с картошкой, буханку хлеба, маленькую пачку чая и несколько кусков сахара.

Печка оказалась единственным, что в этом прогнившем, покосившемся набок домишке было в приличном состоянии. Они её расто-

пили, монахиня принялась готовить нехитрый ужин, а молодой настоятель сел на лавку и загрустил. «Как же я здесь буду жить?» – подумал он. Но молодость тем и хороша, что грустные мысли так же легко и уходят, как приходят. Когда они поужинали, то ситуация уже не стала казаться отцу Анатолию столь безнадежной. В этот день он сразу уснул, стоило ему лечь на кровать и укрыться подрясником. Утром же, когда священник проснулся, прочитал утренние молитвы, он чувствовал себя уже вполне готовым начать возрождать этот храм, который сегодня нравился ему уже намного больше, чем вчера.

НАСТОЯТЕЛЬ

Прошло около полугода. Отец Анатолий и монахиня Нина обустроились в Толпыгино. Прихожан было много, на службу приезжали и из Фурманова, и из Приволжска. Многим было интересно, что вот такой молодой священник. О настоятеле стали говорить, какой он красивый, да какой строгий при этом; при передаче от одной кумушки к другой это обрастало дополнительными подробностями. Поэтому народа в храме становилось всё больше – немало было тех, кто просто из любопытства приезжали. Покупалось много свечей, подавалось записок, но никаких денег настоятель не видел. На каждую службу приезжал из Приволжска староста Павел Иванович. После её окончания он сгребал все деньги себе в сумку и увозил. Учёта прихода и расхода средств никакого не было, деньги исчезали неизвестно куда, а храм как был в запустении, так и оставался.

Между тем это было время, когда по «Положению об управлении Русской Православной Церкви» 1945 года настоятель прихода имел возможность распоряжаться его финансово-хозяйственной деятельностью. Отец Анатолий, хотя был и молод, но имел достаточно внутренних сил для того, чтобы выступить против такого положения дел. Выступил прямо с амвона, не обвиняя прямо старосту в хищениях, сказал, что храм требует ухода, ремонта, а ничего этого не делается. Сколько в храме средств, настоятель

не знает. А между тем он отвечает за всё это. Такое положение дел терпимо больше быть не может, нужно выбрать другого старосту. Павел Иванович обиделся страшно:

– Да ноги моей больше здесь не будет, выбирайте кого хотите! – закричал он прямо во время проповеди.

И правда, ушёл и больше не появлялся. Вместо него отец Анатолий предложил выбрать Александра Андреевича. Это был старик с белой окладистой бородой, который обаял его тем, что любил рассуждать о том, что в храме вот это надо бы сделать и вот это, будь он старостой – через месяц начались бы ремонтные работы. Однако на деле получилось всё по-старому. Также после службы он все деньги сгребал в сумку, уносил домой. А когда настоятель спросил его, когда начнётся ремонт храма, ответил: «Моя дочь Вера Александровна экономистом работает на фабрике в Фурманове. Она грамотная, всё посчитает правильно, на что нам рассчитывать в ремонте».

Отец Анатолий потерпел месяц, второй. А на третий месяц сменил и этого старосту, и весь церковный совет – шли последние годы, когда это ещё можно было так просто сделать. Он уже хорошо знал прихожан, видел, на кого в чём можно рассчитывать. Старостой выбрали Сергея Фёдоровича Балябина. Это был простой деревенский мужик из Толпыгино, который не умел так красиво говорить, как два его предшественника, не умел напускать на себя важный вид. Но зато ему и в страшном сне не приснилось бы, чтобы тратить на себя церковные деньги. И он уже не единолично ими распоряжался: церковный совет стал реально действующим органом из числа верующих людей, желающих, чтобы их храм вернул себе былую красоту. Даже тётю Дусю за свечным ящиком заменили, чем она была крайне недовольна.

В храме начались и внешние, и внутренние ремонтные работы, начали чинить ограду, поправили и домик.

В то время в сельских храмах не служили всеошчные бдения, но отец Анатолий начал их служить накануне каждой литургии. Службы были не только в воскресные дни, двенадцатые

и великие праздники, но и во многие церковные праздники, в которые в деревенских храмах обычно не служат. Настоятель ввёл еженедельное чтение в храме акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. Читал его на коленях, что тоже было необычным и привлекало людей. Прихожан становились всё больше. Многие из пришедших впервые из простого любопытства, видя искреннюю веру священника, начинали приходить ещё и ещё, открывая для себя православие.

На клиросе в первый месяц службы отца Анатолия в Толпыгино пела одна монахиня Нина, но буквально через год сформировался хор из молодых людей. Настоятель понимал, насколько красота совершения богослужения влияет на тех, кто делает в Церкви первые шаги. И хор он поддерживал. Кроме Нины появилась и вторая монахиня-уставщица – Анна, которой было около шестидесяти лет. Она когда-то была насельницей закрытого женского монастыря в Иваново, в советское время работала в разных организациях, а выйдя на пенсию, захотела потрудиться при каком-нибудь храме.

В домике стало совсем тесно. Единственная небольшая комната была разделена занавеской на две половины, в одной жил молодой священник, во второй – две пожилые монахини. Им даже отдельные кровати было негде поставить – пришлось сделать одну двухъярусную. Баню строить было нельзя, потому что домик стоял на кладбище, вокруг были одни могилы. Поэтому мыться приходилось в корыте в сарае.

Но отца Анатолия не смущали бытовые трудности. Он полюбил этот храм, его красоту, которая по мере проведения ремонтных работ всё более проявлялась; его тишину в сравнении с соборами, на которые он посмотрел во время своей диаконской и священнической хиротонии и в которых не хотел бы служить ни в каком случае. Как-то настоятель сказал монахине Нине: «У меня такое ощущение, что я душой и телом прирос к этому месту...»

СИРЕНЬ

Деревенские молодки заглядывались на отца Анатолия: поп, да ещё молодой, да ещё

неженатый, да ещё красивый. Некоторые даже в церковь на службу приходили, пробовали глазами ему стрелять, но, поняв, что он их усилий даже не видит, обиделись и попытки оставили. Жил он в доме с какой-то старой монашкой, а потом с двумя; куда без дела не ходил, поэтому как бы случайно встретиться с ним было практически невозможно. Однако одну из деревенских девок это не остановило.

Нюрка в свои двадцать лет уже была та ещё оторва. С кем только она уже не была – и с парнями, для которых стала первой, и с женатыми взрослыми мужиками, даже со старым Павлом Ивановичем пару раз встретила в время его приездов из Приволжска. Говорили, что он обещал ей золотое колечко за это, а подарил серебряное – так ли это на самом деле, никто, кроме него и Нюрки, не знал, а они об этом не рассказывали, но откуда-то слух прошёл. Так вот этой Нюрке и взбрело в голову соблазнить молодого попа. «Ни один мужик ещё передо мной не устоял, и этот не устоит», – заявила она подружкам.

План её был прост и, как ей казалось, в силу этого безупречен. Она планировала дожидаться, когда старухи монашки куда-нибудь уйдут, поп останется дома один. Тогда девка влезет к нему в окно, и он падёт, беспомощный перед её красотой.

Однако на практике план оказался не таким уж и безупречным. Однажды Нюрка увидела, что монашки куда-то пошли из дома, а отец Анатолий ходит по нему один. «Сменю платье», – подумала она. Побежала домой, всё с себя скинула и натянула самое тонкое и прозрачное из своих платьев прямо на голое тело. «Теперь он точно мой!» – подумала она, когда, подходя к церковному домику, увидела, что и окно приоткрыто – как будто всё складывается так, чтобы её план стал реальностью. Девка она была шустрая, окна низкие – почти на земле. Нюрка легко запрыгнула в окно, для верности стянула с себя и тонкое платье, чтобы не оставить попу никаких шансов при виде её ослепительной наготы.

Только вот она не знала того, что монахи ни не ушли куда-то, а отходили буквально на

десять минут за берёзовыми вениками, чтобы сделать уборку в доме. А отец Анатолий как раз за пять минут до того, как девка запрыгнула в окно, зашёл в храм и так её и не увидел.

Однако Нюрку увидели, как она потом жаловалась подругам, «злые монашки», которым увиденное почему-то крайне не понравилось. Они как раз занимались уборкой. Одна из них что было сил шлёпнула её по толстой заднице мокрой тряпкой, а другаяхватила по спине берёзовым веником. Девка взвыла и чуть не выскочила обратно в окно в чём мать родила, однако монахини заставили её перед этим надеть платье. Нюрка по секрету рассказала о своём позоре одной подруге, потом ещё под большим секретом – второй; вскоре о случившемся знала вся деревня. Дошло это и до отца Анатолия, от которого монахини хотели скрыть происшествие. Он очень расстроился, долго переживал, а потом по периметру дома насадил сирень. Уже через пару лет влезть в окно дома было физически невозможно – так она разрослась. Да никто особенно и не пробовал после Нюркиного фиаско.

«Вот зачем мне эта внешняя красота, – раздражённо думал молодой священник. – Вот бы стать полным, как отец Никодим. И девки перестали бы обращать на меня внимание, и как настоятелю посolidнее не как мальчишка выглядеть». Стоило ему так подумать, как через несколько месяцев он начал резко полнеть. Монахиня Нина как-то спросила его, не заболел ли он, что так резко набрал вес – питание к этому не располагало. Тогда он поделился с ней своими мыслями. «Вот такой ответ я получил на мою молитву», – закончил он свой рассказ. Нина улыбнулась и сказала, что некоторым девкам и бабам, наоборот, нравятся толстые парни и мужики. Отец Анатолий задумался, ничего ей не ответил, но полнеть после этого перестал.

ИЗНАНКА ДУХОВНОГО МИРА

Отец Анатолий очень уважал монахиню Нину – за свою веру эта женщина прошла аресты, ссылки, и никакие испытания не заставили

её отречься от Бога. Молодой священник часто спрашивал, как у неё получилось справиться с этим, как она реагировала на конкретные угрозы, которых много было в её жизни. А монахиня Нина, обычно молчаливая, охотно ему рассказывала. Её готовность пострадать за веру не означала того, что она понимает, как устроен духовный мир, и один случай это наглядно показал.

Однажды она сказала отцу Анатолию:

– Вот атеисты говорят, что духовного мира не существует, а между тем есть способы, которые позволяют за границы этого мира выйти.

Глаза молодого священника загорелись. В тех условиях государственного атеизма ему, как и многим другим, казалось, что всё связанное с религией находится по одну сторону – другую по сравнению с богоборчеством. В семинарии его не научили, что не всякая религия – это хорошо. Дореволюционные профессора и доценты духовных академий, преподававшие ему, были сами воспитаны в позитивистском ключе. Мир тёмных духов казался им чем-то, связанным скорее с фольклором и этнографией, чем с реальностью. И на том, что религия может быть связана и с человеческими жертвоприношениями, и с ритуальными убийствами, и со многими другими действиями, обращёнными к миру демонов, они внимание семинаристов не заостряли. Возможно, считали, что и без этого им советская атеистическая пропаганда много плохого о религии расскажет, зачем ещё что-то добавлять. А места Ветхого Завета, где говорится о колдовстве и наказании за него, изучались очень поверхностно.

Поэтому отец Анатолий с интересом отнёсся к предложению монахини Нины провести спиритический сеанс. Она сказала:

– Давайте вызовем дух Пушкина.

Открыла окно, так как, по её мнению, дух не мог пройти сквозь стену, сказала, что нужно сесть за стол, взяться за руки. Молодой священник не очень верил в эти манипуляции, ему было просто интересно, возможно, сказывалась присущая молодости наивность. Но когда блюдце, стоявшее перед ними на столе, завертелось и он почувствовал реальное при-

сутствие какого-то духа, то понял, что что-то плохое происходит сейчас.

«Заклинаю тебя Богом живым: скажи, кто ты», – обратился отец Анатолий к духу. И услышал в ответ: «Дьявол».

Он тут же прервал сеанс, начал молиться, и всё исчезло.

– Больше никогда не нужно так делать! – сказал священник монахине. А она и сама поняла, что многого до этого не осознавала про религию и духовный мир намного сложнее, чем ей казалось.

Отголоски этого события преследовали отца Анатолия несколько месяцев. Однажды, когда он лёг спать, то сквозь сон почувствовал, что кто-то целует его в губы. Он хотел вскочить, но всё тело его было как бы сковано какими-то невидимыми путами. «Господи, помоги!» – прошептал священник. И тут же смог открыть глаза и встать. В комнате никого не было, окно закрыто изнутри. Он выглянул на улицу и увидел похожее на козла рогатое существо, смотревшее прямо на него. Отец Анатолий перекрестил его, и существо исчезло.

На следующий день, когда он служил всеобщее бдение в храме, к нему подошла больная женщина, про которую все говорили, что она бесноватая. «А я вчера к тебе приходил», – сказала она ему грубым мужским голосом, хотя обычно голос у неё был тонким и высоким.

Ещё через некоторое время как-то отец Анатолий забылся, к вечеру и в пятницу на ужин вместе со сладким чаем съел несколько кусков сыра. На следующий день та же больная во время всеобщего бдения на весь храм закричала: «Поп называется: в пятницу сыр жрёт. А ещё монахом хочет стать!»

«Мне ещё так многому нужно учиться, – грустно подумал священник. – Как жаль, что сейчас не найти религиозную литературу».

А буквально через неделю ему принесли целый мешок дореволюционных книг по богословию, каким-то образом оказавшийся у одной старой прихожанки.

Священник начал их жадно читать. Этот интерес к новым знаниям он сохранил до старости. Прочитанное он рассказывал монахине Нине, использовал полученную информацию

на проповедях. Так он не только приобщал к этому других людей, но и сам лучше понимал и запоминал содержание книг, раскрывавших перед ним многое, о чём ему не говорили в семинарии. А то, что духовный мир опасен, в нём не только Бог и ангелы, но и падшие духи, молодой священник и пожилая монахиня узнали опытным путём.

МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ

Время шло, а владыка Венедикт не возвращался к вопросу о монашеском постриге отца Анатолия. А его попытки самому заговорить об этом останавливал: «Потерпи, ещё не время. Если ты хочешь быть монахом, то должен быть терпеливым». Так прошёл 1952 год, потом 1953-й, в феврале которого епископ Венедикт был возведён в сан архиепископа, заканчивался 1954-й. В этом году перед началом Рождественского поста архиерей вызвал отца Анатолия в епархиальное управление и сказал:

– Этим постом совершится твоё пострижение в мантию. 21 ноября я получил разрешение на твой постриг от Святейшего.

– А когда? – обрадовался молодой священник.

– Думаю, что в середине декабря. Надеюсь, ты понимаешь, что торжественный постриг в кафедральном соборе невозможен.

– А в Толпыгино? – с надеждой в голосе спросил отец Анатолий.

– Как ты себе это представляешь? Более того: из Толпыгино тебя придётся перевести.

Внутри у молодого настоятеля, успевшего полюбить свой приход, всё опустилось. Архиерей заметил это и, улыбнувшись, добавил:

– Ненадолго. Мне же нужно обосновать твой постриг. Зачем на сельском приходе монах?

Отец Анатолий внимательно смотрел на него, ожидая разъяснений, и архиепископ Венедикт продолжил:

– Поскольку монастырей у нас нет, то я назначу тебя настоятелем Крестовой домово́й церкви во имя преподобного Серафима Саровского в епархиальном управлении. Мне же может потребоваться помощник. А через пару недель

ты не справишься с этим послушанием, и я верну тебя на приход. Но уже в сане иеромонаха. Постриг состоится в Крестовой церкви во время всенощного бдения, которое я там совершу.

Молодой священник не раз видел, как торжественно проходят постриги в Троице-Сергиевой лавре. Он никогда не задумывался, как именно с внешней стороны пройдёт его пострижение, когда это станет возможным. Учитывая небольшую площадь домово́й церкви, внешне оно имело определённые отличия от того, что он раньше видел, но весь чин был тот же самый.

Отца Анатолия очень волновало, каким будет его монашеское имя. Спросить архиерея заранее он не смел, чтобы не раздражить. А вдруг какое-то несуразное имя, а с ним всю жизнь жить? И когда он услышал, как архиепископ Венедикт произнёс «Амвросий», то его душа успокоилась – оно было благозвучным, житие святителя Амвросия Медиоланского священник хорошо знал ещё со времён учёбы в семинарии.

Его постриг совершился вечером 17 декабря. На ночь иеромонах Амвросий остался молиться в маленьком Крестовом храме. Всю ночь, не смыкая глаз, он прилежно читал Псалтирь, Евангелие. Своими словами обращался к Создателю, прося Его благословения и помощи в прохождении монашеского служения.

Утром отец Амвросий сослужил архиепископу Венедикту во время литургии в этом же храме.

Несмотря на то, что была суббота, документы о постриге и назначении настоятелем Крестового храма подготовили в этот же день.

– Не будем смущать прихожан в Толпыгино информацией об этом назначении, – сказал ему архиепископ Венедикт. – Скажем им, что ты на две недели уехал в отпуск, а к Новому году вернёшься к ним. Но отпуск твой будет сопряжён с ежедневным служением здесь или в соборе утром и вечером и постоянной молитвой.

Всё так и было. Уже 31 декабря отец Амвросий вновь получил назначение в Толпыгино, а прихожане даже и не заметили, что их настоятеля сначала забрали от них, а потом вновь к ним назначили.

Алексей ФЕДОТОВ

Никас Сафронов. Русская зима, х. м. 30 x 40, 2018 г.

Никас Сафронов. Зима на окраине, холст на карт., масло, 58 x 78. 2018 г.

S. NIKAS

Евгений СМИРНОВ

Родился и живёт в г. Наволоки Ивановской области. Два высших образования. Работает редактором местной газеты «Приволжский рабочий». Стихи пишет с детства, выпустил семь поэтических книг, одна из них – поэма «Путь солдата» – находится в личной библиотеке Президента РФ (о чём сообщили автору из администрации Кремля).

В 2018 году выпустил краеведческую книгу о Наволоках, в 2021-м – книгу о священнослужителе, отце Или.

С 1984 года – член Союза журналистов, с 2003-го – член Союза писателей России, состоит в Ивановской писательской организации. Лауреат Губернаторской премии и литературной премии им. М. В. Фрунзе. Почётный гражданин города Наволоки и Кинешемского района.

РОДИНА

В любви искать не надо проку,
Её не вымерять ценой.
Любите дальнюю дорогу,
Простор, покрытый тишиной,

В ладонь упавшую снежинку,
Речушки взгляд из полыньи
И пожелтевшую травинку
У края влажной колеи.

Пусть вам вовеки не наскучат
И звон ручья, и стройный лес,
И в ясный полдень клякса-гуча
На чистой скатерти небес.

Я сам прожить давно не в силах
Без теплохода на реке,
Без этих чаек белокрылых,
Сидящих стайкой на песке.

Люблю свой край светло и нежно
И постараюсь полюбить
Всё то, что будет неизбежно,
И то, чего не может быть...

Не всё сбылось, не всё успелось,
Но если б был с тобою врозь,
Наверно б, так легко не пелось
И так привольно не жилось...

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»

Цветущий май развеял облака,
По всей стране бурлят людские реки...
Наш День Победы – это сын Полка,
Которому в России жить вовеки!

«Бессмертный полк» в ряды построил нас,
Предвидя путь загадочный и длинный,
Он вышел из «засады» в нужный час –
Когда России надо быть единой!

Подобием спасительных икон,
Доверившись рукам родных и близких,
Плывут портреты в шелесте знамён,
Молчат в суровой думеobeliski.

Несёт геройских дедов молодёжь,
Да так, чтобы повыше, повиднее...
Смотрю – и в горле ком, и в чувствах – дрожь,
И все, кто рядом, – ближе и роднее.

«Бессмертный полк»! Ему не поредеть –
Не все окопы найдены и вскрыты.
И заставляют сердце холодеть
Останки павших, что войной зарыты...

Тот до сих пор из дота ищет цель,
Тот слёг в песок, взорвавши переправу...
И каждый ждёт от нас: «Бери шинель,
Пошли домой...» – в бессмертие и славу.

О, если б все, кто в битвах полегли,
Одной колонной тронулись в дорогу,
Они бы дни и ночи шли и шли –
Отважные, усталые, не в ногу...

Жизнь коротка. А память – на века.
Пусть павшие с живыми будут рядом!
Сегодня День Победы, сын Полка,
Расправив грудь, командует парадом.

На нас кривят ухмылки за «бугром»:
Мол, это всё кремлёвские забавы...
А мы душой и плачем, и поём,
Гордясь своим Отечеством по праву.

«Бессмертный полк», ты памятью спасён!
Поверьте, полководцы и солдаты,
В него войдут герои всех времён,
В боях за Русь погибшие когда-то!..

ИЗ ПОЭМЫ «ПУТЬ СОЛДАТА»

* * *

Уходят ветераны...
Им уже
За восемьдесят лет, за девяносто...
На этом беспощадном рубеже
Им оборону выдержать непросто.

Уходят ветераны.
Навсегда.
Впервые фронтовое поколение
Без боя оставляет города
И малые российские селенья.

Уходят ветераны. Без наград,
Накинув «деревянные шинели»;
Уходят на небесный свой парад
Под звуки нежной ангельской свирели.

Их путь туда, в бессмертия приют,
Где вечно ожидают подкрепленья,
Где в общий строй торжественно встают
Дивизии, дружины, ополченья...

История, открой грядущий миг!
Я вижу площадь Красную сквозь годы.
Ликует май!
Последний фронтовик
Идёт на праздник Славы и Свободы.

Ему велит принять парад страна!
И пусть давно уже не та она,
Всё это наше – радости и беды.
И впредь не сможет на Руси весна
Торжествовать
без Праздника
Победы!

А МЫ ТАКИЕ ЖЕ, ПОВЕРЬТЕ...

Напрасно чуда ожидаю,
Укоры логики наруша.
Погибла слива молодая,
Погибла худенькая груша.

Так получилось – не сумели
Себя сберечь в ночах морозных,
Окоченели, почернели,
Застыли в позах грациозных.

Вслед за морозами метели
В пуховики их одевали,
Но даже в ласковом апреле
Их ветки жизнью не дышали.

Уж лето вышло из светлицы,
Бурлит в цветенье суматошном.
А им уже не веселиться
На этом празднике роскошном.

«Какая жалость», – шепчет липа,
«Какая боль», – скорбят тюльпаны,
И соловьиной песни всхлипы
Сад оглашают постоянно...

Нам думать некогда о смерти,
Цветём, шумим жизнелюбиво!
А мы такие же, поверьте,
Как эта груша, эта слива...

СВЕТ В ОКНЕ

В нашем стареньком доме, которого нет,
По ночам иногда загорается свет.
И тогда под окно из глухой темноты
Молча выйдут цветы и сирени кусты.
Встрепенутся берёзы, вздохнутся ель,
Совершенно без ветра качнётся качель,
Залепечет ручей, прогнусавит овраг:
«Что-то в жизни не так,
Что-то в жизни не так...»

Сяду я, как всегда, на скамейке в саду,
Затоскует душа, но домой не пойду.
На ветвях примостясь, засияет луна,
А я взгляд не смогу оторвать от окна!

В нём появится тень, а потом по шнуру
Занавеска тихонько скользнёт к косяку,
И увижу я вдруг сквозь таинственный свет
Старой мамы моей дорогой силуэт.

Сядет мама на стул, взгляд уставит во тьму.
Что ж не спится-то ей и грустит почему?
Где ты, мама, была столько зим, столько лет?
Но она ничего мне не скажет в ответ.

А ещё через миг всё растает как дым,
И на ощупь пойду я бурьяном густым,
Будет сердце в груди колотиться не в такт:
«Что-то в жизни не так,
Что-то в жизни не так...»

Может, прошлым теперь я сильней дорожу,
Может, редко я к ней на могилу хожу;
Может быть, потому и горит этот свет
В нашем стареньком доме, которого нет...

А ИХ УЖЕ НЕТУ...

С родными, друзьями, что где-то далече,
Не видимся долго, вздыхаем о встрече,
Чтоб с чаркой в руке спеть им «многая лета»,
А их уже нету...
А их уже нету!

Пока мы хоть как-то здоровы и живы,
В растроганном сердце смиряем порывы –
Решительно бросить дела и заботы,
Рвануться к вагону, в такси, к самолёту
И мчаться туда, где раскроют объятия
Друзья и родители, сёстры и братья.

Со щёк наших время румянец смывает,
И смерть незаметно гнездо в нас свивает,
Она не за тучами, не за морями,
Она и в печали, и в радости – с нами.

Нередко к нам ангелы в сны прилетают
И нашу ленивую совесть пытаются,
О ком-то далёком напомнит комета:
Спешите, спешите! А их уже нету...

Мы рвёмся из сил, чтобы жить побогаче,
Чтоб были «крутые» машины и дачи,
Нас манят мечты на роскошные пляжи,
На шумные стойбища купли-продажи.

Не знаем молитв, не умеем креститься,
В сердцах то унынье, то зависть ютится,
В храм Божий зайдём, да и то мимоходом,
И так год за годом, и так год за годом.

Листики календарные тупо срываем,
Открытку напишем – послать забываем.
Вот так и о нас вдруг спохватятся где-то,
А нас уже нету,
А нас уже нету...

СМОРОДИНА

Белая смородина,
Красная смородина
Хорошо рифмуются
С нежным словом «Родина».

Но с чего ты, белая,
Как заледенелая?
Отчего ты, красная,
Грустная, безгласная?

В пору пышноцветную,
В дни весны пригожие,
Как сестрёнки дружные,
Были вы похожие.

Но пришли под грозами
Дни огнеопасные.
Эта стала белая,
А другая – красная.

...Помню годы школьные,
Как в гостях у бабушки
Стену я разглядывал,
Кушая оладушки.

Там в иссохших рамочках
И необрамлённые
Были фотографии,
Временем краплённые.

На одной – в обнимочку
Два солдата brave,
При «крестах», овечьих,
Боевою славою.

«Кто они, бабуленька?»
Та в ответ: «Солдатики,
А верней сказать, мои
Старшенькие братики.

Сашенька да Ванечка...
С немцами сражались,
А потом, в семнадцатом,
Вдруг размежевались...

Говорят, что сгнули
Средь огня бездонного:
Ваня – у Деникина,
Саша – у Будённого...»

...Белая смородина,
Красная смородина.
Хороша ты, Родина,
Да судьба – уродина...

ГОРОДА НАДО СТРОИТЬ В ГЛУБИНКЕ

Нежно кудри тумана лохматя,
Сонный берег присел над водой.
В темноту, охраняя фарватер,
Вышел бакен, реки часовой.

Пахнет рыбой, землёй и цветами,
Месяц льёт серебро из ковша,
А вдали, обливаясь огнями,
Теплоходы плывут не спеша...

О уют красоты и покоя!
Не с того ли мой город всегда
К Волге тянется, как к водопою
В жаркий день табуны и стада.

Пусть живём мы всё время на сдачу
От великих проектов страны,
Но ловить не устанем удачу
Даже в редкие сети казны.

Город строит, растёт, расцветает,
Молодеет, рождает, творит,
Любит, учится, верит, мечтает,
Пашет землю, метёт и сорит...

Мы пока ещё только в разминке.
Шепчет Волга, волну шевеля:
«Города надо строить в глубинке,
Но чтоб видели их из Кремля...»

Лариса ЩАСНАЯ

Родилась в 1939 году на Донбассе, в семье горняка. После окончания строительного факультета Новочеркасского политехнического института была направлена на работу в Иваново. Заочно окончила Литературный институт им. А. М. Горького, семинар Владимира Соколова. Автор 15 книг стихов, прозы, пьес. Член Союза писателей России с 1972 года.

СОНЕТ

Снега покрылись плёнкой слюдяною.
К реке – по насту – лишь мои следы.
Разбег речной не укротили льды:
Поток не стянут коркой ледяною.

Трава бежит на месте под водою.
Ольха растёт почти что из воды.
Я тоже вырастаю из беды,
Не в силах больше жить своей бедою.

Как часто с нами говорит природа
О временах сменяющихся года
И сокровенной сути перемен.

Да, всё течёт под синью небосвода...
И птицу не удержишь в час отлёта,
И сердцу тесен постоянства плен.

* * *

Ты с жизнью за всё расплатилась сполна.
Казалось бы, руки – пустые...
Осталась лишь малая горстка зерна,
Но зёрнышки все золотые.

ЗАВИСТЬ

Саму себя с упрёком отторгая,
Стеснила сердце зависть золотая...
Тяжёлый шум в ушах... Внезапно хлеб прогорк:
Нет, я так не смогу... Нет, я совсем другая...
О, как же ты бедна, душа моя нагая,
И как богат кипящий жизни торг! –
Слова чужих стихов, пределы раздвигая,
Как самоцветы, грудною сверкая,
Рождают в сердце зависти восторг!

* * *

Чашу бедствий нечем пополнять:
Вся полна – до самого предела.
Через край печаль перелилась,
И душа с колен приподнялась
И о счастье жить и горевать
Запела.

МОЖЕТ БЫТЬ...

Может быть, ещё будем мы живы,
Повторяясь, как мысли чужие,
Притворяясь то светом, то мглой,
То огнём, то остывшей золой,
То цветами в листве изумрудной,
То травой на тропинке подспудной,
То бегущим в неизвестность ручьём,
То тоской ни о ком, ни о чём,
То звездой, указующей путь...
Хоть когда-нибудь, хоть где-нибудь!

РАССТАВАНИЕ

Расходимся. Взлетают надо мной
В прощальном взмахе вскинутые руки.
Свободнее, чем птица над волной,
Парю в пространстве счастья и разлуки.
Вся в поцелуях, как трава в росе,
И с жаждою, ничем не утолимой...
«Прощай, прощай! С тобою мысли все.
Где ты – там я. Где я – и ты, любимый».
Так нестерпима чувства теснота!
«О милый мой, ещё раз погляди же!»
Шаг от тебя. Я та же и не та.
На этот шаг я к нашей встрече ближе.

ХУДОЖНИК «ШИШКИН»

Этот овраг отделял город от села, по сути дела, являясь зримой, широкой и глубокой пограничной полосой.

Город наш был маленьким, а село – большим. Не в том смысле, что село было больше города, а в том, что для города наш городок был небольшим, а село для села – великоватым.

Впрочем, незначительность и того и другого объекта в масштабах огромной страны нас ничуть не смущала – мы не сомневались в своей известности далеко за пределами нашего края и в этом смысле без стеснения равнялись на столицы или какие-либо иные большие и знаменитые географические пункты. Да и трудно было не возгордиться, прочитав однажды в учебнике «Родной речи» такие строки из старой былины: «...Как из города Мурома да из села Карачарова выезжал казак, добрый молодец Илья

Муромец...» Прочитав впервые, мы, конечно, испытали восторг, который, если перевести из эмоционального состояния в словесный эквивалент, звучал бы приблизительно так: «Ага! То-то вот! Знай наших!» С тем и жили – и удивлялись, сталкиваясь где-нибудь в чужой стороне с чьей-то абсолютной некомпетентностью в этом вопросе.

Но рассказ мой не о тайнах древнего города и не о преданиях славного села. Рассказ о том самом овраге.

Ни с исторической, ни с эстетической, ни даже с топографической точки зрения он ничего существенного собой не представлял – он даже не был самым большим ни в городской черте, ни в ближайших окрестностях. Но для нас, многочисленной ребятни – от соплевых дошколят до прыщавых юнцов, – он имел ко-

лоссальное значение! Это был наш «затерянный мир», наш «остров сокровищ», наша «земля Санникова»! И не важно, что многие из нас и не слышали до поры ни о Конан Дойле, ни о Стивенсоне, ни о профессоре Обручеве.

О, это был удивительный овраг – овеянный детскими легендами, подростковыми преданиями и юношескими мифами. Зимой здесь катались на лыжах и санках, строили ледяные крепости с лабиринтами и тайными ходами. Летом рыли пещеры, возводили хижины и шалаши; среди сброшенного на дно мусора искали «невесть чего» и находили «бог знает что»: битое стекло, перегоревшие радиолампы, фанерные корпуса от телевизоров и радиоприёмников, железные болванки, подшипники, провода в разноцветной изоляции. Там играли в прятки, казаков-разбойников и вели многодневные войны: то понарошку, между собой, с игрушечным, выпиленным из дерева оружием, то почти всерьёз, с хозяевами противоположного склона оврага, и тут в ход зачастую шли не только кулаки, но и камни и палки.

И наконец, самое захватывающее, волнующее и немного пугающее: стрельба из «поджигов» – самодельных пистолетов (самопалов), плотно набитых спичечной серой вместо пороха и заряженных мелко нарубленными гвоздями или шариком от подшипника, – по мишеням в виде пустых бутылок или консервных банок. «Поджиги» грохотали, банки дыривались и улетали в кусты, бутылки разлетались стеклянными брызгами! Но для того чтобы взять в руку это самодельное убойное оружие, надо было ждать и терпеливо подрастать, до срока лишь наблюдая за манипуляциями других. А потом подбирать материал, пилить, сверлить, запаивать. Это всё ещё были детские игры, но уже с элементами запретной мужской жизни – запахами пороха и привкусом готовой вот-вот пролиться крови.

Надо признаться, наши шалости иной раз доходили до той самой черты, за которой уже могли обернуться бедой. И если пробка из паровой пушки улетела в безопасную сторону, брошенный под ноги взрывпакет никого не ослепил, а стеклянные осколки от карбидной

гранаты просвистели над головами, то шарик от подшипника, забитый в ствол самопала, нашёл-таки свою жертву. И это не было нелепым случаем, не было роковым стечением обстоятельств. Это была игра в «дуэль», доведённая двенадцатилетними пацанами до логического конца, до взрослого безумия.

Это было страшно, но почему-то и красиво – словно речь шла о хорошем кино. Это вызвало испуг, но почему-то рождало ещё и зависть. Последняя фраза смертельно раненного: «Прощайте, друзья!» – нашла отклик в каждом мальчишеском сердце. С изумлением мы передавали её друг другу, будто в ней был какой-то особый, скрытый и возвышенный смысл.

Впрочем, взрослые наших чувств не разделяли. Отцы были в растерянности, матери впадали в истерики. Наша сонная городская окраина, ошеломлённая небывалым событием, гудела подобно растревоженному пчелиному улью. Милицейские мотоциклы носились по посёлку, словно пребывали в бесконечной погоне за кем-то. Участковый с дружинниками ходили по квартирам. Велось дознание, частично проводили обыски. Изымали даже рогатки. Нас разоружали!

История обростала такими небылицами, что вскоре в неё уже невозможно было поверить. Это спасло второго участника трагедии от неминуемого и жёсткого наказания. Но все мы прошли через «чистилище», а кто-то угодил и по инстанции дальше: оказался на учёте в милиции.

Помнится, мало что было найдено, и в основном несущественное: ну рогатки, ну несколько гнутых из ореховых палок луков, стрелы к ним (правда, с железными, вырезанными из жести наконечниками); главное же, злополучные «поджиги», были быстро, как тогда говорили, «заныканы» по тайникам или зарыты в землю всё в том же овраге. Каждый подросток мнил себя пионером-партизаном (вроде Вали Котика или Марата Козея) и, несмотря на «жестокие пытки» (словесные), держал язык за зубами.

Я знаю имя того у нас во дворе, кто сам, без чьей-либо помощи, сделал себе это опасное оружие, сделал добротнo и красиво. Но и сегодня я его не назову.

В водоворот этих невероятных, пугающих и в то же время захватывающих событий я втянут не был, они меня даже по касательной не задели. Но профилактическую беседу отец со мной провёл. Он был немногословен, но резок и ироничен: высмеял дуэль как «барскую» забаву, а несчастного погибшего паренька унизил обидным словом «дурак».

Я возражал, вопрошая у него, зачем же он парнем вместе со своими дружками-одногодками вывинчивал взрыватели у неразорвавшихся немецких бомб, что падали недалеко от их деревни на железную дорогу Тула – Москва. Он нашёл ответ быстро – треснул меня по затылку, словесно определив и меня в категорию «дураков». Разъяснять свою точку зрения подробнее он не посчитал нужным.

Более развёрнутую версию его ответа я сформулировал за него сам много лет спустя. И звучала бы она в его устах, наверное, так: обезвреживать неразорвавшиеся бомбы в пятнадцать лет было хоть и глупо, но имело какой-то высший смысл; подставлять же лоб под кусок ржавого железа в мирное время ради пустой забавы может только полный идиот!

Я потому так подробно упоминаю этот случай, что стоит он особняком. Для нашего маленького рабочего посёлка, расположенного на окраине города, он был подобен взрыву атомной бомбы – так потряс и ужаснул он его обитателей. «Взрывной волной» зашатало такие крупные и, казалось бы, прочные конструкции, как местные пионерские и комсомольские организации, и унесло в неизвестность отдельные городские фигуры, отвечавшие за молодёжную политику. Эхо же того «взрыва» ещё долго аукалось в головах перепуганных родителей, изумлённых учителей и озадаченных городских чиновников.

Пожалуй, это самая страшная и грустная история, связанная с нашим врагом. Она засела в памяти прочно, но всё же отдельно, если можно так сказать – на теневой её стороне, где потом, со временем, скопилось многое из того, на что сегодня оборачиваешься редко и с неохотой. А тогда, по малолетству, и вовсе была вскоре вычеркнута из сознания. Более важные, как нам казалось, дела потеснили её на периферию наших интересов. А это были: поиски зарытых сокровищ сгинувших местных богатеев; создание собственных тайников с посланиями далёким потомкам; разработка тактики и стратегии «приовражных» боёв для противоборства диким «деревенским ордам».

А чуть позже нас стали интересовать редкие парочки, ищущие уединения в наших заповедных местах. И тут тоже нужно было поломать голову, как помешать этому уединению, повеселиться и при этом не получить по шее от разъярённого кавалера.

Владимир ЗИМИН

Родился в г. Москве в 1951 году. Окончил актёрское отделение Горьковского театрального училища. Работал в театрах Магнитогорска, Перми, Кинешмы, Иванова не только как актёр, но и как режиссёр. Публиковался в журналах «Русь» (Ростов Великий), «История» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Берег А» (Магнитогорск), в альманахе «Откровение» (Иваново). Автор пяти книг прозы. Лауреат областной и городской литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в г. Иваново.

Одним словом, овраг этот был местом замечательным! И главным его преимуществом перед прочими, не менее интересными местами было отсутствие взрослого ока. Мы были вроде бы и недалеко от своих домов, но уже вне поля зрения дотошных матерей.

...И вот как-то раз летним солнечным днём, явившись на наше законное место – за сараями у самого края оврага, – мы обнаружили там чужака. Впрочем, нет, слово «обнаружили» не совсем верное. Точнее будет сказать: мы чуть не налетели на него. Он сидел к нам спиной на раскладном стульчике, перед ним на трёхноглом столике были разложены тюбики, кисточки, какие-то баночки; столик оканчивался тем, что, очевидно, должно было стать картиной, но пока представляло собой просто белое полотно, правда, местами уже испачканное разного цвета пятнами.

Мы замерли в растерянности, все как по команде, не дойдя до него едва ли не меньше двух шагов. Я не помню, сколько нас было в тот раз, но чтобы внести хоть какую-то определённость и не путаться в дальнейшем, остановлюсь на цифре «три». С таким же успехом мог бы написать «четыре», настолько это в данном случае несущественно. Итак, мы, все трое, словно по команде детской игры «замри», застыли в оцепенении в самых нелепых и неудобных позах – таков был эффект неожиданности. И не двигались до того момента, пока кто-то из нас не сказал:

– Шишкин.

Сказал шёпотом. Шёпотом – не от страха и даже не от неожиданности, а от невероятности созерцаемого. Появление на краю оврага, заросшего кустарником, крапивой, лопухами, застроенного сараями по одну сторону и огороженного заборами по другую, настоящего живого художника было в нашем представлении сравнимо с прибытием на Землю космического пришельца, то есть событием невероятным. Мы и картин-то настоящих ещё не видели, разве только репродукции, развешенные в разных учебных кабинетах нашей школы и, в исключительных случаях, у кого-нибудь в квартире (в комнате или на кухне), а тут – на тебе! – си-

дит реальный, что называется, всамделишный художник, подбирает кисти и, похоже, хочет обессмертить наш ничем не выдающийся овраг!

Итак, была произнесена фамилия Шишкин. Мы похихикали, расслабились, осторожно продвинулись вперёд. Нас всё ещё не замечали. Или не обращали внимания. Мы осмелели и сократили расстояние до минимума – никакой реакции не последовало и тогда. Художник самозабвенно предавался непонятному нам процессу: тыкал разными кисточками то в краски, то в полотно, то наносил краску густо, будто масло на хлеб намазывал, то нежно клал её самым кончиком, словно дорожил каждой каплей, то резко, почти грубо, проводил какую-то полосу пальцем, то осторожно ноготком собирал краску в кучку.

И вдруг он замер – точно спиной почувствовал присутствие вблизи посторонних. Замер и стремительно развернулся к нам лицом. Недовольство своё неожиданным нашим вторжением он выразил настолько своеобразно, что оно проняло нас сильнее, нежели обычная взрослая брань. Его дёргающаяся голова, рот, брызгающий слюной, и громкое мычание, режущее уши, ошеломили нас так, что мы бросились врассыпную.

Впрочем, оговорюсь: тут было не столько испуга, сколько детской неприязни, почти брезгливости ко всякого рода ненормальности – физическому или умственному уродству. Жил в нашем доме бывший фронтовик, человек, получивший тяжёлую контузию на войне. Приступ, как шептались взрослые, «падучей» мог настичь его в любое время и где угодно: за игрой в домино под старой берёзой, за колкой дров в сарае, за развешиванием белья во дворе, и тогда бывший фронтовик становился совершенно беспомощным – падал как подкошенный и бился в судорогах и конвульсиях. Зрелище опять-таки не столько страшное, сколько неприятное, Мы звали на помощь его жену, но сами держались уже в сторонке.

Именно его мы вспомнили, услышав знакомые нечленораздельные звуки. Именно дальнейшего – падения на землю, пены изо рта – ожидали с опаской. Но самого неприятного не случилось. Когда мы, выждав какое-то время,

осторожно высунулись из-за сарая, художник наш мирно занимался своим делом.

– «Шишкин»-то глухой и немой! – сделал открытие старший из нас, тот, кто в самом начале и придумал ему это прозвище.

Надо заметить, что никого из художников, кроме Шишкина, да ещё, пожалуй, Айвазовского (репродукция его картины «Девятый вал» висела в квартире моего друга и соседа Генки) мы знать не знали. Но Айвазовский рисовал море, корабли, а Шишкин – поля, леса, медведей. Поэтому кличка «Шишкин», данная неизвестному художнику, ни у кого из нас не вызвала возражений.

Вспомнил! Его звали Гера! Георгий! Он всего-то был на год взрослее нас, но являлся в этот период и вожак, и непререкаемым авторитетом; к тому же и жил ближе к оврагу, отчего, как нам казалось, и прав на этот самый овраг имел больше нашего.

Его открытие придало нам смелости и уверенности. В конце концов, не мы заняли место художника, а он вторгся в наши владения. Мы вновь оказались за его спиной и хоть сохраняли дистанцию, но держались демонстративно независимо. Впрочем, до поры нас опять не замечали. Нам же было чрезвычайно интересно, что там происходило с картиной.

Конечно, каждый из нас когда-то что-то пытался изобразить цветными карандашами и даже старательно мазюкал что-то акварельными красками на уроках рисования, но, к сожалению, максимальных успехов нам удалось достичь исключительно в той области этого творчества, которое в народе презрительно именовалось «заборомарательством». А тут на наших глазах из ничего должно было возникнуть «произведение». Поэтому, оставаясь демонстративно независимыми, мы всё-таки старались не попадаться «Шишкину» на глаза.

А тот делал вот что: менял кисточки, тыкал их в краски, смазывал краски на картину, приглядывался то к картине, то к оврагу, опять тыкал в краски и опять размазывал их; порой замирал, точно задумывался о чём-то, а порой принимался кивать головой с интенсивностью и размеренностью механического болванчика.

Все эти манипуляции вскоре нам поднадоели. Смотреть особо было не на что. И наверное, мы бросили бы это пустое занятие, если бы вдруг не сосредоточили всё своё внимание не на художнике, а на самой картине. А с ней происходили явные и зримые изменения. Из пёстрого хаоса густо намазанных красок стали проступать знакомые нам места: зелёный склон, покосившийся чёрный забор на краю его, верхушки плодовых деревьев вдали, рыжие крыши домов. Каждое движение кисти делало изображение чётче и ярче, словно художник не краску накладывал, а загадочными пассажами волшебника наводил фокус до резкости пусть не идеальной, но уже достаточной, чтобы всё узнать и ничего не перепутать.

Я видел ту картину короткое время, стоя на расстоянии, и ни художника, ни его творение больше никогда нигде не встречал. Но она поразила меня тогда какой-то яркостью, я бы сказал, праздничностью. Такой и осталась в памяти.

И вот что странно: нарисованный красками уголок нашего маленького мирка показался мне более правдоподобным, нежели настоящий, непонятно чем заинтересовавший художника и послуживший ему натурой. Тогда я, разумеется, не нашёл этому объяснения. А сегодня, кажется, знаю ответ. Потому что таким – светлым и радостным – представлялся он нам всегда, вне зависимости от погодных условий и прочих скучных реалий! Ведь это был наш «остров сокровищ», наш «затерянный мир»! И похоже, странноватый художник увидел его нашими глазами!

Увлёкшись картиной, мы утратили осторожность и были тут же обнаружены. Изгнание повторилось с тем же набором воздействия на нас – мычанием, брызганьем слюной, маханием рук; но вот уход наш уже был иным – мы ушли медленно и недалеко. А точнее говоря, разошлись по сторонам и с невозмутимым видом, переключаясь, принялись обсуждать овражные красоты и прочие прелести сельского ландшафта. Таким образом, в меру сил и возможностей мы продемонстрировали ему свою независимость и право на определённую часть общего для всех оврага.

С нашим присутствием в видимой близости он в конце концов смирился, продолжал работать, лишь временами насторожённо оглядываясь. Впрочем, финал наступил быстро. Всё-таки мы рассчитывали увидеть конечный результат его усилий, но сборы были так внезапны и так стремительны, что ничего более существенного, чем узоры на спине его рубахи (а рубаха была яркая и сама по себе, и измазанная красками), мы рассмотреть не успели.

Недоумению нашему не было предела. Мы не знали, что думать. То ли он закончил свой труд и удалился сам, по собственной воле, то ли наши усилия не пропали даром и он позорно бежал, вернув нам незаконно захваченное. Мне кажется, тогда мы больше склонялись ко второму варианту: он льстил нашему самолюбию и подогревал наше мальчишеское тщеславие.

Все мои попытки воскресить в памяти образ этого художника тщетны. Лишь только физические изъяны, да, пожалуй, ещё возраст – он был юношей, вот и всё, что я сегодня могу о нём сказать. Что не относится к его картине – её я запомнил гораздо лучше. Может, потому, что она писалась на наших глазах; может, потому, что это была не просто цветная картинка, а первая настоящая виденная мной картина; а может, быть дело в ней самой, в этой картине.

Ведь не исключено, что тот беспомощно мычащий юноша, прозванный нами в насмешку «Шишкиным», стал потом мастером, обрёл известность под своим настоящим именем, а его работы оказались у коллекционеров и в фондах многочисленных музеев.

Почему-то именно так мне и хочется думать...

Сколько минуло лет! Жизнь изменилась. Страна усохла и перекрасилась. Дети выросли,

внуки подрастают. Всё идёт своим чередом. А меня упорно, наперекор течению времени, поворачивает назад, в далёкое прошлое, словно я – маленькая беспомощная стрелка в большом компасе, а там, теперь уже в совершенно иллюзорном мире, – магнитный полюс!

У меня в квартире двадцать три картины – холст, картон, ватман, масло, акварель. В основном это среднерусский пейзаж: поля, рощи, старые избы, церквушки. Я собирал их много лет и очень ими дорожу. Но порой мне кажется, что я с лёгкостью обменял бы их все на одну-единственную, ту самую, с видом нашего оврага и сельских садов. Обменял, чтобы потом – подобно герою рассказа Александра Грина «Фанданго», сумевшему с помощью страстного желания и при поддержке неведомой космической силы через загадочную картину (с изображением внутреннего убранства испанской гасиенды) перенестись из холодного и голодного Петрограда в солнечную и жаркую Андалузию, – тоже в свой счастливый час (когда звёзды на небе сойдутся должным образом, планеты выстроятся в необходимую линию, а луна очутится в той фазе, в какой ей и надлежит в это время быть) переместиться, провалиться, всем своим существом проскользнуть туда, прямиком на заросший крапивой и лопухами зелёный склон.

И кто его знает, быть может, выйдут мне навстречу забытые друзья, ныне уже состарившиеся, а частью и вовсе покинувшие этот мир, выйдут всё теми же, двенадцати-, тринадцатилетними, и мне, тоже двенадцатилетнему, будет достаточно крикнуть: «Привет!», чтобы быть признанным и принятым в новую захватывающую игру!

Июль 2019 г., г. Иваново

ИЗ ЦИКЛА «ЛИКИ ИСТОРИИ»

ЛЕВ ЯШИН

*Есть упоение в бою...
Пушкин
Злое стадо будет радо...
Никита Гладунюк*

Есть упоение в броске
от пустоты на волоске,
той пустоты, что пальцы обожжёт,
коль мяч – горяч, настойчив, лих, –
скользнув, промчится мимо них
и воровато прошмыгнёт
в пролёт ворот.

Вот он летит, и ты летишь,
и от тебя зависит лишь –
вонзится в сетку, остановится ли он,
подобен жалящей осе, –
и, враз поднявшийся, осев,
вздохнёт взревевший стадион...
Проклятый сон!

Андрей ГЛАДУНЮК

Родился в Иваново в 1954 году. Окончил филологический факультет ИвГУ. В разные годы работал в областных газетах «Ленинец», «Рабочий край», «Ивановская газета», «Хронометр-Иваново», «Иваново-Вознесенск», журнале «1000 экз.». На данный момент – ответственный секретарь областной «Ивановской газеты». Стихи и прозаические произведения публиковались в российских и местных альманахах и сборниках, журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Волга», «Бег» (Санкт-Петербург), «Немига литературная» (Минск) и др. Автор поэтических сборников «Признание» (Ярославль, 1984) и «Право писания» (Иваново, 2020) Член Союза журналистов (с 1985 г.) и Союза писателей России (с 1999 г.). Лауреат городской литературной премии им. В. С. Жукова (2012).

Над Чили плавится жара...
«Менять голкипера пора! –
толкая тренера, кричит вспотевший врач. –
Ещё спасибо, что живой,
ты ж видел – в штангу головой...»
«Нельзя без Яшина, хоть плачь!»
Проклятый матч!

«Контракт... валюта... голова...
замена...» – кружатся слова,
и подходящих, нужных не найти;
в глазах завеса... Ной не ной,
а эти... как их... бьют штрафной
из-за штрафной,

так метров с двадцати...
Встать на пути!

Лететь положено мячу,
и он летит, и я лечу –
но он, подлюка, раньше прилетел,
и Хромов Стас¹ диктует в ТАСС
на телетайп: «Вратарь не спас,
за тридцать метров проглядел».
Эх, бракодел!..

Аэропорт, как стадион,
гудит, ревет со всех сторон;
плакаты: «Яшин, убирайся за кордон!»
Никто не видел чёртов матч²,
но каждый праведно горяч:
«Читали в "Правде"?...»
«Есть резон
в таких оценках...»
«Яшин, вон!»
«Продался, хренов чемпион!..»
Проклятый сон!

«Жаль, оцепление пока,
а то б намять ему бока!»
«Ему ж забили с сорока!»
«Да нет, вообще издадека –
почти что с центра, не читали, что ль,
"Советский спорт"?»
«Какое с центра – от ворот
вратарь чилийский бил впролёт!..»
В масштабных выводах упёрт
аэропорт...

Проклятый сон как паралич:
вот он летит – не мяч, кирпич! –
в окно, в стекло – повадкой воровской;
жена рыдает, дочь кричит...
В подьезде: «Яшин – паразит!» –
на стенах детской рукой...
Кто ж ты такой,

пацан, изгваздавший мелок?
Скажи-ка, как ты мог, милок,

огрызком мела Яшина чернить?!
То было много лет назад,
тебе давно за шестьдесят...
Ночами плачешь, может быть?
Да нет, забыть

гораздо проще и умней,
а совесть торкнется – чёрт с ней;
с нас малый спрос, мы ж были – детвора;
зато впиши в число удач:
в тот главный, юбилейный матч
ты громче всех, приняв с утра,
орал ура...

...Наркоз отходит. С потолка
свет лампы цвета молока.
На прикроватной тумбочке цветы.
Не шевельнуться, стыд и срам!
В изножье – груда телеграмм...
Изножье?.. Нет, брат, пусто там...
Как бы с небесной высоты
спустился ты

к себе, под белой простыней...
Свет – не поймёшь, ночной, дневной...
Всё что-то грезится... Ночник как
светлячок...
Вон тот пацан в подьезде... Бог
ему судья. Ну что он мог?
Малёк попался на крючок...
Спи, дурачок!

¹ Имя вымышленное.

² Матч ¼ финала первенства мира 1962 года советское телевидение не транслировало, в том числе по финансовым соображениям.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

От солнца стены узорчаты,
Насквозь просвечены палаты,
И то – чай, март, а не январь!
Изволит тешиться в шахматы,
Из бани вышед, государь.

Лукавый Биркин¹ дело знает,
До сердца чувствует игру,
На край доски передвигает
С умом тяжёлую туру,
Того гляди ударит слева.
Сожрать бы пешку, ан нельзя.
А мы подвинем королеву –
Сиречь всесильного ферзя.

Холоп родить усмешку тщится,
Беспечным ликом осмелев, –
А сам страшится, ох страшится
Перстом затронуть царский гнев!
Поди узнай, откуда камень
С вершины грянет невпопад:

¹ Родион Петрович Биркин – представитель так называемого худородного дворянства, фаворит Грозного.

Победой али поддавками
Башке своей поставишь мат.

Да ладно мудрствовать, чего там,
Нацелил ход, так не робей...
У, племя рабское! Осотом
Взросло средь утренних степей;
Повыжечь всех, до чёрной пыли!..

«А, кстати, молви, Годунов:
Сей день поутру запалили
Тех – помнишь? – лживых колдунов?
Волхвы толпою, чуть не сотня,
Клялись, я это слышал сам,
Что душу я свою сегодня
Дья... то бишь Господу отдам.
И вот двенадцать уж пробило,
А я – я вот он, есть как есть!»

«Их, государь, поменьше было,
Чем сотня, – пять, а может, шесть.
И все сейчас в просошшем срубе
Ждут: стрелки в ночь сомкнутся лишь,
И ты в покрытой рясой шубе
Собольей брёвны запалишь».

«А, то-то! Сам чуть не ожёгся,
Того гляди и шапка с плеч!..
Зря, Бельский², ты поостерегся
Про то пророчество изречь,
Вот я тебя!.. Да ладно, ладно,
Дождуся полночи... Эй, ты,
Потешник Биркин, мне надсадно
Ждать, как полуночной звезды,
Пока ты пешку передвинешь,
Ферзя в засаду заманя,
Иль через строй мой перекинешь
Нетерпеливого коня!
Я жду! Не доводи до хруста
Сомкнутых царственных перстов!
Я... мы... Постой, не надо!.. Пусто,
Темно в очах!.. Я не готов!..
А-а! Отравили?! Годунов!
Дышать!.. Нутро пылает дюже!..
Ы-ы!..»

² Богдан Яковлевич Бельский – выходец из неродовитых боярских детей, думный дворянин, глава аптекарского приказа. Любимцем Грозного стал, проявив себя на опричнине.

«Что ты, батюшка?! Скорей,
Сюда, сюда! Царь занедужил.
Эй, кто там! Нянек! Лекарей!»

Бегут, топчут, рвутся в створы,
Как будто всё вокруг горит,
Холопя, немцы, дьяки-воры
И, в чёрном весь, архимандрит.
Вот поднял крест посланец церкви –
Царь содрогнулся и затих;
Смежил глаза – и стены смеркли:
Багровый отсвет схлынул с них.

Дух чёрной птицей отлетает
От уст... Что видел он сквозь тьму
И слышал, может быть? Кто знает?
И что мерещилось ему?
Ответить даже не пытались...

Но как же всё-таки правы
В своих прозреньях оказались,
Чьим наушеньем догадались
(А после живы ли остались
Иль пеплом вымелись) волхвы?

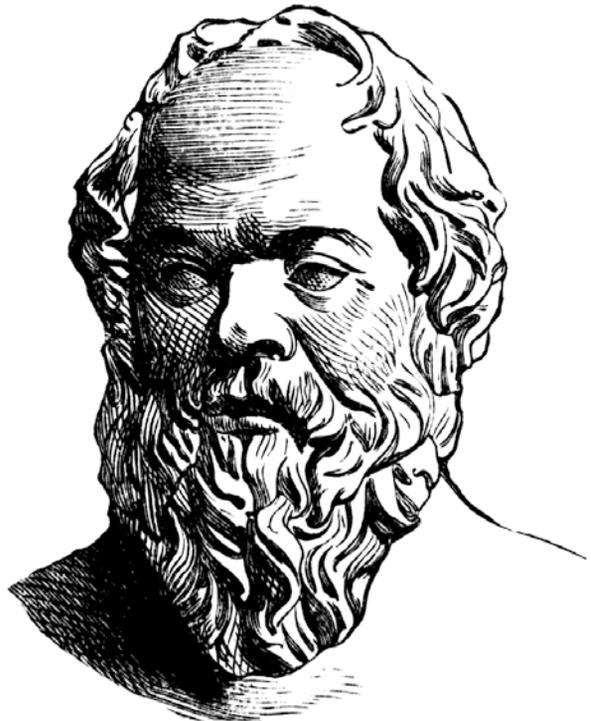
СОКРАТ

*...Я доказал не словами, а делом, что
для меня смерть, если не грубо так
выразиться, – самое пустое дело, а вот
воздерживаться от всего незаконного и
безбожного – это для меня самое главное.*

Сократ (в пересказе Платона) – о том,
как он решился не выполнить приказ
об участии в аресте некоего «богатого
человека» Леонта

Послушай, Критон, что скажу, отправляясь
в дорогу,
Слушай и ты, друг Платон, и вы, Антисфен
с Эпигеном, и ты,
Сидящий В Тени (это я, чтоб вы поняли, – к Богу;
Какому из них? – да к любому)... В клепсидре¹ воды
Почти не осталось, последние капли повисли

¹ Клепсидра – водяные часы.

На носике медном. Начав предначертанный путь,
Давно я собрал, как пожитки, поступки и мысли.
...Ксантиппа, не плачь! Уведите её кто-нибудь.

Коль счёт на минуты, так будем беречь
и минуту,

Чтоб не раскатились закатной беседы плоды,
Покуда не стёрли ещё в скорбной чаше цикуту –
Награду людей, их посильный форос² за труды.
Труды не такие, что меряет пролитым потом
Уньлый гребец на галере иль каменотёс;
Наш пламенный труд не приравнен к тяжёлым
работам

И лавр олимпийских, увы, никому не принёс.

Наш труд (ты, дружище Платон, это знаешь
не хуже,

Чем я) и невидим, и злыми глупцами презрен...
...Что, робкий палач, ты с поклоном пришёл уже?
Ну же,

Неси свою чашу; прощай, поднебесный мой плен!
Ах, рано ещё? Так зачем приходил, недотёпа?

Иди себе с богом – с богами, хотел я сказать...
...Вот – смерти прислужник, а славный мужик,

кстати, на филантропа
Совсем не похож... Так о чём бишь?

² Форос – налог, дань.

Давайте мечтать!
 Мечтать, чтоб однажды когтистая ненависть
 сохлась,
 С невежеством слипшись, как финик
 невызревший – в зной,
 Как слиплись и сохлись беспутные
 демос и охлос¹
 В бездарном, несправедном, вздорном суде надо
 мной.
 Придёт Он, придёт Он, посланец осознанной воли,
 Живой и бессмертный укор нашим голым богам,
 Придёт Он, придёт долгожданный,
 и Он не позволит,
 Чтоб шайка дикастов² людей приравняла к бобам!

«Не смерти страшись – смерти ужасней позора
 едва ли,
 Не смерть открывает несчастий и ужасов ряд», –
 Мне это демони хором подспудным внушали,
 Всегда говорили – и ныне, я слышу, твердят.
 Мне мысль о побеге ужасней, чем смерти
 дыханье, –
 Пусть даже готово пристанище мне
 на чужих островах,
 Пусть даже тюремщик (ты прав, Гермоген),
 не боясь наказания,
 Не прочь отпустить меня прочь... Ха-ха-ха!
 На словах,

Конечно, потом он казнился б, но знал,
 что прощенье
 Ему обеспечено... Нет уж!
 Мне горше цикуты побег.
 Но пуще, скажу вам, противна мне мысль
 об отмщенье.
 Чтоб мстить сикофанту? Да тьфу на него!
 Впрок отпущенный век
 Я выпил до капли клепсидровой, выжал
 и дожил –
 Так чашу с отравой сейчас опрокину – до дна.
 Бежать и признать, что виновен, друзья,
 не одно ли и то же?

¹ Демос – народ, охлос – толпа (охлократия – власть толпы).

² Дикасты – назначенные демосом судьи, шесть тысяч судей. При вынесении приговора имели равные голоса и отдавали их, бросая в специальный сосуд бобы чёрного и белого цвета.

Как можно, о боги?! Я чист как младенец...
 А, вот и она,

Легка на помине, сверкает заветная чаша!
 Ну, добрый палач, снизойди,
 потрудись объяснить,
 Чтоб с пользой и смыслом решила
 экклесия³ наша:
 Мне залпом её или так, в удовольствии, пить?
 У нас ведь, в Афинах, и пёрднуть нельзя
 без народа,
 Решенье собравшихся – всякому делу венец...
 Простите, друзья, не могу... Такова уж природа:
 Без шуток как птица без воздуха ваш
 «босоногий мудрец».

Ну, вот она, скользкая, тёплая, словно живая,
 Тяжёлую влагу надменно колышет у рта.
 Не выроню, нет!.. Что-то надо б сказать, допивая
 Последний глоток... Ничего не придумал... Пуста!
 Ну что, отличаю ещё откровенья от бреда?..
 Примми свою чашу, палач милосердный, не плачь!
 Теперь я прилягу... Друзья, а ведь это победа –
 Лежать, умирая, и видеть, как плачет палач!

А вы-то что взвыли? Разжалобить, что ли, хотите?
 Не выйдет, пустое!.. Не надо ни жестов, ни слов...
 Как рано стемнело! Ну что ж вы стоите? Светите,
 Светите! Гоните крылатую нечисть
 из чёрных углов!..
 Анит⁴, ты зачем здесь? Тебя я не звал
 с безотрадного ложа...
 Кто знает, в чём связь разрушительных следствий
 и жалких причин?..
 ...Критон, не забудь, петуха я Асклепию⁵ должен –
 Ведь он, как от рвоты, от жизни меня излечил.

³ Экклесия – народное собрание, созываемый по конкретным случаям парламент.

⁴ Анит – автор и инициатор доноса на Сократа, тот самый сикофант.

⁵ Асклепий – бог врачевания. Древние греки приносили ему в жертву петуха за избавление от недугов. Последними словами Сократа были: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте».

ИЗ ПОЭМЫ

«Берег Мартарии»

3

Здесь темнота, хоть выколи глаза,
когда идёшь от клуба после танцев
к вагончикам, но кончиками пальцев
откроются для взора небеса
так неожиданно, что, голову задрвав,
от изумления и трепета немая,
остолбенею вдруг, не понимая,
что происходит.

Точно из ведра
пылают яблоки хвостатые и кружат,
взрывая небо и с ветвей срывая
другие яблоки, и скатами сараев
на огороды катятся.

Священный ужас
трепещет каждой жилкою и колет
тончайшими иголками.

На поле,
на брёвнами обуженную Каму,
как будто выговаривая: «Камо
грядеши?» И по чёрной перфоленте
чертами огненными режет
на языке неведомом, но реже.
Последней спичкой фиолетовую
чиркнет
и стихнет.

И, стоя у открытого окна,
смотреть в пространство и не видеть,
как медленно витийствует Овидий,
рукой касаясь утреннего сна
продрогших яблонь, и, слагая слоги
из лепестков, струящихся с отлогих
ветвей, подсвеченных слегка
луною растворившейся, как сахар
в холодном кипятке, и, задыхаясь
от красоты, одним движением века
смахнул и долгое дыхание стиха
оставил.

А ты закроешь ставни изнутри,
чтобы доспать часок, и русскою борзою
всё будешь рыскать садом до зари
и путаться в метаморфозах,
пока на скошенном загравке не вздыбит шерсть.
И прочь попятишься,
в следах пиита
учуя собственную смерть.

* * *

В деревнях заброшенной России
забываешь гонор без причин,
просто видишь небо, и косые
солнца заходящего лучи
освещают бабу у колодца:
вот нагнулась, вёдра подняла
и, по каплям сплёскивая солнце,
медленно до дому поплыла.
Медленно калитку открыла,
медленно ступила на крыльцо...
Господи, а мы воротим рыла,
в городе столкнувшись... и лицо
спрятав в закипающем кипрее,
чтобы от стыда не зареветь...
Словно хмель, ударила Рассея
запахом забытых деревень.

ЗАРЕЧЬЕ

1

Ни живая ни мёртвая
из дому выбрела – колом
в горле дыхание спёртое,
спирту бы выпить да в голос
с первым попавшим на площади
песню протяжную... Резко
вскинула голову: «Пощади,
не остави мя». Всплесками
лунными, лёгкой дымкою
небо кружит и падает.
По Уводи первые льдинки.
Заморозок. Светает.

2

И там, где линия косая
реки, почти неразличимы,
летят, едва земли касаясь,
сквозные тени и зачином
протяжной песни отвечают
на мой вопрос: «Кто вы такие?»
– Кто мы такие? Мы – гончие псы.
– Где ваш хозяин?
– Хозяин наш спит

Нина МАТВЕЕВА

Нина Геннадьевна Матвеева родилась в 1953 году в городе Иваново. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета. Печаталась в коллективных сборниках, альманахах, в местных и центральных периодических изданиях. Основные направления литературной деятельности: поэзия, редактирование, литературное консультирование. Автор двух поэтических сборников: «Добровольное изгнание» и «Карстовая память». Член Союза писателей России. Живёт в городе Иваново.

сном беспробудным, и кровь его еле
меж берегов точится и елей,
высохших и надломившихся на
сходе к реке. Затянули до дна
вязкие сны.

– Так звонкой охотой
что ж не будили?

– Всё неохота, да было неволя...
Вздрогнули тени и истончились,
лёгкими рифмами над проструились
и за пределами всех пониманий:

– Спит наш хозяин,
звонкоголосый и солнечный гений,
между глухих и невнятных наречий
затосковав.

И, теряя дар речи,
скрылись в заречье.

* * *

Затерялся автобус в пути
 довоенного образца.
 – Выходи, – мне водитель твердит.
 И, не смея лица
 отвернуть,
 закрываю глаза, –
 не пе-ре-сказать
 эту жуть.
 И, хватаясь за поручни,
 не выхожу.
 Но водитель выталкивает:
 – Иди, –
 и, на газ нажимая,
 срывается, –
 и смотри.
 Вдоль дороги и вглубь
 погорельцы стоят,
 изнутри догорая
 и малых ребят
 прикрывая собой.
 Загустевшей смолой
 то ли кровь, то ли слёзы
 текут из глазниц...
 Догорят и, как с насыпи,
 падают ниц –
 только искры огня,
 да огненный взор
 полыхнёт напоследок
 из-под углей.
 И куда бы ни шла,
 мимо ли деревень
 догорающих
 или обугленных пней –
 Над Отечеством дым сладковатый стоит.
 Кто здесь был до меня, кто оставил разор?
 Только огненный взор –
 погорельцы стоят.

* * *

Отчего в этом стылом краю
 так душа предаётся печали,
 словно день пребывала в раю,
 а под вечер из рая изгнали?
 И, не зная, куда ей держать
 поздний путь, озираясь в испуге,
 замерла, чтобы дух отдышать,
 да нечаянно вскинулись руки
 в жалкой просьбе хоть путь указать.
 Долгим эхом над ней хохотали
 небеса, закативши глаза.
 И от павшей на сердце печали
 прошептала зачем-то: «Прости...»,
 не докончив и плечи вжимая,
 побрела, лишь бы только брести,
 лишь бы только подальше от рая.

ГЛОТОК РОСЫ

быть может, жизнь – не более глотка
росы из лепестка подлунной лилии,
когда, спускаясь в доли, облака
земные травы задевают крыльями

и пеленают в шёлковый туман
большую ночь с младенческими всхлипами,
в себя вбирая звёзды, и дома,
и позднее жужжанье пчёл над липами,

и свеянную крыльями пыльцу,
и тайных троп дыхание бессонное,
и даже тонко к милому лицу
ладонь любви впервые вознесённую,

но, может, просиявший в росах миг,
так сиротливо и так нежно тающий,
длинней, чем жизнь, чем журавлиный крик,
края земли и неба размыкающий

КАК ПЛЫВУТ КУПОЛА

плещут золотом пряди ракист,
окунувшихся в алое солнце,
вот и сердце – когда отболит –
как-то слаще и ласковей бьётся,
истекая по капле из ран,
словно макам нектар возвращая,

я не помню стального пера –
а не то чтобы просто прощаю –
я не помню ни боли, ни зла,

только запах ладоней и мёда,
и ещё – как плывут купола
по земным нескончаемым водам

Елена МАКАРОВА

Елена Владимировна Макарова родилась в 1976 году в городе Иваново. Окончила Ивановский государственный энергетический университет (электроэнергетический и экономический факультеты). Печаталась в коллективных сборниках, альманахах, в местных и центральных периодических изданиях. Основные направления литературной деятельности: поэзия, публицистика, журналистика, редактирование. Автор четырёх поэтических сборников: «Белых дней якоря», «В купели белого горнила», «Капля на весле» и «С лепестками солнца». Лауреат всероссийских поэтических конкурсов. Лауреат литературной премии имени Д. А. Фурманова. Член Союза писателей России. Живёт в городе Иваново.

ПРОХОЖИЙ

он движется в потоке,
он течёт,
колеблемому лотосу
подобен,

всплывая на востоке,
альпий чёлн
роняет с кили иней,

мир, в ознобе,
в чахоточном веселье
октябрей,
по переулкам зябко
розовеет,

костры ночей осенних,
прогорев,
едва дымятся,

улицы, мелея
и расширяясь в устьях
площадей,
его выносят к будничным
причалам,

а где-то, с терпкой грустью,
о звезде
звенят и плачут вина
в белых чанах

СТОРОЖ

фабричные огни...

так пасмурно и сыро,
что кажется –
ещё чуть-чуть, вот-вот...

но это – не они,

и от начала мира
остался
только сторож у ворот
таким же,
как всегда,

а это – только листья,
кружащие
в промозглой сизой мгле...

холодная вода,
рябиновые кисти,
тоска в глазах
и осень на земле...

а было так –
прошли
с лампадами и лирой
в хитонах трое,
кажется – вчера,

но дождь немолчно лил,
и спали
дети мира,
курил махру
лишь сторож до утра

ГОЛУБЬ

а голос?
куда же девается голос,
когда рассыпаются звенья
тонических бус,
и колос
макает в вечерние тени
серебряный ус

так тонко,
что слышно, как дышат печали
и как вдалеке
ребёнка
плывущая лодка качает
на млечной реке,

навстречу
рассыпанным бусам бросая
два белых весла,
и вечер
миндальным соцветьем осанну
несёт на крылах,

порхнув из ладоней, как голубь...
но голос?

КОЛОДЕЦ

обречённость весны,
акварельные радости осени,
и опять, и опять
обречённость весны впереди,
словно белую ветку сирени
сорвали и бросили
в обветшалый колодезный сруб
голубые дожди,
только цепь прозвенела едва,
пробуждённая каплями,
только эхо летящих соцветий
над зыбкой водой
пело так,
словно где-то вдали
зачарованно плакали
грозди спелых рябин,
трепеща
под вечерней звездой

КАПЛИ

лазурное завтра –
а если оно не случится? –

но глаза,
но рука в темноте
с разожжённой лучиной,

но причины,

по которым в ночи мы
готовы истаять,
как даже не дым,
не туманная стая,
но больше – как эхо
у тихой воды
под ночными мостами,

где плеснёт вдруг волна –
и опять ничего,
только лодка пустая,
только белые вёсла,
с которых по капле –
так просто –
вчерашнее небо стекает

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХЛЕБА

незнакомый мотив,
на обочине –
странник,

нам теперь – по пути,

вечер –
серый и странный,
словно
в тёмных полях
собираются громы,

к ночи
души болят,
мы навеки не дома,

тонкий стебель клоня,
в руки просится
клевер,

помяни и меня
за молитвой о хлебе,

три полена,
огонь,

надвигаются тучи,

но в ладони – ладонь,
ты, наверное,
лучший,

над далёкой
травой –
зёрна чистого неба,

мы узнаем Его
в преломлении хлеба

МНИМЫЕ НАДЕЖДЫ

Весь день с бухгалтером Полиной творилось что-то неладное. Баланс долго не сходился, и лишь через несколько часов поисков она обнаружила, что перепутала цифры. В столовой вместо привычного капустного салата Полина взяла винегрет, который терпеть не могла, а по дороге домой села не на тот троллейбус.

Собственно, с чего всё началось? Утром Полина проходила мимо курилки, откуда, шумно обсуждая вчерашний футбольный матч, вышли несколько мужчин. Михаил – бойкий парень с намечавшейся лысиной – сказал, кивнув в сторону девушки: «А она ничего...» Полина быстро прошла мимо и не услышала, как Михаил закончил: «...погодка-то...» Это был старый и довольно дурацкий розыгрыш, но Полина об этом не знала, и потому в душе её царило смятение. Даже когда Полина встретила свою грозную начальницу, которую за глаза все называли Васильевной, то не обратила на неё внимания, хотя боялась Васильевны ужасно.

– Полина Владимировна! – окликнула её Васильевна. – Зайдите ко мне с отчётом. Вы меня слышите?

Полина не ответила, но почувствовала, как щёки предательски краснеют. Вернувшись на рабочее место, она долго смотрела на заснеженную ветку за окном...

Внимание мужчин Полина не привлекала никогда. Она носила очки с сильными диоптриями, за что мальчишки в школе дразнили её коброй (часто – с добавлением нелестного эпитета). В вузе однокурсники считали её ботаничкой и при встрече даже не здоровались. А на работе Полина имела дело только с цифрами. Иногда сотрудники устраивали корпоративы, но Полина туда не ходила, поскольку не знала, как вести себя на подобных мероприятиях. Жизнь её ограничивалась домом и работой, причём работа явно преобладала. Единственной радостью для Полины было поболтать по

интернету с бывшей одноклассницей Леной. Лена после школы уехала учиться в другой город, там вышла замуж, но, к счастью, девушкам удалось разыскать друг друга в интернете. Вот и в этот декабрьский вечер Полина стремилась скорее поделиться новостью с подругой. Пришла, захлопнула дверь, начала торопливо раздеваться...

– Полинка! – оторвался от телевизора отец. – Мусор вынеси!

– Может, я поужинаю сначала? – огрызнулась Полина.

Она прошла на кухню. На столе – натюрморт под названием «Папа поел»: хлеб, масло. И сквородка с фрагментом яичницы.

Полина махнула рукой и решила выпить чаю.

– Мусор, говорю, вынеси! – вновь обратился отец.

– Отстань... – отмахнулась Полина.

Она заварила чай и прошла к себе в комнату. О, Лена в сети! Удачно! Вкратце обрисовав ситуацию, Полина задала подруге резонный вопрос: «Как быть?»

«Тебе, Полинка, надо быть активнее, – писала Лена. – То, что тебя заметили, уже хорошо. Попробуй привлечь к себе внимание».

Легко сказать – привлечь внимание! Полина никогда этим не занималась. Она оторвалась от монитора и долго думала...

На следующий день Полина решила прийти на работу в короткой юбке и блузке с вырезом. Улучив момент, она выбралась с рабочего места и начала прохаживаться возле курилки, надеясь увидеть Михаила, а ещё больше – что Михаил обратит на неё внимание. Однако внимание на неё обратил вовсе не Михаил. Васильевна, которая, подобно Богу, умела быть везде, увидев Полину, заявила:

1) что никакой порнографии среди сотрудников не потерпит;

2) что Полина Владимировна получает зарплату не за то, что слоняется без дела;

3) что если Полина Владимировна с этим не согласна, пусть немедленно пишет заявление об увольнении.

Полина вернулась на рабочее место красная как свёкла. Надо же, послушалась подругу!

«Ну кто же так поступает? – вопрошала её Лена. – Тебе надо в обществе вращаться и там показывать себя».

«Показывать – это как?!» – с отчаянием спросила Полина.

«Придумай. Ты когда танцевала последний раз?»

«Целую вечность назад».

«А если без лирики?»

«Когда у нас выпускной был».

«И ты ещё о чём-то говоришь! Ты же женщина. Блесни обаянием. У вас корпоративы бывают?»

Корпоративы! Это слово для Полины звучало страшнее смертного приговора.

«Ну... вот на Новый год должен быть», – с трудом написала она.

«Вот и сходи. А то сидишь сиднем, пялишься в монитор, как кобра».

Напоминание о школьном прозвище больно резануло, но Полина это проглотила...

До новогоднего вечера оставалось две недели, и всё это время Полина была сама не своя. Она с отчуждённым и рассеянным видом приходила на работу и сидела за компьютером, допускала ошибки в учёте, что вызывало бурю гнева Васильевны, а девушку выбивало из колеи на весь день... Словом, жизнь Полины превратилась в ад.

И вот наступил день «страшного суда». Полина пришла на вечер, который проходил в огромном освещённом зале. Она ловила на себе насмешливые взгляды, но старалась не обращать на это внимания. Полина уселась за один из столиков и взглядом поискала Михаила. Но его не было. Полина вздохнула. Между тем началась концертная программа, которая плавно перешла в танцевальную...

– Идем танцевать, хватит скучать! – несколько отдыхающих схватили Полину за руки и потащили в круг, но она вырвалась и встала у стенки.

Сергей ИТКУЛОВ

Родился в Иванове в 1979 году. Окончил филологический факультет ИвГУ. Кандидат культурологии. Работает доцентом кафедры агрономии и землеустройства ИГСХА. Печатался в журнале «Звёздочка наша» (г. Барнаул), альманахе «Откровение», сборнике «Как слово наше отзовется», местной периодике. Автор сборника сатирических рассказов «Калейдоскоп ноябрьских листьев» (2007), лирико-юмористического сборника «Откровенный разговор» (2019), сборников переводов детских стихов «Вокруг света вприпрыжку» (2015), «Придите в нашу сказку» (2017), «Галстук для жирафа» (2018), «Путешествие в страну сказки» (2021). Участник и финалист русско-французского конкурса перевода имени Михаила Яснова (2021). Член Союза писателей России. Живёт в Иванове.

Танцы сменялись один за другим. Полина смотрела на веселящихся коллег и мучилась одним вопросом – зачем она здесь? Наконец ведущий объявил, что пора отдохнуть. Заиграла медленная музыка. Полина продолжала стоять у стенки.

– Разрешите вас пригласить? – вдруг услышала она.

Полина вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял незнакомый мужчина.

– Разрешите? – повторил он.

– Ну... ладно, – выдавила девушка. – Пошли.

– Чтобы вы не скучали, – любезно пояснил кавалер, обнимая Полину за талию.

Полина встыхнула. От Лены знала о таком приеме: на вечере несколько человек сговариваются приглашать на танцы всяких «рож», которые по стенкам стоят. Чтобы те не скучали. Чтобы

ощутили радость бытия. Чтобы хоть раз в жизни потан...

– Могли бы спасибо сказать, – вновь услышала она.

– Спасибо, – изобразила подобие улыбки Полина.

Она еле дождалась окончания танца и тут же бросилась к гардеробу. Давно она такого унижения не испытывала!

После новогодних праздников Полина твёрдо решила поговорить с Михаилом. Она заняла пост у курилки и решила не покидать его ни за что, даже если Васильевна её испепелит. Наконец вдали коридора показался Михаил. Полина бросилась навстречу.

– Можно тебя на минутку?

Михаил остановился.

– Слушай... я так не могу больше.

– Не понял?

– Ну... если я тебе нравлюсь, то делай что-нибудь. Надо же как-то действовать, ты же мужчина...

Михаил некоторое время смотрел недоумевающая, а потом зажал рот, и у него случился приступ кашля (по крайней мере, так показалось Полине). Всё ещё продолжая «кашлять», Михаил быстро пошёл прочь. Полина посмотрела ему вслед – и облегчённо вздохнула. Конец иллюзиям. Никто к ней интереса не испытывает, нечего и выдумывать. «Коброй» была – «коброй» и осталась. Полина вернулась за свой компьютер и с упоением принялась за работу. Она чувствовала себя почти счастливой.

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА

Жил на свете уникальный человек. Звали его Максим. Максим не совершил никаких научных открытий, не создал великих произведений, не оставил проектов мирового переустройства. И всё-таки он был уникальным. Дело в том, что на

руках Максима не было безымянных пальцев. Нет, Максим не потерял пальцы в результате несчастного случая – их просто не было. За средним пальцем на руках Максима сразу шёл мизинец.

С первыми трудностями жизни Максим столкнулся ещё в раннем детстве, когда нужно было сдавать кровь на анализ. Врачи с удивлением смотрели на его необыкновенную руку, недоумевая, какой палец нужно колоть...

Всю зиму Максиму приходилось ходить в варежках, так как ни одна фабрика не производит четырёхпалых перчаток. Но настоящие мучения начались, когда Максим пошёл в школу. Он мигом сделался объектом для упражнений в остроумии одноклассников.

– Ты не Макси-м, а Мини-м! – смеялись одни.

– У тебя эльфов в роду не было? Или ты из Чернобыля? – потешались другие.

– Четыре кола вбито да небом покрыто! – не уступали им третьи.

На уроках Максим никогда не поднимал руку, чтобы не давать повода для очередного зубоскальства. Но это не помогало: учителя знают, что тихо сидящий ученик наверняка не знает урока. Поэтому Максиму всегда приходилось отвечать.

– Макс тему знает как свои четыре пальца! – слышал он за спиной ехидный шёпот.

А когда Максим выходил из класса после сдачи экзамена, к нему бросались все.

– Ну как? Что поставили?

Максим с гордостью растопыривал пальцы.

– Что, четвёрку?

– Пятёрку! – обиженно говорил Максим.

– А показываешь четвёрку!

После этого раздавался громкий хохот.

Школьные годы прошли, но мучения продолжались. У Максима не сложилась личная жизнь: ни одна девушка не желала встречаться с таким «мутантом». Кроме того, Максим совершенно не представлял, что будет делать, если отношения дойдут до загса, где, как известно, нужно обмениваться обручальными кольцами...

На работе Максим, опасаясь насмешек, никому не подавал руки. Даже начальству. Его стали считать зазнайкой и грубияном. О карьерном росте нечего было и думать. Возможно, Максим

давно бы свёл счёты с жизнью, но, к счастью, в жизни человека бывают выходные.

На выходные Максим уезжал за город. Он бродил по лесу, слушал, как шумят где-то в вышине могучие ветви сосен, собирал еловые шишки и туманно-лиловые колокольчики... И чувствовал, как уходят все обиды и душа наполняется каким-то светлым и радостным чувством. Природа представлялась Максиму большим и умным другом – таким, который ничего не говорит, но всё понимает. Казалось, что будничная жизнь с насмешками и страданиями где-то очень далеко, а настоящая жизнь – здесь.

Больше всего Максим любил сидеть на берегу реки. Он смотрел на медленно текущую воду, на освещённые закатным солнцем медные стволы сосен, вдыхал елово-сосновый аромат и грустно думал, что рано или поздно придётся расставаться с верным другом по имени Природа и вновь возвращаться к обычной жизни, к злым и глупым насмешникам... Но это ненадолго. Всего на неделю.

* * *

Однажды Максим, как обычно, сидел на берегу реки, и вдруг из-за деревьев показался человек.

– Вот так встреча... – задумчиво протянул он.

Максим недовольно покосился – он не любил, когда его одиночество нарушали.

– Вот уж не думал кого-то встретить в этих местах, – продолжал незнакомец, усаживаясь на корточки возле Максима. – У вас закурить не будет?

Должно быть, этому человеку было скучно и хотелось поговорить, потому что, закулив, он не ушёл, а спросил:

– Вы часто здесь бываете?

– По-разному, – уклончиво ответил Максим.

– А я часто. Люблю бывать на природе. Здесь тихо, спокойно... И в то же время природа полна жизни. Замечали? Она никогда не бывает пустой. То птица пролетит, то насекомое какое-нибудь проползёт... Я однажды даже зайца увидел! Этот чудак едва завидел меня – сразу в чащу сиганул.

Незнакомец помолчал.

– Поэтому на природе никогда не чувствуешь себя одиноким, – продолжал он. – Даже когда ты один. А мне нравится быть одному. Знаете, очень устаю от общества людей. Люди могут быть очень злыми. Злыми и глупыми.

Максим с удивлением посмотрел на незнакомца.

– Ах да! – спохватился тот и протянул руку. – Меня Павел зовут.

Максим по привычке убрал руки за спину и вдруг замер: на руке Павла было шесть пальцев...

– Что такое? Ну да, небольшой дефект... – слегка смутился Павел. – Но я уже привык.

На лице Максима появилась странная улыбка.

– Как говорится, дай «шесть»? – спросил он.

– Не понял?

– Шесть раз примерь – один отрежь? – продолжал Максим, так же странно улыбаясь.

– Что-о?!

– Так... ничего... – пробормотал Максим, увидев, что шестипалые руки сжимаются в кулаки. – Извините, мне пора.

Он поднялся и, засунув руки в карманы, быстро зашагал прочь. Он шёл, то и дело оглядываясь, и когда убедился, что Павла уже не видно, остановился. И тут Максим разразился громким смехом. Смех сотрясал его, смех бушевал, хлопкотал, как вода в котле, поднимался к соснам, покачивающим тёмно-зелёными кронами. Максим пытался остановиться, но снова и снова ему представлялась шестипалая рука Павла – и новые взрывы смеха сотрясали всё вокруг. Безумный смех улетал вдаль – и не мог улететь, он возвращался к Максиму раскатистым эхом...

* * *

После этого случая Максим продолжал бывать на своём любимом месте – на берегу реки. Он приезжал туда каждые выходные, но Павел больше не появлялся. Ни через неделю, ни через две, ни потом. Максим часто вспоминал своего нового необычного знакомого и очень жалел, что тот больше не приходит...

Ведь Павел был таким смешным!!!

Сергей ИТКУЛОВ

Стол был немудрёный, но всегда по-южному обильный. В большой эмалированной кастрюле подавался винегрет с фасолью, или, как его называли, «силос», заложённый ещё с вечера, настоявшийся, тёмно-лиловый. В кастрюльке поменьше, плотно утрамбованная, желтела под забродившим рассолом квашеная капуста крупной сечки. На потускневших щербатых тарелках горкой лежали бурые боковые помидоры с прозрачной кожицей, солёные огурцы, нежно розовела молодая редиска, топорщил зелёные перья лук с толстенькими белыми «баранчиками»; под уксусом и постным маслом лоснились ломтики отварного бурака. Бывали здесь, в качестве деликатеса, и пахучие ранние огурчики.

Среди всего этого огорода теснились блюда с варёной колбасой, плавленным сыром, розоватым твёрдым салом, длинные тарелочки с

непременной селёдкой, алюминиевые миски с дрожащим заливным из судачьих голов. Сама рыба подавалась маринованной – по особому рецепту, с множеством резаных кореньев, залитая душистым кисленьким соком.

Когда подходил черёд, на стол торжественно водружалась чашка с отварной картошкой – дымящейся, щедро посыпанной укропом и петрушкой, и к ней – гусь... Неповторимый праздничный гусь, золотисто-коричневый, знойный, истекающий ароматным жиром, растопыривший мощные лапы с подпалёнными мослами.

К чаю шли домашние пироги из сероватого теста – с курагой, вишней, сливой. Пироги с рисом, мясом, капустой ели вместо хлеба, хотя и хлеб, крупно нарезанный, к концу тоже расходился почти весь.

Разливали по гранёным стаканчикам в основном «беленькую». Предпочтение отдавалось

именно «белой головке» – перед красной, сургучной. Для разнообразия на стол выставлялись бутылка сладкого вина или графинчик с наливкой. Из стеклянного трёхлитрового баллона наливали «Жигулёвское».

Собирались часам к двум, всегда нестройно. Раньше других приходили Алёша с матерью, и бабушка сразу включала их в работу – мыть, вытирать, резать, таскать, двигать, бежать в магазин за свежим хлебом.

Потом появлялись дядя Витя с тётей Тоней. Они вручали бабушке подарок, который она, не разворачивая, засовывала куда-нибудь в уголок. Тётя Тоня усаживалась на застеленную старой скатертью кровать и, в изнеможении обмахиваясь газетой, говорила:

– Нет, товарищи, вы как хотите, а я не могу... Виталий! Ну где твоя припенда-сестричка? Нет, она всё-таки невозможная! Опять будем её три часа ждать... Мама, давайте помидоры сюда. Наталья, как ты чистишь селёдку? Дай я почищу!.. А мы с Витей вчера... молчи, Виталик! До сих пор головушка моя... Нет, это ужасно! Витя, налей Алёшиной тёте пива! Племянник, ты чего такой умный? Иди, я тебя поцелую! На яблоко, жри и вспоминай тётю!.. Нет, всё-таки в этом году май жаркий... Есть где-нибудь банка? Витя, дай мне вон ту банку, я поставлю цветы. Как хотите, а жасмин я люблю!.. Мама, нате: здесь варенье из кизила, а это рыбка вяленая, Виталия вчера на работе угостили, на демонстрации... Хороший, я смотрю, у вас лучок, но вы как хотите, а я больше люблю сеянку. Она нежная. У нашей мамочки в огороде, я помню...

– Антонина, не стрекочи! – сурово обрывала её бабушка, удаляясь на кухню.

– Нет, я всё-таки не могу! – понижая голос, но с той же страстью продолжала тётя Тоня. – Виталий, ты как хочешь, – племянник, не слушай тётю! – но она всё-таки тяжёлый человек... Она Екатерина Вторая!

– Тоня... Тоня... Тоня... – вяло урезонивал её дядя Витя. – Ну хватит же! Свекровь у тебя и так сегодня задёрганная. Чем ляды точить, взяла бы помогла Наталье. Наташенька, как дела у тебя, сестрёнка? Ничего? Молодец! А мы, знаешь, три часа добирались. И вот что интересно: народу уйма, куда все едут – ума не приложу! В автобусе душегубка...

В парадную дверь кто-то немилосердно грохал кулаком.

– Валька-псих пришёл! – объявляла тётя Тоня. – Вот, ещё одно чудо – ха-ха – века! Весь в свою мамочку!

На шум в коридор выходила бабушка, выглядывали соседи. Не успевал Алёша повернуть головку английского замка, как в дверь с возгласом: «Видчиняй, а то заворотки видгэпаю!» – протискивался его двоюродный брат Валентин, кудрявый, коренастый, косолапый, в широченных брюках клёш.

Виктор СОКОЛОВ

Виктор Григорьевич СОКОЛОВ родился в г. Ростове-на-Дону. Работал в редакциях газеты «Вечерний Ростов», литературно-художественного журнала «Дон», газеты «Рабочий край» (Иваново), главным редактором областной «Ивановской газеты». Автор четырёх поэтических сборников, книги прозы «Там, среди шумного моря...», историко-публицистических книг «За горизонтом – горизонт», «Опалённые чёрной звездой», публикаций в российских и зарубежных альманахах, журналах и антологиях. Лауреат областной журналистской премии им. Д. А. Фурманова, областной литературной премии им. М. А. Дудина, премии «Триумф» – «За личный вклад в развитие культуры и искусства города Иванова». Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член правления Ивановской областной организации СПР.

– Что за шум, а драки нету? – грозно спрашивал он Алёшу, протягивал ему пятерню и тут же отнимал. – А ты, пацан, не лезь поперёк батьки в пекло! Бабуся! – он с чувством обхватывал бабушку. – Екатерина Петровна! Дай же я тебя, это самое, поцелую! Мм... мм... мм...

– Иди-ка ты! – отмахивалась бабушка, напуская на себя строгий вид. – Спокоя от вас нет, черты вашу голову! Весь дом пересобачил!

Тут бабушка тянула носом, и глаза её за стёклами круглых очков становились сердитыми.

– Ты это чего? Ты где уже, а? Сукин ты сын!.. Ой, Валька, глядай, парень! Рано опериваешься!

– Тётъ Ксения! Тётъ Ксения! – с картинной обидой кричал Валентин высунувшейся из своей двери соседке. – Вот вы мне скажите, тётъ Ксенечка! Имеет право взрослый молодой человек приятной наружности, демобилизованный ефрейтор запаса, в честь праздника трудящихся и именин родной бабуся выпить с утра стакан винца с друзьями – или, как говорится, так сказать? Ай?

– Винца! – бабушка укоризненно качала головой. – Нет такого винца, чтоб не сгубило молодца... Иди-ка уж!

– Ну конечно... – с места в карьер насупливался Валентин. – Опять Валентин плохой! Один у нас Алёшка хороший! Валентин, наверное, мальчик, понимаешь ли, и всё такое...

Бурча под нос, Валентин плёлся в комнату, и тут его встречала тётя Тоня. Обвязанная фартуком, с селёдкой в руке, она иронически оглядывала племянника.

– Нет, я вам сказала, кто это? А чего ж ты без своей мамы премудрой? Она тебя, может, уже и на свиданья одного пускает? Уже не боится, что тебя невинности лишат?

– Тоня, ну ты... – укоризненно улыбалась мать, бросая взгляд на Алёшу.

– Племянник, не слушай тётю! Нет, ты только честно скажи: к крале своей смотаться успел? Это та, что тебе всё письма писала, а мама их нашла? Нет, только тихо! Наталья, ты как хочешь, а Валентину пора замуж! Хотя мамочка его за ним меньше бегать будет, за лбом здоровым.

– Да ну тебя, тётка Тоня! – ухмылялся Валентин. – Привет, тётъ Ната! Здорово, дядя! Запилили совсем! Хотя на праздник, понимаешь, оставьте в покое...

– Валентин... Валентинчик... – дядя Витя обнимал его за плечи, усаживал за стол. – Шутки же! Не обращай внимания, это ж девки – такой народ! Ты мне скажи, как дела-то у тебя? Всё ничего? Ну молодец, что пришёл. А я тут, веришь, с ними замучился, с девками-то...

– Нет, Наталья, брат у тебя всё-таки премудрый! – хмыкала тётя Тоня, обдирая селёдку. – Алексей, ты у нас тоже премудрый! Ты только слушай свою тётю, она тебя научит жить. И шли бы вы все трое лучше во двор, не толкайтесь тут!

Покуривая на ступеньках подъезда, дядя со старшим племянником обменивались новостями. Потом Валентин, поглядывая на открытое окно, вполголоса сообщал, что приехал его однополчанин Генка («ну тот самый, корешок мой... да я тебе рассказывал, невеста у него ещё здесь, Галка!») и что по этому случаю «ребятишки» ждут его сегодня «у одного нашего общего».

Дядя Витя тоже оглядывался на окно и громко произносил:

– Я ж и говорю, чего мы тут стоим? Пока суд да дело, айда пройдемся, мальчишке мороженого купим, водички попьём. Тоня, мы сейчас!

Завернув за угол, дядя Витя доставал из пистончика брюк сложенную вчетверо десятку и вручал её Валентину.

– А ты, архаровец, ничего не видел и не слышал! – сурово говорил Алёше брат, пряча червонец. – Железно? Слушай, и що я в тебе такой влюблённый?

Он подхватывал Алёшу под мышки, подбрасывал, тискал крепкими руками, затажно целовал в щёку, хохотал на всю улицу и гаркал:

– А ну, кто скорей до мороженого?

И братья пускались наперегонки...

Когда мужчины возвращались, стол был уже накрыт. За ним чинно восседала Фрося, молчаливая женщина лет пятидесяти, в блёклой шифоновой косынке, с постоянной тихой

улыбкой на добром рыхлом лице. Она была из дальних бабушкиных свойственников, выходцев из той самой то ли тамбовской, то ли воронежской деревни, откуда и происходил род легендарного деда Антона, погибшего в империалистическую, – первого мужа бабушки и отца всех её троих детей. Ладный, красивый матрос царского военного флота, со щегольскими, закрученными вверх колечками усов, он сосредоточенно смотрел с большой пожелтевшей фотографии в рост, висевшей над бабушкиной кроватью. Об руку с ним, в длинном подвенечном платье и фате, стояла юная круглолицая Екатерина Петровна.

Нижний угол фотографии был надорван и аккуратно подклеен, и с этой чуть заметной трещиной была связана одна из семейных историй. Мерно, бывало, скользит взад-вперёд утюг по гладильной доске, и бабушка, прихлёбывая воду из кружки и сбрызгивая сморщенное полотно, негромко рассказывает:

– Да... Приехала я тогда, в сорок пятом, в город, к твоим отцу-матери... И пойду, думаю, сюда, на свою квартиру. Вот в этой комнате мать твою жила, Наташа, а в той, где сейчас Мария, – тётя Люба, а где Роза с Адочкой – дядя Витя. А Ксенина – эта наша с Ефим Степанычем была. Он тогда, что и говорить, большой пост занимал... Да... Стучусь, открывает мне Ксения. «Кто, – спрашивает, – вы такая будете?» Ну я ей говорю. «Ничего не знаю, – говорит, – у нас ордера есть, всё как положено, и у других тоже». А у Ксени в этой комнате батяка жил, старичок больной, а сама она в той, где теперь. Ладно... Говорю ей: «Разве ж я тебя самую, голубушка, обвинываю? Коли так, так так. Твое-то дело какое? Дай-ка ты мне водички попить, да и бог с тобой!»

И вот захожу, приглашает, я к ней в комнату. Села, смотрю кругом. Наших-то вещиц, конечно, тью-тью, и след простыл, всё чужое, а кажется-таки – всё, всё своё! Из этой самой комнаты и Ефим Степаныча сперва проводили, и меня здесь Наташа собирала в дальнюю дорогу... Хочу плакать, но креплюсь. Так будто и слышу, как Ефим говорит мне тогда: «Не плачь, Катя! Не смей! Будет правда. Не верь – будет!»

Ну, выпила водички, встаю, значит, уходить. Как гляну... на стене... так обратно и села. Молчу, смотрю, а слёзы вдруг по лицу бегут, бегут! Да... Спрашивает меня, испугалась: «Ты что, тётя? Что ты? Это, – говорит, – я не знаю чья. Как перебрались – на заднем дворе дров каких искала, в мусоре, гляжу... Понравилось – так хорошо! Картина вроде. У меня-то, – говорит, – своего не было...» А я – ещё пуще! Тут она, видать, и догадалась, да тоже как зальётся! Сидим вдвоём, она меня обняла, и плачем...

Ладно, стала я совсем собираться, а она, Ксения, мне говорит: «Ты, тётя, не уходи – слышишь? Ты оставайся, а там видно будет. Отец-то, – говорит, – у меня, знаешь, не жилец...» Так оно и вышло, месяца через два помер... Хороший был человек, терпение большое имел, Царство ему Небесное!

– Бабушка, – спросит Алёша, – а в Царстве Небесном кто царь? Бог?

– Что?

– Ты же говорила – бога нет...

– Бог? – Бабушка посмотрит на Алёшу поверх очков. – У всякого человека, внучек, в душе свой бог...

Разглядывая в который раз дедов портрет, Алёша не замечал, что все уже расселись во круг стола – но не так, когда садятся по-настоящему, основательно, с весёлым шумом, а как бы заполняя тягучее время. Опять закурил и о чём-то расспрашивает Фросю дядя Витя. Мать уже второй раз протирает стаканы. Тётя Тоня сняла передник, обмахивается, поглядывает на часы, и на лице её нервная скука. Бабушка топчется у стола, повторяя вполголоса: «Так, ребята... ну, так...»

Наконец она решительно произносит: «Что ж, гости дорогие, специального приглашения мы никому не посылали... Витя, Валентин, открывайте!»

Все начинали с облегчением двигаться, моститься, булькала «белая головка», по кругу передавали баллон с пивом, позвякивали вилки, ложки – накладывали закуску.

– Екатерина Петровна, садись уж и ты, хватит тебе суетиться! – дядя Витя поднимался

над столом. – Хай ей грец, придёт так придёт – сколько можно... – Он делал паузу. – Дорогие мои... Ну что сказать-то? Сегодня у нас...

В этот момент раздавался стук в оконное стекло. Тётя Тоня с досадой ставила рюмку на стол и начинала есть. «Вот, пожалуйста!» – говорила мать. Фрося потихоньку выпивала, Алёша бежал открывать.

В комнате появлялась мать Валентина, тётя Люба, полненькая, симпатичная, раскрасневшаяся, с большим букетом дорогих цветов.

– Здорово живёшь! – звучно произносила она. – Уже пьют, а Люба хоть пропади... Любу можно и не ждать... Хороши у нас родственнички, Валентин! Здравствуй, Фросенька! Валя, найди что-нибудь для цветов!

Лицо тёти Любы сияло улыбкой, но глаза язвительно шурились, в голосе слышались оскорблённые нотки. Она церемонно чмокала бабушку в щёку.

– Пока цветы хорошие нашла... Мы ведь абы что не дарим! Это, мама, тебе. Пусть почаще у тебя в жизни будет праздник!

– Ладно, ладно, – ворчала бабушка, – садись уж, тебя только ждём.

– Да нет, мама, что-то не видно, чтоб ждали! – оглядывала всех тётя Люба. – Ну Наталья, конечно, первой прискакала, а мы ведь не в любимчиках... Валька! Я смотрю, ты тоже рад, что матери нет, вон сколько себе набуровил! Это тебя тётушка Тоня учит?

Тётя Тоня страдальчески откидывалась на стуле:

– Нет, товарищи, я не могу... Виталий, прости мою душу грешную, но она меня когда-нибудь выведет!

– Люба... Тоня... – примирительно, но тоже накаляясь вступал дядя Витя. – Всё, ладно! Валентин, бросай ты свою банку! Мама... Наташа, бери... Фрося... Давайте! Дорогие мои... – Он вновь делал паузу. – Дорогие мои! Так уж долго мы собираемся... Да суть дела не в этом. Худо ли, бедно ли, все мы тут, есть у нас и что выпить, и чем закусить... всё как у людей.

Ну что, мама, сказать тебе? Да и надо ли много слов, граждане? Здоровья тебе, родная, и, как говорится, дай бог ещё столько же... Ну,

мама... Люба... Тоня... Наташа... Фрося... Валентинчик...

Жмурясь, он медленно выпивал, за ним остальные – так же медленно и чинно. Только тётя Тоня опрокидывала резко, шумно выдыхала и нетерпеливо шарила вилкой среди огурцов. Мать выпивала половинку, тётя Люба пригубливала, косясь на Валентина, делавшего вид, что не замечает её взгляда.

Повисала первая тишина – молча закусывали. Бабушка ела мало, подкладывая детям и внукам.

– Хорошо первая пошла... – задумчиво произносил дядя Витя.

– ...А вторую не нашла! – подхватывала тётя Тоня. – Наливай по второй, Валентин, чего сидишь как король на именинах? Мама, я правильно говорю? Нет, Наталья?

– О це дило! – хохотнув, вскидывался Валентин, быстро разливал, стараясь не глядеть на мать. – У нас, знаешь ли ты, во взводе был хохол, так он, понимаешь...

– А тебе, хохол, довольно! Ишь, разошёлся! – безапелляционно объявляла тётя Люба, перегибаясь через стол и отводя бутылку от Валькиной рюмки. Тот дёргал локтем, задевал баллон с пивом, который едва не грохался на пол.

– Оставь ты парня, дурёха, сиди смирно! – вдруг грозно вскипала бабушка. – Не лотошись! Спокою даже сегодня от вас нет, черты вашу голову! Коли так, так оставайся лавочка с товаром!

Она хватала посудное полотенце и уходила на кухню, хлопнув дверью. Тут общее раздражение прорывалось наружу, и все накидывались на тётю Любу.

– Стыдись, Люба! – дядя Витя сердито качал головой. – В кои веки собрались вместе... не успели за стол сесть, а ты уже всех перебалаламутила. Вот уж натура! Моя Антонина Ивановна, отдать ей справедливость, на что бабёнка вздорная, а и то... Все тебе нехороши! Всё тебе не так! Всех ты учишь!

– Мать, я тебя серьёзно прошу! – плачущим голосом вторил Валентин. – Серьёзно прошу! Воспитывать, воспитывать... Всё! Вот говорю: уеду к шутам на шахту, к Генке! Не мальчик уже, двадцать один... От ребят стыдно!

– Да, я раньше всех пришла! – с обидой перебивала их мать Алёши. – Ревность какая! К чему? А ты и не подумаешь, чтобы матери помочь! Ты нам всем назло эти цветы шикарные принесла, а завтра опять сюда прибежишь или к Виталию последнюю копейку на хлеб занимать!

– Ты как хочешь, Виталий, – бушевала тётя Тоня, – а я твоей сестре всё скажу! Премудрая она у вас, цаца с маслом! Нес-част-на-я! А кто тебе виноват? У всех горя хватает! И не говорите мне ничего, не хочу! Насто... насточертел этот ваш кагал, прости Господи!

Надменно выпрямившись, то краснея, то бледнея, слушала тётя Люба эти сумбурные, злые упрёки, поплёскивала прищуренными глазами, приговаривала: «Так-так... Вот как! А ты... А тебе... А с тобой...» Потом, не выдержав, швыряла на стол вилку и бурно рыдала.

– Вы сами... мать ненавидите! – выкрикивала она бессвязно. – Вы меня все ненавидите! Всегда у вас Люба – бедная родственница! Всегда дурёха!

– ...А у Павлушки на неделе опять Сергея забрали, – негромко, ни к кому не обращаясь, говорила Фрося. – Слышно, должны ему год дать...

– Ну вот, опять двадцать пять! – в сердцах поворачивался к ней дядя Витя. – Что ж он, сдурел совсем? А Павел что?

– Сам только недавно вернулся, теперь сына – туда... – вздыхала Фрося. – Аня болеет, прямо слегла...

– Да как же так? – ахала мать. – Был же хороший парень...

– И ты, Валька... смотри, видишь? – всхлипывала, но уже потише тётя Люба. – В шахту! Не пушу я тебя... не пушу...

– Ну, будет реветь, будет! – поднимался с места дядя Витя. Что-то неожиданно жёсткое в его голосе заставляло всех притихнуть. – Хватит, бабы! Люба! Наталья! Тоня! Устроили матери именины, нечего сказать!

Он отправлялся на кухню, возвращался с бабушкой и, разводя за её спиной руками, громко и преувеличенно весело говорил:

– Мы тут тары-бары-растобары, а Екатерина Петровна наша чуть пироги из-за нас не

сожгла. Пропадёшь, мама, с этими девками! И чего ты братьёв мне не нарожала – ума не приложу... Валя, голубчик, наливай! Давайте выпьем – и хай ему грец!

Все молча выпивали, закусывали.

– Да что ж я, старая, забыла совсем! – спохватывалась бабушка. – Рыбу ж принести! Склероз!

От выпитых двух рюмок она раздумывалась, делалась моложе, глаза её теплели. Она принималась по-домашнему хлопотать вокруг гостей, и дурное настроение у всех постепенно проходило. И вот уже тётя Люба смягчила горделивую свою осанку, и Алёшина мать начинает ей потихоньку улыбаться, а та – ей; всё громче звучит безалаберный говорок Валентина, и тётя Тоня подкладывает маринованной рыбки себе и, как бы походя, своей золовке, и та сдержанно говорит ей спасибо. И от всего этого Алёше и весело, и грустно, и хорошо...

– Потеплело! – смеётся дядя Витя, подливая пивка из баллона. – Охлаждайтесь, девчата... Да споём, что ли?

– Давай, племянник, у тебя глотка здоровая! – толкает тётя Тоня Валентина, и тот, мотнув чубатой головой, с готовностью затягивает:
*Роспрягайте, хло-опци, коней,
Тай лягайте спо-очивать...*

*А я пийду в сад зе-еленый,
В сад криниченьку копать... –*

тоненьким, сильным и чистым голосом подхватывает бабушка. Вступает баритончиком дядя Витя, а за ним и остальные. Поют, улыбаясь, переглядываясь, и после этой первой лихой песни за столом становится свободным и шумно.

Оживление ещё более усиливалось, когда вваливалась бабушкина кума тётка Соня – тучная, сиплая, красноносая. Она с порога отвешивала всем земной поклон, истово крестилась на пустой угол. Её наперебой приглашали сестрядом, наливали «штрафную».

– Дай Бог здравия, кума, тебе, и деткам твоим, и внучкам, и прочим сродственникам твоим, ближним и дальним! – провозглашала тётка Соня. – Царствие Небесное Антону-

мученику и брату яво Поликарпу убиенному. Спаси, Господи, и помилуй нас, а врагам нашим...

– ...хренушки! – с хохотом подхватывали все.

– Истинно так, истинно так, детки! Ну, кума: значить, ишла румочка с Тамбова, у ей паспорту няма...

– ...Тут тебе и тюрьма! – радостно высывался Алёша.

– Ай, прокурор! Ай, прокурор-сам-судья!

Тётка Соня, не поморщившись, опрокидывала стакан, нос её ещё сильнее лиловел. Она обнимала Алёшу, восхищённо целовала его в лоб мокрыми губами, обдавая сивушным запахом.

– А то мой дядя Хведя уже спрашивает... Слышь, кума? Когда, каже, мой прокурор придёт, дратву со мной сучить, сапоги со мной тачать? Ха-ха-ха!

Алёше нравится буйная тётка Соня. Он знает, что она «горькая пьяница», а пьяниц в их семье не уважают, но тут случай особый, потому что тётка Соня – ещё одна страница семейных историй. Треугольный шрам-вмятина на широкой бабушкиной скуле – память о тех давних днях.

– ...В женотделе тогда я работала, внучек, в Козлове, по-нонешнему Мичуринск. А квартировали с ребятами у неё. Ой, весёлая была бабёнка и любила же погулять! «Глядай, – говорю ей, – Сонька! До поры до времени самогонка твоя. Хоть я тебе вроде и родня, а будут у тебя дела!»

Бабушка меняет остывший уют на горячий, пшикает мокрым пальцем по железу.

– Да... А тут – хлоп окном! Мамонтов налетел. Наши как следует и не вспашились. Утром рано стучатся ко мне: «Бросай, Катерина, всё к чёртовой матери, сымайся! Уходим к Василенке. Детвору оставь, дня через два вернёмся, не бойся!» Хорошенькое дело – не бойся! Виталька-то с Любкой хоть постарше, а Наташе и трёх ещё не было. Как их бросишь? Да и поди знай...

Пока это я каналась – ан вот тебе! У вокзала, рядом, стрельба, и уж конница по улице...

Я говорю Соне: «Если чего, если уж такая мне планида выйдет – детишек береги Христа

ради. Наши вернутся – в детдом отдай, хоть с голоду не помрут». Сонька – в рёв, мои слышат – давай тоже. «Цыть ты! – говорю. – Детвору не пугай. Не лотошишь загодя. Ещё, может, обойдётся».

И вот сидим. Гляжу в окно – пожалуйста бриться: подъезжают трое – один с погонями и два казака в папахках. С ними мужичонка какой-то. Что-то поговорили, с коней слезают – и к нам... Сонька в дверь: «Нету, мол, нету никого!» Они её в сторону, детвора ко мне прижалась, глядят. Офицер у мужичка спрашивает: «Эта, что ль?» А я его и не видела ни разу – что за человек. «Точно так», – отвечает. Сволочь ты, думаю, проклятая. Тварь. А у самой вдруг страха нет. Только горько, внучек, знаешь как горько...

«Партейная?» – спрашивает офицер. «Партейная», – говорю. «Ну, идём».

Тут на улице – трах! бах! – опять стрельба. Эти поджались – и к окну, офицер хват наган из кобуры. А Сонька как закричит в голос – и в ноги к нему. «Родимья! – кричит. – Не погубить! Деток малых пожалейте! Господа нашего Христа побойтесь!»

А я на неё: «Встань с пола, дура, дура! Кому кланяешься? Нету у меня с ними одного Бога, врешь!» А Сонька их за руки цепляет, потом шаст к печке: «Усё, – кричит, – возьми!» И на пол самогонку в четвертях – одну, другую... «Сестра она мне родная, век бога буду молить!»

Тут и ребята мои заревели, а Виталька как кинется на офицера, ручонками по галифе колотит: «Не тронь нашу маму!» Того аж перекивил всего, Витальку – швырком и ко мне: «Стерва ты красная! Большевицкая ты...» – и, конечно, по-матерному. Развертается наотмашь, да мне наганом по скуле! Я с копыт долой, так кровью и облилась...

Опомнилась – этих нет... Не знаю что, а больше так и не приходили. А тут вскорости и наши воротились...

Вот такие, внучек, у нас с тёткой Соней дела. И ведь смех сказать, как человек устроен: первое, что спросила, когда языком стала ворочать: «Самогонку-то, – говорю, – Соня, твою хоть забрали?» – «Уняли, Петровна, уняли, кровососы... Казак вертался и усё вышарил, усё как есть...»

Тринадцатилетнему Алёше не всё было понятно в семейных историях. Многие из них рассказывались только «при своих», к которым не относились ни Фрося, ни тётка Соня. Да и при Алёше говорилось не обо всём. О тех письмах например. Они начинались всегда одинаково, лишь имена менялись: «Дорогой Лаврентий Павлович (Лазарь Моисеевич, Георгий Максимильянович)! Пишет вам семья...» Бывало, на домашнем совете дядя Витя выкладывал на стол большие, исписанные его щеголеватым почерком листы бумаги и начинал читать. Алёше при этом всегда находилось какое-нибудь дело – сбежать куда-то, что-то купить или просто погулять часок.

В рассказах бабушки о том, как однажды под утро «забрали» – кто? куда? почему? – материнского отчима, старого политкаторжанина Ефима Степановича, или как потом и сама бабушка оказалась в казахстанской степи, где на пашне её неумелая товарка-музыкантша смешно упрашивала: «Бычки, бычки, пожалуйте в борозду!» – было что-то таинственное, тревожное и хмурое. И было оно как-то явно связано и с неустроенной жизнью тёти Любы, и с бабушкиными стирками для «чужих людей», и с той насторожённой сдержанностью матери, которую замечал Алёша, когда им случалось бывать в гостях у кого-нибудь из знакомых.

И ещё с тем, как, подперев ладонью щёку, в каком-то печальном полузабытьи пела-проговаривала сейчас бабушка свою любимую песню:

В небесах торжественно и чудно,

Спит земля в сиянье голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего, жалею ли о чём?

Она пела и не замечала, что поёт одна, не слышала, как тихонько хлюпает в платочек Фрося, не видела, как крепкими затяжками курит дядя Витя и тянется к папиросам Валентин, как тяжело покачивает захмелевшей головешкой тётка Соня, а мать смотрит на бабушку с такой печалью и жалостью, что Алёше тоже становится грустно-грустно, и он, насупившись, тесно прижимается к душистому, тёплому плечу тёти Любы...

Смолкла песня, бабушка подняла глаза; сквозь туман пробился в них лукавый огонёк.

Она тут же запекает другую, и её, встрепенувшись, во всё своё сиплое горло подхватывает тётка Соня:

Ах вы, кошки-канашки мои,

Разменяйте вы бумажки мои!

Тётя Люба выскакивает из-за стола, дробно ударяет каблуками:

А бумажки мои новенькие,

Двадцатипятирублёвенькие!

И сдвинут со звоном в сторону стол, Валентин чёртом, косолапой присядкой вылетает на середину, а тётя Тоня наступает, теснит в угол тётю Любу и вдруг, без всякого мотива, залихватской скороговоркой выкрикивает:

Едрёна мать! – сказала королева,

Увидев хрен персидского царя, – а-ах!

Все машут на неё руками, хохочут и, задыхаясь, валятся кто на стул, кто на кровать...

Пока на столе наводили порядок, бабушка послала Алёшу пригласить соседских женщин. Приходили Ксения, Маша-Кондуктор, Люся-Беленькая, старуха Манвальверша и ещё одна старуха с диковинным прозвищем Индейская Гробница. Они топтались в коридоре, пока бабушка провожала Фросю, собирая ей в сумку гостинцы для каких-то ещё дальних родственников. Фрося с трудом удерживала разгулявшуюся тётку Соню, которой хотелось побыть ещё, хотя она выпила уже три «посошка» и трижды перецеловалась со всеми. Покачиваясь на неверных ногах, она что-то бормотала Алёше про дядю Хведю и его дратву, низко кланялась и наконец удалялась.

С соседками Алёше за столом было неинтересно. Они не пели песен, говорили мало и всё о каких-то домовых делах, друг друга называли, как казалось Алёше, по-деревенски: Петровна, Алексевна, Сергевна...

Он шёл во двор, садился на лавочку, смотрел, как на асфальте толкутся, жадно клюют пшено и ссорятся толстые гулькающие голуби.

Из дому выходили дядя Витя и разморённая тётя Тоня.

– Ох, устала я! – томно говорила тётя Тоня. – Виталий, поехали домой! Два дня подряд – я уже не могу...

– Ну хохма! – смеялся дядя Витя. – Постарела ты у меня, чи шо?

Он приобнимал тётю Тоню, она иронически хмыкала и спрашивала:

– Любаня своего очередного хахаля что, выгнала уже?

– А! – махнёт рукой дядя Витя. – И чего ей надо – ума не приложу...

– Идеалистка! – фыркала тётя Тоня. – Пионерка двадцатых годов!

– Да нет, Тоня, не в этом суть... – задумчиво говорил дядя Витя.

Тётя Тоня понижала голос:

– А я не пойму, чего царицу Тамару из себя строить? Ну бросил её Мишка... из идейных соображений... Ну сукин кот... А разве тебе мало досталось, и в тюрьге, а потом ещё в плену? И Наталье, и всем? Но ведь живём же как-то, устраиваемся...

– Нет, не может она, гордая... Ей бы всё на белом коне – да где уж! Хотя как знать...

– Дядя Витя, а спой свою матросскую, – просил Алёша.

Дядя ерошил ему волосы, прокашливался и запевал, посмеиваясь и прихлопывая себя по коленям:

Из Сан-Франциско в Лиссабон

Шёл пароход в сто тысяч тонн.

Шёл волне наперерез

И на риф налез...

– Во, дурило старый и дурило малый! – смеялась тётя Тоня, но тут же и сама начинала подпевать:

Мисс Рэджи Гэтт,

Двадцати пяти лет,

Дочь миллионера

Из Монтальеро...

Бабушка звала их в дом. Соседок уже не было. Валентин, сердитый, пунцовый, страдальческим голосом уговаривал тётю Любу:

– Мама, ну смешно... Да чего там я выпил? Ты пойми, человек приехал, служили вместе, всё такое прочее... Ребята все свои, с производства, ждут, неудобно...

– Вот и веди его, дружка, домой, если надо! – кипела тётя Люба. – А где попало шляться нечего! Знаем мы эти компании! Воц,

у Павлушки, слышал? А тоже всё с этого начинается, с компании да девах!

– Ну ты сравниваешь, Люба, – миролюбиво вступался дядя Витя. – Что он у нас, совсем всадник без головы? Ему, мать честная, жениться пора, а ты... Давай, Валентинчик, дуй, а то закроют...

Он спохватывался, но было поздно. Тётя Люба бросала мгновенный взгляд на брата, потом на сына и взвизывалась:

– Что закроют? Ага-а... Ты что ж это? Ты где ж это деньги... От матери скрываешь? Я последнюю копейку... Я вот тебе дам сейчас дружков, свинота!

В негодовании подлетала она к Валентину и с размаху, картинно влепляла ему пощёчину, от которой тот, впрочем, умело увёртывался.

– Да общежитие, говорю, закроют, общежитие! – отбивался он, пятясь и глядя на сконфуженного дядьку. – Ну, мама, ты даёшь! Прямо обидно, понимаешь ли!

Бабушка вновь сверкала очками на тётю Любу, но той уже самой было и жалко сына, и стыдно за себя, но показывать этого не хотелось, и она пыталась улыбнуться сквозь навёртывающиеся слёзы:

– Конечно... довёл мать, архаровец!

Валентин сумбурно тискал её в объятиях, бормотал извинения, приговаривал:

– И що я в тебе такой влюблённый?

Он косился на часы, неистово чмокал бабушку, махал всем рукой, строил Алёше зверскую физиономию и убегал, громко топая в подъезде.

– Унеслось, святое подригенье! – устало произносила тётя Тоня. – Нам тоже, мама, наверх, пора – а, Виталий?

– Так ведь чай же ещё не пили, – говорила мать, глядя на бабушку.

– И племянник нам ещё ничего не сыграл! – поддерживал её дядя Витя, подмигнув Алёше. – Да и наливку грех оставлять...

Он тянулся к графинчику, мать доставала из-под кровати футляр с баяном, помогала Алёше приладить ремни, подсказывала:

– Сейчас он сыграет вальс, который учитель похвалил.

– Да я его без нот плохо помню, – отнекивался Алёша.

– А ты не тушуйся, играй, как помнишь, – ласково подбадривала бабушка. – Мы отметку ставить не будем!

Алёша играл вальс, за ним этюд, потом, запинаясь, кусочки из полонеза Огинского. Все хвалили, хлопали, а тётя Тоня предлагала выпить «за здоровье Людвиг ван Бетховена».

– Это он полонез сам подобрал, без нот! – с гордостью говорила мать.

Бабушка слушала молча. Думая о чём-то своём, она смотрела в окно, за которым уже сгущались сумерки. Алёша играл, и ему было жаль, что вот и кончаются эти шумные дни – с первомайским парадом, нарядными колоннами и оркестрами, с бабушкиным праздником и его сумятицей вокруг большого семейного стола. Ему было жалко бабушку. Скоро все они пойдут по своим домам через вечерний, красивый, затихающий город, а она останется одна в этой старой, гулкой коммунальной квартире, где когда-то, в далёкие и непонятные времена, именуемые «до войны», жила вся её семья.

Он играл «На крылечке», «Песню московских студентов» и ещё что-то, ему негромко подпевали, а бабушка всё молчала, и другие примолкли, и он тоже перестал играть.

Бабушка вздохнула, подняла рюмочку с красным вином.

– Вот, ребята мои, и ещё год долой...

Она посмотрела на них серьёзно и задумчиво, перевела взгляд на свою свадебную фотографию, покачала головой.

– И все тут, слава богу, пока живы-здоровы. А коли нет-нет да и булгачимся друг с дружкой, так на то она и жизнь наша... Так оно и во всём...

– Да, это так, во всём... – тихим эхом отзывалась Алёшина мать.

– Отец ваш, Антон, рано ушёл, что делаешь... Самой поднимать пришлось. И Ефим Степаныч, Царствие им, как говорится, обоим Небесное! А нам... – Глаза её упрямо, как у тётки Любы, блеснули, шрам на скуле порозовел. – Нам, ребята, надо держаться крепко, верить... Врёшь, говорю себе, бывало, всё равно не собьёшь, не может такого быть. Верю я, ребята,

скоро будет всё как следует! Может, не очень я, конечно, грамотная, а чувю. Ещё и над моей могилой «Вихри враждебные» играть будут, как положено! Всё будет путём, ребята, не тушуйтесь только и не лотошиться зазря. Пей, Витя, пей, Люба, пей, Наташа! Время настаёт новое, правильное – чувю!

Она медленно сделала глоток, вытерла губы и двумя глазами моргнула Алёше:

– Давайте, что ли, споем ещё одну, нашу...

Словно ожидавший этого, выпрямившись и подняв голову, низко, рожуче вывел первые слова дядя Витя:

Плещут холодные во-олны...

Полузакрыв глаза, взяв его за руку, взвила вслед за ним мелодию его жена, тётя Тоня:

Бьются о берег морской...

И вступили разом: негромко, грустно – мать, задумчиво и спокойно – бабушка... И высоким, чистым, в небо летящим голосом – тётя Люба:

Носятся чайки над морем,

Крики их полны тоской...

А за ними, сбиваясь поначалу, немного пугаясь, словно подбирая ногу под общий шаг, всё больше впопад, в лад, в строй пошли Алёшины пальцы по пуговкам, загудели басы, зазвенели тонкой медью ещё неокрепшие аккорды...

Ах, эта горькая соль, навечно оседающая на губах! Этот тусклый, размеренный блеск океанских валов! Эта тревожная мгlistая даль, этот дым, этот пороховой ветер, рвущий снасти!

Там, среди шумного моря,

Вьётся Андреевский флаг...

Гордый морской красавец! Со сбитой мачтой, с изорванной в клочья бронёй – никогда не уйдёшь ты в пучину, вечно будешь на плаву, ни перед кем не спустишь флаг, пока бьётся твоя команда, пока жив на борту хоть один матрос – ни в том, девятьсот четвёртом, ни в этом, пятьдесят пятом, ни в каком другом...

Так играй же, мой друг Алёша, играй смелее! Играй и слушай, не забывая ничего! И на долгие годы вперёд набирайся силы и веры у этих простых, родных, воедино слитых голосов...

* * *

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Екклезиаст

Как долго я разбрасывала камни!
Но чувств и мыслей горестная рать
Тревожно предвещает, что пора мне
Разбросанные камни собирать...

Что ж, не сложу ни замка, ни дворца я,
Не встать им величаво над горой,
Не будет в окнах свет гореть мерца
Для путников вечернею порой.

Нет, я прошу чуть-чуть, совсем немного,
К земле склоняясь в зное и пыли:
Мне вымостить бы узкую дорогу,
Чтобы однажды вы по ней прошли...

* * *

О, зачерпнуть из прозрачной струи,
Извлечь на свет бесценное, литое,
В мерцании словесной чешуи...
Я всуе не могу сказать «святое»,
Но как же это чувство назовёшь?
И ощутить немислимую дрожь,
Когда на белый свет родятся строки,
К тебе и равнодушны, и жестоки...
И бросишь всё, и молча вслед пойдёшь,
Как Гаутама бросил в одночасье
Всё, что иному виделось как счастье...
Ища – чего? Ведь всё же было, было...
Ища – каких корон, венцов, порфир?
Ему, царю, полмира не хватило?
И, вслушиваясь в стонущий эфир,
Ты босиком по кочкам, по траве,
По солнечной слепящей синеве,
По полыньям пойдёшь навстречу строфам –
К Эдему твоему, твоим голгофам...

ДЯДЯ (ДИПТИХ)

I

Это раньше можно было – вечно только об одном,
Как любил, и как любила, и о звёздах за окном,
О сиреневых туманах, о ромашках на лугу,
О берёзках в сарафанах... Я так больше не могу.
И горевший в танке дядя наклонился надо мной:
«Ты пиши, пиши не глядя: я спасённый был
войной.

Пожалели инвалида, на контузию свалив,
Небольшая это гнида, про себя в уме решив.
Я кричал, что все погибнем, все исчезнем
в лагерях,

Все в тайге дремучей сгинем, наше дело
просто швах.

Я всего три стопки выпил, не был пьяным я ничуть,
Я как будто шёл по зыби и не чаял отдохнуть.
Отпустили, пожалели... Может, просто в этот миг
Крылья белые летели – ангел в небесах возник,
И схватился он с Усатым и впервые победил,
И крылом его пернатым я поглажен даже был.
Ты забудь меня, Галина, я в земле уже давно,
Разве только ночью длинной постучу в твоё окно,
Так ведь это не со зла я, просто нет и там мне сна,
Ты пиши, пиши, родная: небо, облако, весна,
И озёра голубые, и весёлые года...

Я уже не помню, был ли в этом мире я тогда».

II

...И у меня к нему есть тоже счёт.
Стоянцево, четырнадцать дворов.
Не выйдет, не покурит у ворот
Мой добрый дядя Федя Серебров.

Тогда его забрали одного:
Кричал, подвыпив, что погибнем все.
И стали эти дни в судьбе его
На пыточном крутиться колесе.

Да, отпустили. Да, пришёл домой.
Но он ни с кем с тех пор не говорил.
Сидел один, качая головой,
И «Беломор» курил, курил, курил...

Никто не мог смотреть ему в глаза:
Он чуял холод ледяных миров.
Но никому об этом не сказал
Мой добрый дядя Федя Серебров.

* * *

А что же было? Первая любовь,
Да заводь в белых лилиях – из детства,
Когда впервые поняла: взглядеться –
Навеки взять с собой.
Ещё – бессмертных строчек вольный бег!
О, это сочетанье, соединенье,
Когда душа ловила на мгновенье
Взгляд Тютчева из-под тяжёлых век!
Всё остальное время – и не жизнь,
А так... Издержки сна и быта.
И вхолостую кружит механизм,
Столь совершенный, совершённый где-то
За гранью разума... И воедино слиты
Все контуры, и вечность до рассвета.
Зачем я здесь? И делать ЧТО должна?
Медлительная злая тишина –
Бессонницы вернейшая примета...

ЖЕЛАНИЕ

Странное желание... И всё же
Ни о чём я больше не прошу...
Средь бесчисленных шумов, похоже,
Затерялся жизни моей шум.

То, что жгло до судорог, до боли,
Растворилось, только и всего.
О последнем думаю оболе –
Расплатиться хватит ли его?

Странное желание: полярность
Миру, что не довелось понять, –
В миг, когда вскипела сингулярность,
Я хотела рядом бы стоять.

Чтоб через меня бурунной лавой
Исторгались звёздные поля,
Чтоб увидеть грозный диск кровавый
В миг, когда рождается Земля.

Галина СТОЯНЦЕВА

Галина Александровна Стоянцева (Уварова) родилась в д. Стоянцево ныне Лежневского района Ивановской области. Окончила Горьковский политехнический институт. Кандидат технических наук. Публиковалась в СМИ, в альманахе «Откровение» (Иваново), в «Антологии поэзии» (Иваново). Автор четырёх книг стихов. Лауреат областной литературной премии им. Михаила Дудина, ивановской городской премии им. В. С. Жукова. Член Союза писателей России. Живёт в г. Иваново.

Чтобы завивались, как циклоны,
Тысячи галактик в вышине,
Чтоб цвета ярчайшего неона
Все свои тона являли мне.

Чтобы слушать музыку эфира,
Чтоб неслись потоком сквозь меня
Чёрные агатовые дыры,
Сонмы звёзд в своё нутро маня.

Чтоб пространство-время здесь дуэтом
Устремились в космос, как стрела.
Чтоб воскликнуть: «Боже! В мире этом,
В этом самом мире я жила!»

ЭДИТ ПИАФ

Когда поёт Пиаф, я знаю, несомненно,
 Что женская душа мерцает во Вселенной,
 И страстный голос жил со дня Творенья,
 Летел сквозь космос с первого мгновенья,
 Ища среди бесчисленных орбит
 Единственную женщину – Эдит,
 Которая – от шёпота до крика –
 Во всём была ему равновелика...

ВЕСНА

Эта весна наступила с прищуром, с оглядкой.
 Накипь грязных снегов по обочинам улиц лежала.
 Девочка в ситцевом платьице, с лёгкою прядкой
 Светлых волос вызывала тревогу и жалость.

Вдруг передумает? Не разойдётся? И бросит
 Дело своё: «Как вы мне все надоели!
 Сколько дарила я вам фантастических вёсен,
 Вы же в ответ продавали глаза еле-еле!»

И от любви убежали: а вдруг катастрофа?
 Мигом исчезнут уют и привычные вещи.
 Только поэтам дано разлетаться по строфам
 В мире, где вечный туман и приметы зловещи...

Ладно, поверю! Обрушу цветы и улыбки,
 Зеленью-жизнью деревья и землю покрою,
 Сердце сожму легкокрылой мелодией скрипки,
 Стану любовным томленьем ночной порою.

И засвищу соловьём, закружу лепестками!
 Вспомнится сразу сестра моя младшая – юность.
 Вот я лечу к вам навстречу под облаками.
 Птицы щебечут: "Вернулась! Вернулась!
 Вернулась!"»

* * *

О Боже, сколько дряни и трухи
 Заполоняют череп непотребно,
 А сочиняешь стройные стихи,
 Чтоб образы сияли благолепно!

Оксюморон, пиррихий и спондей
 Чтоб в рифмах грациозно возлежали,
 Чтоб ритмы, словно тройка лошадей,
 По тракту строф уверенно бежали.

Иллюзией наития зачем
 Наполнен мозг, не видя бела света,
 Как плыть среди катренов и поэм
 И знать, что есть на свете чудо это?

Остановиться, вздрогнуть, замереть:
 «Отговорила роща золотая...»
 И даже позавидовать не сметь,
 И до утра шептать, в раю блуждая.

СИГНАЛ

Когда шахтёры молча шли в забой,
 Где в лаве огонёк мелькает редкий,
 Залогом жизни канарейку в клетке
 В Аидов мрак несли они с собой.

Там птица им спасением была:
 Где воздух – яд, она дышать не может,
 Она забьётся, закричит и сложит
 В последней муке хрупкие крыла.

Сигнал – бежать! Бежать на свежий воздух!
 Оставить эту каменную твердь!
 Незримая, здесь притаилась смерть.
 Быстрее, быстрее! – иначе будет поздно!

Поэзия! Ты первой умерла
 В моей стране. Отпела, отзвучала...
 Здесь воздуха так долго не хватало.
 Здесь души были выжжены дотла.

Сумеем ли спастись?..

1996 г.

В НАШЕМ КРАЕ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Зелень пробудившейся весны,
Щебет птиц, залиvistый и звонкий...
В нашем крае не было войны,
Только приходили похоронки.

Вестник смерти, почтальон-старик,
Опустив глаза, конверт протянет –
Полетит над полем бабий крик,
Ясный день мгновенно чёрным станет.

В сизой дымке скроются леса,
Стаи молний горизонт охватят,
Русские заплачут небеса
О погибшем на войне солдате.

Видятся детей и юных вдов
Тонкие страдальческие лица,
Срубы заколоченных домов,
Враз осиротевших без кормильца,

Яблони в заброшенных садах,
Тёмные фуфайки в изголовье,
Белые бинты в госпиталях
С красной проступающею кровью.

Подвигу людскому нет цены.
Памяти навеки нет покоя.
В нашем крае не было войны.
Разве можно говорить такое?!

СЕРЫЙ ЦВЕТ

Скажите, в чём виновен серый цвет,
Что серым появился он на свет?

Кругом цветы, зелёные луга,
В высоком небе – радуга-дуга.

И можно любоваться без конца
Величием и благостью Творца.

Но в серых затуманенных глазах
Лишь только зависть, только тёмный страх:

Вся в мире красота досталась им –
Немыслимо нарядным и цветным!

И зреет мысль, и слаще её нет –
Себя окрасить в яркий, красный цвет

Чужою кровью...

* * *

Осенний воздух небывало чист,
В хрустальной синеве листва кружится,
И медленно кленовый жёлтый лист
Не на асфальт – на душу мне ложится.

Отпело лето, сказкой отошло...
Но, осень, живописец мой великий,
Люблю твоё прохладное тепло,
Твою улыбку на печальном лице.

Струющаяся лёгкая листва
Притягивает взгляд мой, будто пламя.
Здесь не нужны прощальные слова,
Но я прошу, чтоб так же было с нами:

Слететь кленовым стрелчатом листом,
Когда судьба доподлинно свершится,
Взметнуться ввысь в сиянье золотом,
Упасть и навсегда с землёю слиться...

Людмила ЕФЛЕЕВА

Родилась в городе Иваново. Окончила художественное отделение ИХТТ, затем Литературный институт им. А. М. Горького.

Печаталась в периодике, в альманахах «Истоки», «Дыхание Волги» и др., в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Наш современник», «Волга», «Нева». Автор нескольких поэтических сборников.

Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. В. Жукова.

В БОЛЬНИЦЕ

В тугой рассвет рванулась рама –
Притвор больничного окна.
– Я умираю, мама?!
Мама...
Щёлк.
Почка лопнула.
Весна.

Жил парень.
Жил.
Как говорится,
Он погрузился в вечный мрак,
И полетело по больнице
Безликим монстром
Слово «рак».

А мать, ещё не веря в это,
Сидела у остывших ног,
Звала его с другого света,
Как со двора:
– Сынок! Сынок...

* * *

А он куражился сначала:
– Хозяин я. Хочу и пью.
В нём водка бешено кричала:
– Не подходи, а то убью!

Для всех давно источник зла,
А для дочурки всё же «папка»,
Она просила, ёжась зябко:
– Пойдём, – и за руку брала.

И он шагал покорно с нею,
Хозяин в карточном доме,
И чья рука была сильнее,
Известно Богу одному.

* * *

Звонят колокола.
Их звон высок и чуден.
Так с небом разговаривают люди.
Ты без любви –
Молитва, но без слов,
Немая церковь без колоколов.

ОДИНОЧЕСТВО

Чуть голубея краской нежной,
Как будто жилка на виске,
Волной отринута мятежной,
Рыбёшка бьётся на песке.
Жива случайно в пляжном соре,
Сама почти что сора часть...
А в двух шагах бушует море,
Но силы нет в него упасть.

МАРТ

Календарные каноны,
Снег весеннего стандарта,
На антенне спят вороны –
Верноподданные марта.
Перья их нейтральной масти –
Редко белая родится, –
И любой природной власти
Присягают эти птицы.

Марина МОСКАЛЁВА

Марина Юрьевна Москалёва родилась в 1973 году в г. Ардатове Мордовской АССР. Журналист, редактор. Публиковалась в альманахах «Откровение» (Иваново), «Уводьское водохранилище» (Иваново), журналах «Русский путь» (Ярославль), «День и ночь» (Красноярск). Автор поэтического сборника «Будь чуть-чуть причастен». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России, кандидат исторических наук. Лауреат областной литературной премии им. Михаила Дудина. Живёт в г. Иваново. Замужем, мама троих детей. Хобби – водный туризм.

БАНАЛЬНОЕ

Уплывают по реке
Лодки лёгкие от нас.
Никогда не знаешь, с кем
Говоришь в последний раз.

Видишь – тает на воде
СМС, что пишет дождь.
Никогда не знаешь, где
В жизни больше не пройдёшь.

Вылетаешь на перрон,
Спотыкаясь на углу.
И не знаешь – это он,
Ваш последний поцелуй...

Удержи на языке
Боль и горечь скорых фраз.
Никогда не знаешь, с кем
Говоришь в последний раз.

* * *

У меня кончаются дети.
Пара лет, и детей не будет.
Трое взрослых на белом свете.
Очень классные, в общем, люди.

Всё умеют, характер лёгкий.
Внешне больше не купидоны.
Даже без спецэкипировки
Терпят мамины закидоны.

Но бывает, вздохну украдкой:
Счастье мамы, ну как ты зыбко...
Где теперь золотые прядки,
Где беззубые их улыбки?

Этот сытный молочный запах
После сна за ушком, в кудряшках,
Тонкий месяц на мягких лапах,
Синяки, логопед, домашка.

И дорожка от сада к дому,
И звезда голубая в небе.
Эти поиски: где мы, кто мы?
Для меня хоть чуть-чуть вы дети...

* * *

Угощайся – брат приехал.
Брат живой пришёл с войны.
В нашем доме всплески смеха,
Запах хмеля и весны.

Мать на десять лет моложе.
И, не знаю почему,
Никуда пройти не может,
Не притронувшись к нему.

Хоть легко, да прикоснётся,
Плачет счастливо она.
На полу – квадраты солнца
От промытого окна.

Что ни час, друзья к нам: «Здрасте!»
Днями пьём мы и едим.
И на счастье, да – на счастье,
До войны он был один.

И ничем не потревожены
Брата нынешние сны.
Угощайся. Так положено.
Брат живой пришёл с войны.

* * *

Девочкою без башни
Я презирала боль.
Что ты один – не страшно.
Страшно, когда ты ноль.

Запах не битв, а боен.
Мерзостно на душе.
В поле один – не воин.
В поле один – мишень.

Вверх ли идёт дорога,
Смерть ли дохнёт в лицо.
Знай, у победы много
Будет потом отцов.

Выбей тату на коже,
Помни всегда одно.
Делай, что делать должен.
Будет – что быть должно.

* * *

Ощущенье тупика
И последнего вагона.
Как отратно я легка
В миг отрыва от перрона...

За собой захлопну дверь,
Ни о чём не беспокоясь.
Ах, узнать ещё теперь,
Что за поезд...

И в какую сторону
Повезёт меня по свету?
На беду ли, на войну?
А я поеду...

Может статься, там темно,
Даль опасна.
Ах, ей-богу, всё равно:
Я согласна.

Может, там ни огонька
До рассвета.
Но ощущение тупика
Хуже нету...

Александр ШЕСТУНИН

Александр Сергеевич Шестунин родился в 1949 году, живёт в Иванове. Окончил Ивановский государственный медицинский институт, одновременно ФОП (факультет общественных профессий) по специальности «Журналистика». Работает врачом, преподаёт в ИвГМА. Имеет высшую квалификационную категорию, отличник здравоохранения России. Более пяти лет является деканом литературно-краеведческого факультета открытого народного университета «Третий возраст». Печатается в СМИ, в коллективных сборниках и альманахах с 1974 года. В настоящее время – автор пятнадцати книг стихов и прозы, изданных (и переиздававшихся) в Иванове, Москве, Санкт-Петербурге, США, странах Балтии и Израиле. Основные направления творчества: лирическая, ироническая поэзия и поэтическая пародия, короткострочная проза (рассказы, новеллы, очерки, миниатюры, эссе) и фантастика, литературное и историческое краеведение. Победитель поэтического конкурса «Продолжи строчку М. Н. Цветаевой» (в номинации «Профессиональные поэты»), организованного правительством Ивановской области, Фондом первого Президента России Б. Н. Ельцина, Государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино – в рамках всероссийского проекта. Лауреат городской премии в области культуры «Триумф» и литературной премии им. писателя Д. А. Фурманова за стихи социального и патриотического содержания. Член Союза писателей России.

* * *

Плоды раздумий – горькие плоды –
Висят на ветках моего сознания,
Всё требуя живительной воды,
И сушат душу в ходе созревания.
Мой взгляд на мир становится иным,
Но внутренней гармонии не видно,
Надежда улетает, словно дым,
И за себя мне больно и обидно.
Гуляя по ночам в неведомом саду,
Где те плоды запретные висели,
Я понял, что сорвать их не могу.
Они упали. Так и не созрели.

ГОРОД ИВ.RU

К 145-летию
города Иваново-Вознесенска

Ах, бедное Иваново,
Ну, где же твой текстиль?
Не «расцветает заново» –
Сейчас иная быль.

Над нами туча чёрная
И солнца не видать.
Когда ж вернётся добрая
К нам Божья благодать?

Кружится непогодина,
А мы всё ждём мессию.
И горько нам за Родину,
И стыдно за Россию.

Мы полуправдой дышим,
Глотаем полуложь,
Лишь обещанья слышим,
Не веря ни на грош.

Так что же будет дальше
На родине Советов?
Без пафоса и фальши
Пока что нет ответов.

Надежда на столицу.
Поможет нам она?
Но там, как говорится,
Отдельная страна.

Финансы в ней собрали
Почти со всей страны,
И мест иных печали
Оттуда не видны.

Тяжёлые работы
Здесь выполнит другой,
Московские заботы –
В пределах «кольцевой».

У нас же – запустение,
Не слышно фабрик даже,
Лишь сорные растения
Да центры по продажам...

Работать разучились,
Да негде всё равно,
Но с этим примирились
Уже давным-давно.

Без почестей и чести
Обходимся прекрасно,
Наш город не Манчестер,
Тем более не «красный».

Ах, видело б купечество
Следы безумной ломки!
Но горький дым Отечества
Глаза не ест потомкам...

* * *

Стих жёсткий – на три угла.
Прощанье на грани отчаяния.
Любимая, как ты могла?
Снег зимний на фоне таяния...

Прощай, не ищи совсем,
Станем опять прохожими,
Среди судьбою рассеянных тем
Две оказались невсхожими.

Нет сердца – душа не болит,
Память – сестра милосердия,
Любовное пламя в груди не горит –
Предрадость ушла из предсердия.

Забыли о том, позабыли совсем
Те сны, что когда-то снились.
Хотели вернуться – вернулись, затем
Чтоб дольше разлуки длились.

А в идеале – и вовсе пропасть,
Исчезнуть из списка живущих,
Попасть под забвения полную власть,
Где нет больше телоимуших!

Останется что? Да почти ничего –
Так, пара строчек, не более,
Но зёрна стихов прорастают легко
В твоём акустическом поле.

* * *

Не уходи так быстро, осень,
Давай с тобой поговорим.
О чём-нибудь друг друга спросим
Или же просто помолчим.

Ты утоли мои печали,
А я с тобою погрощу,
Утешишь ты меня едва ли,
Но я на это не ропщу.

Вполне достаточно того,
Что ты слезинкой дождевою
Стучишь в оконное стекло,
Шуршишь редееющей листвою.

Туманом раны мне бинтуешь
И грусти тлеющий костёр
Холодным воздухом врачуешь,
Но... не вступаешь в разговор.

ДЕКАБРЬ

Пустая улица тиха,
 и ночь
 ещё темней под фонарём.
 Пушистый снег
 так грустно серебрится.
 Кому-то
 в эту ночь не спится.
 Как будто вдруг остановились
 в холодном воздухе
 большие хлопья снега.
 Такая сладостная нега
 зимой начавшейся гнетёт,
 а снег идёт,
 а снег идёт...
 Но я не думаю о нём,
 как, впрочем,
 ни о чём другом.
 Мне жалко осень,
 а декабрь...
 ах, как белы его метели!
 Деревья все заиндевели,
 и кусты,
 сквозь сон,
 неонов синим светят,
 никто их грусти не заметит...
 На окнах вновь
 ледовые узоры.
 Сугробы –
 белые соборы,
 один, как Домский,
 и, органной музыкой полна,
 восходит бледная луна.
 Бреду по улицам,
 а память
 нагоняет
 почти на каждом повороте,
 я сомневаюсь,
 что поймёте,
 чего ей нужно от меня,
 но вам скажу я, не тая, –
 она так хочет
 скорей догнать,
 чтоб пару строчек
 буквально
 мог написать

о том,
 как был декабрь:
 «пустая улица тиха,
 и ночь
 ещё темней под фонарём»,
 а дальше должен о другом,
 совсем не о себе,
 поведать я.
 То не забуду никогда:
 замёрзшей розы красота
 да каблучков затихший стук,
 жестокость слова «навсегда»
 и нежность рук
 при расставании...
 Я должен показать
 ещё сосульку,
 что мерцала
 со снега крыши,
 как с одеяла,
 а ты
 в окне рукой махала...
 (Как без причины
 заулыбались,
 когда впервые
 мы повстречались.
 Как мило было
 всё то хорошее!
 Как мало было
 такого прошлого.)
 Но не хочу я вспоминать,
 а то вернётся вдруг опять
 та боль,
 что бродит между строк.
 Я одинок,
 и грустно мне
 глядеть на окон
 золотые огоньки.
 Где над дверями
 громкие звонки
 всем возвестят,
 что гости в дом идут, и где
 шампанского зелёный изумруд
 давно их ждёт.
 Меня не ждёт никто,
 и, поплотней закутавшись в пальто,
 шарахаясь от всех теней,
 бегу от памяти своей...

* * *

На грани снов и умопомрачений
 О этот зов, блуждающий в ночи!
 И твой альков, возникший из видений,
 Сияющий от шёлка и парчи!

Когда, скажи, желанием томимый,
 Я преклоню колени пред тобой
 И наконец смогу назвать любимой
 Иль это всё останется мечтой?

Но ты молчишь из непроглядной дали,
 И образ твой тускнеет с каждым днём.
 Мои надежды сбудутся едва ли –
 Нам не дано с тобою быть вдвоём.

ПРО ПУШКИНА, ЛЕНИНА И ЛЕННОНА

...А в это время мимо проходил Пушкин.
 Настроение у него было не очень.

Он только что, по совету Гоголя, сжѣг
 вторую часть романа «Евгений Онегин».
 Вдруг видит он, как на бронзовый
 броневик, стоящий на пьедестале,
 пытается вскарабкаться гражданин в кепке.
 Сначала Пушкин подумал, что это Лужков
 хулиганит в чужом городе.

Оказалось – Ленин.

«Давайте я Вам помогу, Владимир Ильич», –
 говорит Пушкин.

Тот слегка растерялся, но ничего не сказал.

Снял кепку, зажал её в кулаке
 и внятно так произнёс: «Товарищи!»

Рабочие, матросы, крестьяне, дворяне, мещане,
 студенты, школьники, хакеры, квакеры,
 менеджеры, мерчендайзеры и прочие
 отозвались:

«А-а-а-а! Кто это?!» –

«Я – Ленин», – сказал Ленин.

В толпе закричали: «Леннон, Леннон, Леннон!»

Ленин (мягко): «Не Леннон я, а Ленин.

Революция, о которой так долго говорили...»

Толпа: «Леннон, Леннон, Леннон!»

Ленин (раздражаясь): «Да говорят же вам,
 что я не Леннон, а Ленин, ваш вождь!»

Толпа: «Леннон, Леннон, Леннон, Леннон!»

Пушкин: «Ну, Владимир Ильич...»

Толпа: «Леннон, Леннон, Леннон!»

Одинокий голос: «Маккартни!»

Ленин: «Ладно, хрен с вами...»

Yesterday...»

КРАСАВЕЦ

Внутри у него было холодно и пусто. Он постарел и от немощи всё чаще стал пускать лужи. Где-то в самом дальнем углу его железной утробы ещё хранились обросшие снежной шубой грибы, принесённые кем-то из Хозяйкиных знакомых года два тому назад. Грибы были единственной ценностью, которую он берёт, старательно выработывая мороз и пыхтя от усердия. Но они так и остались невостребованными ни для жаркого, ни для супа. А ещё он хранил целую кучу бесполезных микстур, таблеток и сердечных капель, которые не помогали ни ему – от тоски, ни постоянно хворавшей Хозяйке. Это было печально, как и вся его нынешняя никчёмная, пропахшая корвалолом жизнь. По ночам он предавался воспоминаниям и надрывно грустил, дребезжа и мешая спать соседям за тонкой стенкой.

Соседей по коммунальной квартире он не любил и даже возненавидел бы, будь у него хотя бы половина сил, что были раньше. Но сил на ненависть не осталось, и он только тихо вздрагивал, когда чужие громогласные люди бесцеремонно вваливались в комнату, дыша перегаром и не обращая внимания на безучастную ко всему Хозяйку. Они всюду совали нос – по-свойски вытягивали тугие ящики старого комода, хлопали дверцами шкафа, шарили по полкам.

«Эй, Митревна, тебе пенсию принесли? Дай стольник! Нет, лучше пятихатку! А закусь есть какая? Гляди-ка, в холодильнике-то у тебя мышь повесилась, ха-ха-ха! Ишь, гробина ржавая, опять лужа под ним! Слышь, Митревна? Когда жилплощадь-то освободишь? Пора на свалку вам обоим!»

Но Хозяйка оставалась по-прежнему безучастной и молча каменела на своём диванчике у окна, устремив невидящий взгляд сквозь мутное стекло.

Больше всего он боялся, что внутри у него когда-нибудь и вправду заведётся мышь и непременно повесится, не найдя ни крошки съестного. Как же это, должно быть, страшно, когда в тебе окажется смерть, пусть даже и мышиная!

А ведь были времена, когда его объёмистое чрево было набито всевозможной снедью: парной розовой свининой с сахарной косточкой; скользкими, с перламутровой чешуёй карпами; отборными колбасами, от аромата которых дух захватывало; жирным деревенским творогом, желтоватой густой сметаной... Каждое воскресенье припасы пополнялись. Они вплывали в кухонное пространство в большой, длинной, похожей на лодку корзине, а он принимал их как дорогих гостей и радушно распахивался навстречу.

И жил он совсем в другом доме, в просторной «отдельной квартире в центре города». Он,

разумеется, не знал, что значит «отдельная» и «центр города», но так говорила кому-то по телефону Хозяйка, и для него это было важно, как всё, что исходило от неё.

Тогда у него была семья – самая настоящая: кроме Хозяйки, были ещё Хозяйкин муж и четверо их детей. В большой светлой кухне с двумя окнами он занимал самое почётное место – сразу напротив двери. Кухонную дверь почти никогда не закрывали, и ему было видно всех, кто приходил в дом. И приходящие гости тоже видели его и неизменно восхищались: «Ах, какой красавец!..» Да, он был редким красавцем и сам это знал. Он был уверен в своей особой роли в этом доме, где спозаранку, почти не переставая, играло и пело радио и, казалось, именно для него звучало бодрое: «Нас утро встречает прохладой...» И он тоже встречал ободряющей прохладой всех, кто открывал его белую глянцевою дверцу, за которой хранилось правильное, сытое, надёжное благополучие.

Хозяйка им гордилась – таких, как он, ни у кого в городе больше не было. «Он – единственный!» – всем говорила Хозяйка, и он ей верил. Она относилась к нему с большим уважением и частенько советовалась: «Что сегодня приготовить, Зил Зилыч, как думаешь? Может, сырники с изюмом и кунжутом? Ребята их любят. Или грибной супчик? Что-то ничего нового в голову не приходит!» А потом и супчик варила, и сырники жарила, и салаты всевозможные строгала, как заправская повариха. И как она всё успевала? Шутка ли – каждый день кормить такую ораву!

Ему доставляло удовольствие наблюдать за её умелыми, лёгкими движениями – то у шкафа с посудой, то у рабочего стола с набором разнокалиберных кастрюль, мисок и ножей, то у жаркой плиты. Бывало, за день воздух в кухне, пропитанный парами из кастрюль, нагревался так, что окна запотевали, и младшие дети, вскарабкавшись на широкий подоконник, пальцами рисовали на стекле кривые рожицы, корабли и самолёты.

Самым приятным для него был тот утренний час, когда глава семейства уезжал на свою директорскую службу, старшие дети отпраив-

лись в школу, младшие ещё спали, и он оставался наедине с Хозяйкой. Этот волшебный час принадлежал только им!

«А сейчас, мой дорогой, мы будем пить кофе! – она так и говорила: «мы». – Ты не против настоящего, бразильского? А как насчёт сливок?» И она – миниатюрная, ладная, обожаемая – ласково проводила ладонью по его прохладному гладкому боку. Затем наполняла водой и ставила на огонь пузатую, надраенную до зеркального блеска медную джезву и принималась колдовать над ней, как древний алхимик. Кроме двух ложек отборного свежемолотого кофе, в ход шли корица, за ней малая толика ванили на кончике ножа и щепотка соли. Вскоре варево закипало, и воздух наполнялся восхитительными ароматами – так пахло счастье! Их счастье! Потом Хозяйка уютно устраивалась на узком нарядном диванчике у стены. Отпивая из тонкой фарфоровой чашечки, покачивала изящной головой на высокой шее, неотрывно смотрела на него и повторяла нараспев: «Краса-а-авец ты мой! Какой же ты красавец!..»

Конечно, она любила его! Любила так, как никого больше. Никому, кроме него, Хозяйка не говорила таких слов! Ни на кого так не смотрела, ни с кем не проводила столько времени! Друг для друга они были источником радости, и светлое кухонное пространство было их заповедным местом.

А потом наступили перемены. Сначала куда-то исчез глава семейства, в доме надолго стало тихо и сумрачно, уже не слышно было привычной детской возни, умолкло радио. Хозяйка утратила весёлую живость, истончились черты её бледного лица, пышные кудри спрятались под чёрным некрасивым платком. Она тенью перемещалась от буфета к плите, механически готовя детям незатейливые каши и яичницу, роняла то чашку, то ложку. Молоко сбегало из кастрюли, на сковородке подгорала яичница, исходя едким дымом и горьким запахом беды. И казалось, не будет этой горечи конца...

Внутри у него образовалось слишком много свободного места, и это его беспокоило.

Морозилка частенько пустовала, а на решётчатых полках всё чаще появлялись сомнительные магазинные котлеты, которые раньше Хозяйка не только не купила бы, но и даром не взяла бы.

Ещё больше тревожило, что день ото дня росло количество таблеток, которые Хозяйка определила ему на хранение. Она стала молчаливой и даже равнодушной: уже не смотрела на него с любовью, не называла ласковыми именами и редко готовила настоящие обеды – с борщами, холодцами, винегретами... Подросшие Хозяйкины дети, прежде украдкой таскавшие из его неиссякаемых запасов кусочки сыра и копчёной колбасы, не находили теперь ничего вкусного и с досадой резко захлопывали дверцу. Ему это было неприятно и очень обидно.

И то ли от обиды, то ли от времени его цвет утратил былую белоснежность, глянец потускнел, и сам он потерял щегольской вид, которым так гордился. По вечерам, когда Хозяйка выключала свет и уходила из кухни, он привычно грустил и еле слышно ворчал: «Да... я больше не главный в доме... для неё я теперь просто вещь, обыкновенная вещь...»

Шёл день за днём, год шёл за годом. Дом опустел – младшие дети окончили школу, подались в столицу за лучшей долей и возвращаться не собирались. Старшие давно стали взрослыми, обзавелись своими семьями и жили отдельно.

Каждое утро Хозяйка обходила пустые комнаты, раздвигала шторы, вытирала невидимую пыль, перебирала книги на полках и вздыхала. Он слышал её шаги в комнатах, вздохи, и ему становилось тоскливо.

Она приходила на кухню и варила сливовое варенье – впрок, для них, для детей. Натоптавшись у плиты, тяжело усаживалась на узкий диванчик, на котором давно приспособилась ночевать – тут же, в кухне. Отсчитывала над стаканом капли из тёмной склянки, принимала снадобье и снова вздыхала. Внешне она оставалась такой же миниатюрной, как в молодости, но, казалось, какой-то незримый груз навалился на её ссутулившиеся плечи, и нести эту ношу ей было не по силам.

Иногда старшие дети навещали Хозяйку

Светлана ОЛЕКСЕНКО

Сценарист и режиссёр документальных фильмов. Автор пяти поэтических сборников, рассказов, книги прозы «Территория холода / Территория сердца».

Публиковалась в журналах и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Беларуси, Украины и Крыма. Лауреат областных литературных премий, лауреат международных киноконкурсов, обладатель Гран-при международного литературного фестиваля «Чеховская осень – 2018» (г. Ялта).

Член Союза писателей России и Союза кинема-

в день её рождения или в какой-нибудь другой праздник. Они входили в дом с букетом, дежурной коробкой конфет и бесконечными сувенирными магнитами, купленными в заграничных поездках. Накануне таких визитов Хозяйка занимала деньги у соседки, бегала по магазинам, ставила опару для пирогов, крутила в мясорубке говядину, суежилась у плиты, причитая: «Ох, не успею, Зилыч, не успею!..» И тем не менее всё успевала задолго до назначенного часа: накрыть стол хрустящей накрахмаленной скатертью, расставить бокалы на высоких тонких ножках, разложить столовые приборы. А потом она надевала своё неизменное «лучшее платье» и начинала напряжённо ждать дорогих гостей, высматривая их из окна.

Её метания были мало похожи на прежние обстоятельные приготовления, но всё же Зилыч был рад, что ещё нужен ей, что она по-прежнему разговаривает с ним, что эта суета привносит смысл и движение в их монотонную, вялую жизнь.

О событиях, происходящих в доме, Хозяйка подолгу рассказывала кому-то в телефонную трубку, сидя вечерами на кухне и запивая очередную таблетку остывшим чаем.

«Да-да, Аннушка, приезжали! Они у меня молодцы – всего навезли, подарков надарили, поздравили! У них всё в порядке: и работают, и отдыхают. Были в отпуске, почти всю Европу объехали, так интересно!.. Фотографии показывали – красотища!.. За сливу тебе спасибо, я варенья наварила. Ничего, что кисловата, всё-таки с огорода, а не магазинная, – просто сахару побольше положила... Сердце? А что – сердце? Сердце ничего, бьётся... А деньги я тебе с пенсии отдам, не беспокойся... Ну ладно, до завтра! Мне ещё посуду мыть...»

«Да уж... навезли, надарили... – неприятно пыхтел Зилыч. – Кто только эту глупую моду придумал – всякую дрянь на холодильники лепить? Весь фасад мне испортили! Лучше бы мяса привезли или рыбы!»

– ...И всем где-то надо жить, – обращалась Хозяйка уже к Зилычу, насухо вытирая чистые тарелки. – Не век же по съёмным углам мыкаться... Скоро младшие приедут, не задалось у

них в столице... Вот увидишь, слетятся птенцы, вернутся! Да и веселее вместе-то – как думаешь, Зилыч? Поживём ещё, всем места хватит!

И лицо у неё оживлялось, розовело, и она становилась похожей на прежнюю себя.

Хозяйка давно уже не называла его красавцем, перейдя на обиходное «Зилыч», но он не обижался. Пусть как угодно называет, лишь бы не стояла часами у окна, выглядывая своих, не прятала бы лицо в ладони; лишь бы не вздрагивали острые плечи так горестно, так безнадежно... И от кого она таких слов набралась: «съёмные углы»... «мыкаться»?.. Наверное, от соседки – той, что в телефоне.

Разъезд случился поздней осенью – долго не разменивалась «просторная отдельная», не сразу нашлись «подходящие варианты» для детей: то площадь маловата, то дом в плохом районе. Несколько месяцев только об этом и говорила Хозяйка со многими звонившими и приходившими посмотреть квартиру. Сколько же народу перебивало на их кухне!..

«Вот тебе и "поживём ещё", вот тебе и "всем места хватит!" – сокрушался Зилыч. – А как же я?.. А меня теперь – куда?..»

Дверь в подъезд была всё ещё распахнута настежь и подпёрта кирпичом, хотя мебель уже вынесли. Погрузка застопорилась. Грузчики тщетно пытались затащить необъятного Зилыча в бортовую машину. Они громко переругивались, привлекая внимание любопытных жильцов, прилипших к окнам. Сеялся нудный дождь, и капли лениво стекали по дверцам орехового шкафа, собирались в лужицы на круглой крышке стола, сбегали ручейками в неприкрытый ящик старого комода, расплзались тёмными пятнами по потёртой обивке диванчика. Стопка книг, перевязанная бечёвкой, пара узлов с постелью и одеждой были накрыты клеёнкой и тоже ждали погрузки.

Среди вещей потерянно бродила Хозяйка – маленькая, похожая на состарившуюся девочку. Время от времени она запрокидывала голову и смотрела на ставшие чужими окна в третьем этаже. Беззвучно шевелила губами – то ли прощалась с кем-то, то ли молилась – и

не замечала ни дождя, ни холода, ни крепкой ругани грузчиков.

– Тяжёлый, сволочь! Разве его в коммуналку втиснешь? Не холодильник, а гроб с музыкой... Выкинуть бы его к чёртовой матери! На кой он сдался – ему сто лет в обед!.. Держи, держи! Толкай, толкай, говорю!.. Эх, так его!..

Зилыч грохнулся на бетонный бордюр, проскрежетал по асфальту, сдирая, как яичную скорлупу, свой белый глянец, и перевернулся. В глубокой вмятине на боку обнажился тёмный металл.

– Всё, мать, кирдык твоему уроду! Теперь его только в утиль! Нечего было и связываться – говорили же тебе!

«Как давно это было! Всё – было. И ничего другого не будет, даже радио. Только эта тесная комнатёнка и шумные соседи за стенкой. С утра до вечера орут... вместо радио. Не дай бог, опять заявятся... Эх, одна радость остаётся – прошлую жизнь вспоминать!..

А Хозяйка молчит и молчит. За весь день – ни звука. Чего она там, за окном, высматривает? Так неотрывно, ни разу не сморгнёт... Смотри не смотри – нового не увидишь. Лучше бы потихоньку в магазин сходила – за молоком, за

хлебом... Чего сидеть-то?.. Нет, больше не любит она меня, доброго слова от неё не дождёшься. Да и на что я ей, урод кривобокий... Но ведь не сдала в утиль, не сдала! Выходит, всё-таки нужен я?..

С утра не ела, даже чаю не выпила... И вчера не ела... А что это у неё на лбу? Муха? Вот только мух нам не хватало! Сегодня муха, а завтра что? Мышь с верёвкой?»

И вдруг он понял, что Хозяйка, с которой он прожил всю жизнь, такую счастливую и такую печальную, больше никогда не поднимется со своего диванчика, не смахнёт муху со лба. И не прогонит противную серую мышь, которая скребётся уже где-то рядом и вот-вот окажется у него внутри!..

Он с ужасом представил, как обезумевшая от голода мышь мечется в его пустом брюхе, пищит и корчится в предсмертных муках. От этой мысли он задрожал, затрясся и загудел, как никогда прежде. Он трясся и гудел, гудел – надрывно, из последних сил... Но вот в глубине у него что-то щёлкнуло, он вздрогнул в последний раз, словно судорога прошла по всему его металлическому телу, и затих.

Звёзды на рассвете

Памяти моего деда Мануэля Менендеса Менендеса и всех узников-республиканцев тюрьмы Эль Кото города Хихон

Наконец ступени закончились. Тяжёлая железная дверь впустила в сырость и духоту свежую струю. Мануэль задохнулся от запаха моря, травы, песка, от запаха родного города. Лёгкие отказывались вдыхать прохладу и аромат после привычной затхлости.

Рассвет не наступил, звёзды над дальней сьеррой были по-августовски яркими. Мужчина с трудом выпрямился, поднял голову навстречу мерцающей россыпи. Он не хотел выглядеть униженным в свой последний час. «Да, час... – подумал мужчина, – видимо, повезут на кладбище».

Подтверждая его мысли, у дороги стояла закрытая машина. Мануэль почувствовал толчок в спину, чувствительный, но позволяющий удержаться на ногах и не ткнуться лицом в каменный выступ на краю тротуара. За прошедший год конвоиры научились выполнять свою работу чётко, без лишних ненужных осложнений. Привычная, почти повседневная работа. Конвейер смерти, работающий бесперебойно.

– Иди, – конвойный снова ткнул Мануэлю между лопаток.

Губы кривоносого сержанта искривились в презрительной и брезгливой гримасе. Он ждал

покорности и униженности побеждённого, но идущий на смерть не доставил победителю удовольствия лицезреть это. Он снова распрямил плечи и поднял голову. Стоящий сзади тощий, измождённый человек, такой же бедолага, доживающий свои последние минуты, прошептал:

– Мануэль! Я не думал, что ты ещё жив. Твое имя называли ещё три месяца назад.

– Нет, Педро, это был не я. Просто имя такое же.

– Имя было твоё, но я не успел разглядеть выходящего, когда меня вели с допроса. Ты узнал меня, Мануэль?

– Я узнал тебя, парень.

– Эй! Хватит болтать! – снова раздался грубый окрик того же конвойного.

– Ладно, Хесус, пусть. Скоро замолчат навечно.

В перебранку вмешался коротконогий толстяк, стоящий у грузовика. Добряк был выше по званию, и окрикнувший их конвоир, буркнув себе под нос ругательство, замолчал.

Приговорённые двинулись к грузовику парами. Педро шёл рядом, шепча Мануэлю почти в ухо:

– За что они так ненавидят нас, Мануэль? Мы защищали нашу республику, то, что принадлежало нам по праву. Мы не насильствовали, не убивали их жён и дочерей. Я не боюсь смерти. Мне стыдно, что я не защитил своих девочек.

– Да, Педро, я знаю про твою жену.

Скорбь и стыд мужчины, у которого враги отняли и жену, и дочь, были понятны. А вот объяснить Педро свои мысли о ненависти Мануэль не мог. Он много думал об этом за прошедший год. Он понял одно: в ненависти тех, кто его допрашивал, тех, кто водил на допросы, тех, кто с искривлённым от злобы лицом, свалив на пол, пинал в голову, грудь и бока, пока он не потеряет сознание, пинал до своего собственного изнеможения, в этой ненависти скрывался страх. Страх, который они прятали за этой ненавистью. Идущий на смерть вдруг осознал со всей ясностью, что этот страх у победивших их непреодолим. Он будет жить долгие десятилетия, а может, и столетия. И они снова и снова будут пытаться стереть с лица земли тех, кто осмелился заявить о своём человеческом праве, праве на свободу. Их попытки уничтожить людей, захотевших стать свободными, с годами станут более изощрёнными. Победители, возможно, придумают вместо пушек, танков и истребителей что-то другое, но также несущее смерть, ведь они могут видеть их только рабами, не понимая одного, что и сами они – рабы. В этой безжалостной смертоносной машине все они были только винтиками, позволяющими властвовать тем, кто этой машиной управляет. Они и их невидимые хозяева ненавидели людей и одновременно боялись. Боялись тех, кто сказал им в лицо: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» Мануэль ясно видел за этой ненавистью только страх! Но разве может он всё это сейчас объяснить своему товарищу?

Разрешение поговорить, данное коротышкой, носящим капитанские погоны, произвело обратное действие. Приговорённые к смерти замолчали, протянув друг другу руки в последнем прощальном жестикуляции, растянутом на весь короткий путь по дороге к кладбищу Сеарес.

Да и о чём говорить людям, стоящим перед последней чертой? О несбывшихся надеждах? О несправедливости к ним Всевышнего, в которого

Наталья МЕНЕНДЕС (ТЮТНИКОВА)

Менендес – девичья фамилия и литературный псевдоним. Родилась 13 февраля 1952 года в г. Тбилиси. Отец привезён ребёнком в СССР в годы гражданской войны в Испании. Мать из города Кинешма Ивановской области, и с раннего детства вся жизнь Натальи Менендес оказалась связанной с этим волжским городом. Профессиональную деятельность начала медицинской сестрой, а позднее окончила исторический факультет ИвГУ. Работает преподавателем общественных дисциплин в Кинешемском медицинском колледже. Действие её произведений, как правило, происходит на фоне тех или иных исторических событий в России и Испании, важное место в творчестве занимает тема испанских «детей войны». Автор семи книг прозы: «На перепутье» (2012), «Там далеко» (2015), «Разведённые мосты» (2017), «Потеряла я колечко» (2018), «Пересекающиеся параллели» (2019), «Наследство Каина» (2021), «Близкое далёкое» (2022), а также четырёх поэтических сборников и трёх книг для детей из цикла «Ивановы сказки». Пишет статьи публицистической, краеведческой и философской направленности. Один из организаторов писательской конференции, ежегодно с 2006 года проходящей в Кинешме. Составитель литературных альманахов «Волжские встречи» и «Волжские встречи – 2». Член Союза писателей России. Лауреат премии «Триумф» (Иваново, 2016) и премии имени А. Н. Островского (Кинешма, 2022).

многие из них уже разучились верить... Или нет? Наоборот? Именно сейчас они обрели эту веру вновь? В темноте закрытого кузова, где трудно было разглядеть сидящих, в тихом шёпоте так явственно слышалось имя Девы Марии.

* * *

Мануэль взывал к помощи Святой Девы, пробираясь по узким улочкам Хихона. Нужно было проскользнуть незамеченным к окраине, где, возможно, ещё оставался неперекрытый проход, ведущий в горы. Заветные горные тропинки, тонкими ручейками сходящиеся на дороге к границе с Францией. Разгорячённая щека прижималась к холодному камню стены. Ботинок соскользнул с невысокого приступка перед наглухо закрытой входной дверью. Рука непроизвольно ухватилась за поблёскивающую в тусклом свете луны бронзовую ручку. Послышался мелодичный звук. Дверь мгновенно приоткрылась, словно по ту сторону кто-то нетерпеливо ждал его прихода. Женская рука с длинными, не лишёнными изящества пальцами, отмеченная временем припухлыми венками, разбегающимися веером вверх, и сплошной сеточкой тонких морщинок, ухватила мужчину за рукав.

– Входи, сынок.

Мануэль поднял голову. Внимательный добрый взгляд пожилой женщины, в котором не было страха.

– Входи, входи, сынок, – повторила она.

– Нет, сеньора, нужно уходить.

– Очнулся, товарищ?

Слова, обращённые к нему, яркой молнией проникли в сознание, подарили надежду, что он среди своих. Окончательно очнувшись, Мануэль понял, что все, кто его окружает, такие же пленники, как и он.

– Где мы?

– Тюрёма Эль Кото, парень, – склонился к нему пожилой мужчина. – Не успел выбраться?

– Не успел.

– Вот и я не прорвался. Меня Фермином зовут. А тебя? Где-то я тебя, парень, видел.

– Мануэль Менендес.

– Что-то припоминаю. Ты к нам в депо не приходил?

– Случалось. Ты там работал?

– Я машинист. Республика была моя мечта и надежда. Хотел лучшую жизнь для детей, у меня их пятеро. Да и внуки уже подрастают. А видишь, как всё обернулось, Маноло. Почему, как думаешь?

– Веник плохой связали. Не смогли им предателей вымести с земли нашей.

– Ты о чём, парень?

– Анархисты, социалисты, коммунисты и другие. И каждый в свою сторону. А хуже всех анархисты, только безобразничать да народ пугать. Что только стоил их «либеральный коммунизм», когда они деньги отменили. Думаю, что голод в Хихоне – это их вина. А вот как воевать, так первые разбегаются и в кусты. И доверчивость наша глупая, которой такие, как Аранда, пользовались. Помнишь, когда всё только началось, отправил к Мадриду отряд вооружённых шахтёров, а потом заманил на переговоры руководителей и социалистов, и коммунистов – и всех расстрелял. Даже невооружённых рабочих не пожалел! Сколько моих товарищей погибло! А ведь убеждал в верности республиканскому правительству.

– Тише, Мануэль. Анархисты здесь есть, а может, и предатели тоже.

– Нам теперь, Фермин, бояться нечего.

– Ошибаешься, парень, думаю, наши мытарства только начались. Сразу к стенке не поставят, помучают. И вот что тебе скажу: ты не говори, где живёшь. Они ведь никого не жалеют. Я давно из родительского дома уехал. Я из Куирос (Quiros). Откуда родом, этим подонкам сказал, но где живу в Хихоне – нет. Боюсь за своих. А ты откуда? Где твоя семья?

– Родился в Сомиедо-Виллардевидас (Somiedo-Villardevildas), но в Хихоне очень давно. Начинал учеником обувщика. Сейчас сам мастер.

– Семья-то у тебя большая? Детей сколько?

– У меня двое – дочка и сын. Они ещё дети.

Сына в Союз отправил. Дочку жена не хотела, но пришлось позднее в Мексику. Дома только жена.

– Поздновато женился парень?

– Да, поздновато. На вдове. У неё уже взрослый сын. Его детей отправляли вместе с моим Мануэлем.

– Дети укрыты – тебе спокойней. Но ведь и жену могут не пожалеть. Ты знал Педро Фернандеса? И жену, и дочь убили.

– Я знал и его жену, и дочку-малышку. Жена у него красавица была.

– А твоя красивая? Уже немолодая, наверное, раз и внуки есть.

– Моя особенная. Как для каждого мужчины своя женщина. Моя... Моя из рода тех, против кого мы воевали. Но она моя...

* * *

Окна мастерской знаменитого хихонского обувщика почти вросли в землю, и Мануэль часто мог наблюдать творенья его рук, мелькавшие перед ним. Его рабочий стол был напротив окна, ближнего ко входу в мастерскую. Громоздкие мужские ботинки на мужчину впечатления производили мало. То ли дело изящные женские ножки, обутые в лёгкие туфельки с ремешком, туго обтягивающим щиколотку. Сегодня его особенно заинтересовали ножки, которые долго и неуверенно топтались у входа. Мануэль уже хотел встать и, подойдя ко входу, крикнуть: «Входите, сеньорита». Но ножки исчезли, а через несколько секунд в мастерскую вошла женщина. «Да ты, парень, ошибся, – усмехнулся про себя Мануэль, – сеньорита, наверное, твоя ровесница, да к тому же в трауре».

– Сеньора что-то хотела?

– Да, заказать туфли или ботинки.

– Так туфли или ботинки?

– Наверное, скоро потребуются ботинки. Хочется и туфли. Нет, скорей ботинки. Это ведь именно та мастерская?..

Мануэль, не дав договорить немного смущённой женщине, продолжил:

– Лучшая в Хихоне. Да, сеньора. Садитесь. Сейчас хозяин снимет мерки. Я его позову.

Поднявшись на второй этаж, Мануэль позвал хозяина мастерской. Но тот отмахнулся, занятый разборкой со своим провинившимся сыном.

– Сними мерки сам, Мануэль. Ты уже отличный мастер. Мне некогда.

Мануэлю такая работа была не впервой. Хозяин, у которого он работал долгие годы, научил

его всем тонкостям профессии и доверял ему ответственную работу.

Расстёгнутая туфелька опускается на пол, и в руках Мануэля миниатюрная ножка. «О! Да вы, сеньора, не очень утрудили свои ноги непосильным трудом. У молодых крестьянок они бывают намного грубей», – про себя съязвил мастер. Но, заметив опущенные глаза и покрасневшее лицо женщины, засунул свою иронию куда подальше. Мануэлю было приятно держать в руках эту миниатюрную ножку. Сняв все нужные мерки, он невольно задержал её в своих руках, а потом бережно поставил на пол и ласково провёл рукой от щиколотки к пальцам. Женщина вздрогнула и подняла на Мануэля глаза.

– Вот и всё. Как сеньору зовут?

– Тринидад.

– А меня – Мануэль. Через пару дней приходите на примерку.

– Спасибо.

– Так делаем ботинки?

– Да, конечно, ботинки. Скоро будет прохладно. До свидания.

– До встречи, сеньора.

Два дня Мануэль работал с каким-то особым воодушевлением. К ночи усталые руки мастера-обувщика согревали своим теплом миниатюрные ножки вдовы, которые никак не выходили из его головы. Утром третьего дня мужчина сидел за столом, мечтая о предстоящей встрече. Ботинки к примерке были готовы. Убирая их в ящик, он увидел заваливавшиеся кусочки разноцветной кожи. И вдруг его озарило. Из этих ненужных обрезков могут получиться красивые разноцветные туфельки. «Какое счастье, что хозяин сегодня уехал и не дал мне новый заказ, – подумал Мануэль. – Только бы успеть к её приходу». И он лихорадочно принялся за новую работу.

В этот день Тринидад не пришла. В мучительном ожидании прошли ещё два дня. Аккуратные изящные туфли с красной полоской от носка к вырезу и красным ремешком ожидали заветные ножки в дальнем углу ящика. Мануэль ходил хмурый, и работа валилась из его рук. Хозяин, никогда не видевший своего лучшего мастера в таком расположении духа, удивился. К тому же, во всём полагававшийся на опыт Мануэля, он уви-

дел на паре ботинок, отложенных в сторону, брак, который мог сделать только неопытный ученик.

– Эй, Маноло, ты чего, парень! Так ты не делал даже двадцать лет назад, – удивился хозяин.

– Исправлю.

– Понятно, что исправишь. Да так у тебя и получиться не могло. Заболел?

– Может.

– Так иди отлежись.

– Само пройдет.

Мануэль злился на самого себя. Бывало с ним и раньше, что мог приударить он за понравившейся женщиной, но никогда мысли о ней не захватывали так, как сейчас. Когда он увидел в окне ножки, снова затормозившие перед входом, он сразу понял, что пришла она. Мужчина замер от стука падающей туфельки, как от грома неожиданной грозы, заставшей его на вершине горы. Знакомая ножка, протянутая к нему, словно ждала его ласковой руки.

И вот примерка, которую он затягивал, закончена. Светло-коричневые ботинки, прирастая к ногам женщины, ладно садятся на них, не причиняя неудобства. Да и разве он мог ошибиться! Он помнил каждый изгиб, каждую выпуклость ножек, от прикосновения к которым жар поднимался изнутри к самому сердцу.

– Сеньора Тринидад, разрешите сделать вам подарок от меня лично.

Мануэль достаёт туфельки с красными ремешками. Женщина смотрит на него удивлённо.

– Наденьте, сеньора.

Молчание.

– Наденьте. Я делал их с любовью.

Сколько потом он сделает и лёгких ботинок, и изящных туфель на любимые ноги. И даже став хозяином своей мастерской, обувь для своей жены и детей он будет делать только сам.

* * *

На другой день тюремного заключения Мануэль вместе со всеми хлебал баланду. Фермина Родригеса Сариего вызвали на допрос и через несколько часов возвратили обратно в бессознательном состоянии. Пытаясь хоть как-то помочь товарищу, Мануэль смачивал его губы, пересохшие,

в подтёках засохшей крови, влажной тряпкой. Когда он в очередной раз наклонился к Фермину, услышал своё имя: «Мануэль Менендес Менендес». Он ещё не успел осознать этой безысходной угрозы, как из дальнего конца камеры поднялся человек. И словно в подтверждение того, что ошибки нет, конвойный выкрикнул: «Моряк!» В дверном проёме мелькнул силуэт мужчины, на плечах которого лежал традиционный морской воротник гюйс.

«Парень – мой полный тёзка», – с удивлением подумал Мануэль. Очень хотелось взглянуть на него, поговорить с моряком, лица которого он не разглядел, да и возраста его тоже не понял. Через несколько часов моряка приволокли и бросили, словно набитый ватой матрас, не разбирая направление его падения. Если бы не вовремя подставленные руки товарищей, удар о цементный пол был бы дополнительной травмой этому избитому и почти бездыханному телу.

Мануэль протиснулся поближе, прихватив влажные тряпочки и кружку с остатком воды. Увидев распластавшегося окровавленного молодого моряка, еле шевелящего губами, выдавливающими слово «пить», понял, что правильно сделал. Приложил кружку к разбухшим губам и влил несколько глотков, а потом, как это делал и Фермину, стал обтирать лицо влажной тряпкой. Попытался приподнять рубаху, через которую просачивалась кровь, оставляя тёмно-бурые следы. Ужаснулся. Невольно перенёс увиденное на своё близкое будущее. Содрогнулся. Мелькнула мысль: «Со мной они тоже не будут церемониться». Наклонился ниже, увидев, что парень пытается что-то сказать. Из хриплых, булькающих звуков разобрал только: «Спасибо». В горле встал ком, мешающий говорить. Дотронувшись до плеча моряка, ответил хрипло, с большим трудом: «Держись, парень. Мы ещё поговорим». И снова пробрался в свой угол к Фермину.

Фермин лежал скорчившись и держался за правый бок. Мануэль помог мужчине лечь удобнее, подстелив под спину изодранную куртку, оставшуюся от шахтёра, увиденного перед рассветом. Уходящего навсегда. Перед глазами Мануэля встал его пошатывающийся силуэт с поднятым кулаком. Мужчина ничего не сказал

им на прощанье. Молча скинул с плеч свою куртку. Он понимал: она ему больше не потребуется.

Через некоторое время Фермин заснул. Мануэль тоже прилёг рядом, нужно было хоть немного отдохнуть. Сон не шёл к нему. Мужчина понимал, что передышка ненадолго. Скоро и ему предстоит подставить свои бока тюремному сапогу. Возможно, прошло несколько часов. Мануэль не понимал времени. Пришло какое-то забытьё. Сон это был или нет? Сквозь обрывки неясных мыслей, воспоминаний, видений в этот душный реальный мир его вывел стон Фермина.

– Ужасно больно. Наверное, всю печёнку отбили, сволочи, – прошептал мужчина Мануэлю.

– За что тебя так?

– Я рабочий. Рабочие да ещё шахтёры – это те, кого они ненавидят больше всего. Если бы не нуждались в их металле и угле, они закрыли бы все шахты и заводы, выбросив людей умирать на улицы. Ну а меня, наверное, скоро забьют насмерть.

– Ты машинист. Кто же будет возить их грузы и их жирные задницы? – попробовал пошутить Мануэль.

– А, Мануэль. Им хватит личных авто и самолётов. А вот тебя пощадят, ты ведь обувщик, будешь делать им модные ботинки. Когда-нибудь они снимут свои тяжёлые сапоги, которыми бьют нам по рёбрам.

– Раз так заговорил, значит, ты, Фермин, немного оклемался. Пойду туда, к моему тёзке-моряку. Хочу поговорить с ним.

– Иди, Мануэль. Я слышал, морякам тоже досталось. Много их повесили на реях да расстреляли.

– Это так, на одном крейсере «Адмирал Сервера» двадцати пяти морякам подарили на прощанье верёвки, а остальным – пули.

– А за что, Мануэль? За то, что не предатели? За то, что остались верны законному правительству? Мир сошёл с ума!

– Да, Фермин, ты прав. Тебе ничего не нужно?

– Ничего. Иди.

Мануэль снова стал пробираться в противоположный угол к моряку. Теперь в тусклом свете решётчатого верхнего окна можно было разгля-

деть моряка получше. Синие и жёлтые пятна – следы свежих и старых ударов – и припухлость лица от воспаления не могли до конца скрыть молодость. Взгляд был уже совсем осознанный.

– Привет, парень. Как ни странно, но и здесь приятно встретить своего полного тёзку, хоть обстоятельства, сам понимаешь...

– Ты тоже Мануэль Менендес?

– Да. Мануэль Менендес Менендес, как и ты. Только ты моряк, а я обувщик. Ты молодой, а я нет.

– Даты рождения у нас разные, а вот даты смерти, думаю, будут почти одинаковы.

– Считаешь, что всех поставят к стенке?

– Нас слишком много. Зачем им кормить такую прорву?

– Но кого-то и оставляют?

– Наверное, более покладистых. А впрочем, трудно понять. Кого-то откупают родные. Но некоторые не рискуют высвечивать своих родных.

– А ты откуда, парень?

– Родился в Газон-Луанко (Gazon-Luanco).

– Ты женат? Дети есть?

– Нет, не успел. Считал, что рано, а теперь оказалось – поздно. Можно только пожалеть.

– Это не факт. Может, наоборот, можно порадоваться, что ты не женат. Тебе спокойней. А у нас сердце разрывается, когда думаем о своих жёнах и детях, которых не успели укрыть. Эти звери – настоящие фашисты, никого не жалеют.

– Наверное, ты прав, Мануэль.

– С какого времени ты здесь? Давно?

– Мне кажется, целую вечность, а на деле четыре месяца. Я хорошо помню тот день, 17 марта, когда моё море не защитило этих несчастных, хотевших уйти во Францию. А когда взяли тебя?

– Двадцать второго июля. Республика ещё сопротивляется, парень. Мадрид не взят. Но сил у нас всё меньше. И проклятые предатели! Мы верили тем, кому верить нельзя. Старый мавр никогда не будет хорошим христианином. Думаю, что главная наша беда в этом.

– Согласен, Мануэль. Сорняк никогда не умирает.

– Да, Мануэль. Беда лишь в том, что у нас и у них разные понятия о сорняках. Для нас бесполезные сорняки – это те, кто не даёт полезных

плодов, а для них – мы. Хоть без нас они просто ничто. Они и сами понимают, что без тех, кто работает на них, не проживут и дня. За это ещё больше нас ненавидят. Они видят нас только бессловесными рабами, прислуживающими им.

– Видимо, это наша участь. Попытка стать свободными не удалась. А я мечтал стать капитаном. А ты, Мануэль, веришь, что всё ещё может получиться? Ведь есть в мире Страна Советов!

– Есть. С русскими парнями из интербригад мне доводилось встречаться. А как думаешь, у них там, в России, нет «пятой колонны», которая засела у нас в Мадриде?

– А кто это, Мануэль? Ты, видимо, что-то знаешь.

– Знаю, парень, я всё-таки поближе к нашему руководству был. «Пятой колонной» франкисты называют своих, которые среди нас. Они этого не скрывали. Громко говорили. Заставляли жить с оглядкой, не доверять друг другу. Может, хотели нас совсем сломать духом.

– Я здесь давно, Мануэль. Но даже в тюрьме перед смертью тех, кто раскис и сломался, очень мало. Ты уже видел, как товарищи уходят на рассвете? Они почти всегда уходят спокойно. Наша правда всё равно больше, чем у этих сволочей.

– Так и у них есть какая-то своя?

– Наверное. А иначе откуда у них столько ненависти?

– Это действительно так. Ненависти много. Больше, чем у нас.

Сколько долгих месяцев им предстояло и говорить с друг другом, и просто сидеть рядом молча. Мануэля тянуло к этому парню, хоть между ними была разница в тридцать лет. Таким, как он, хотелось бы в будущем видеть своего сына, которого Тринидад в честь мужа назвала тоже Мануэлем. Он понимал, что никогда не увидит сына взрослым, и то, что он хотел бы сказать ему, сейчас говорил Мануэлю-моряку.

Прошло восемь с половиной месяцев. За это время и Мануэля много раз приволакивали с допроса бездыханным. Раскалёнными потрескавшимися губами теперь уже он выдавливал из себя: «Пить». И, приподняв голову, молодой друг вливал ему живительные капли.

В их камеру всё меньше прибывали новые товарищи. Чаше на рассвете они уходили навсегда.

Мануэль вздрогнул, когда в этот страшный час седьмого мая тридцать девятого года он услышал: «Менендес Менендес Мануэль». Ему не стало легче от добавленного: «Моряк». Тот, кого он считал своим сыном, был спокоен и молчалив. Он пожал ему руку. А потом вскинул свой кулак вверх и молча шагнул через порог.

Впереди, до девятнадцатого августа, когда и Мануэль последний раз шагнёт за порог своей камеры, оставалось три месяца и двенадцать дней. За неделю до этого последний раз он жмёт руку Фермину. И настали пять безысходных, мрачных дней, скатавшихся в один горький ком, словно обмазанный чёрной и липкой смолой.

Господи! Сколько страданий ты посылаешь нам! Почему? Что твои недостойные дети делают не так? Им так больно и горько прощаться со своими близкими и друзьями. А страшней всего, когда родители провожают в последний путь своих детей!

* * *

Рука к руке, живое к живому. Пока живое. Пока. До той самой минуты, когда в последний раз их встряхнуло на повороте и машина остановилась.

– Выходите.

Скрипнула задвижка, в просвете показался кусок светящегося неба.

Их несколько человек. Они стоят у серой стены. Художница Смерть небрежно раскрасила её бурными пятнами и подтёками. Сколько жизней оставили здесь свои следы? Ещё несколько мгновений – и к этой картине прибавятся свежие краски.

– Мануэль, это всё? Всё кончено?

– Звёзды на рассвете исчезают, Педро, но мы знаем, что они есть.

Они стоят напротив, вооружённые и безоружные, победители и побеждённые. Испанцы и испанцы. А разве могут быть победители в такой войне?

Рассвет уже наступил. Над дальней сьеррой не видно ни одной звезды.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ОЧЕРК

На городских улицах, остановках, в транспорте, в магазинах я часто внимательно вглядываюсь в лица людей – детей, взрослых. Замечаю: на детских лицах нет следов усталости, волнений дня. Их лица кажутся мне открытыми. У взрослых же лица будничные, рассеянные, ничего не выражающие, замкнуто-сосредоточенные, порой даже высокомерные – словно маски.

Улицы порой напоминают мне большой вокзал, с каким-то его «муравьиным» движением толпы, мельканием рук с тяжёлыми сумками, обрывками фраз на ходу. Ощущаешь безостановочный ритм чужих будней, отягощённых проблемами, и думаешь: а способен ли современный человек, обременённый всяческими заботами, что-то чувствовать, ценить, помнить?

Бывает, однако, что совсем неожиданно для себя взглядом выхватываешь из этой толпы и замечаешь мгновенное, живое проявление молодости в улыбке немолодого, незнакомого человека. И такое впечатление, что живёт вну-

три него какая-то непобедимая, созидательная сила. Кто он, этот человек? Кем был в молодости? Моё воображение пытается разгадать различные варианты чужой жизни, прошлые и настоящие, представить те или иные стечения обстоятельств, которые обычно называют судьбой.

...Увидела я его в ивановском клубе железнодорожников на концерте, посвящённом 65-летию Победы, в составе вокальной студии «Ария». Поразила: довольно немолодой человек, с орденами и медалями, – поёт. И как! Смотрела на открытое, спокойное, тронутое улыбкой лицо, выдающее внутреннюю интеллигентность, а его необыкновенно красивый голос плыл, расплёскиваясь по залу, и, казалось, достигал не только самых отдалённых мест, но и каждого сердца. «Там смуглянка-молдаванка собирает виноград...»

Зрители, разного возраста: ветераны войны, молодые люди, школьники, мамы с детьми. И вот уже в середине зала чей-то мужской голос понемногу вторит исполнителю, а затем – и

множество голосов вместе с солистом: «Раскудрявый клён зелёный, лист резной...»

Не отпускали долго. Я смотрела на этого пожилого человека, так, в общем, похожего на многих, кого встречаю на городских улицах, – но с каким же ясным взглядом, живым проявлением молодости в улыбке! Смотрела на освещённые сценическим светом награды и спрашивала себя: «А какая у него судьба? Наверное, прошёл всю войну и получил не одно ранение...»

Поклонившись, заметно прихрамывая, он под аплодисменты ушёл со сцены. Что-то в нём зацепило меня. Поняла: нет, должна ещё раз увидеть этого человека.

Встретились мы после моего телефонного звонка. Он пригласил к себе домой. Приехала днём, а проговорили мы до позднего вечера. После обычных фраз разговор незаметно вошёл в русло военных воспоминаний. Он говорил о давних и жестоких боях на реке Дон. Рассказывал с такими подробностями и волнением, будто только сейчас вернулся из боя – с набухшей от крови повязкой на раненой руке, потерявший почти всю роту отважных ребят, которые, несмотря ни на что, отчаянно бились до последнего патрона и выстояли на том своём рубеже.

– В 43-м я был связистом. В конце сентября нам приказали занять оборону ближе к Дону, у небольшого, можно сказать, крошечного, в десять домов, населённого пункта Паншино. И – держаться, сколько хватит сил. Всё было разведано, и в одну из туманных, холодных ночей с оружием и пулемётами вся рота окопалась недалеко от берега в высоком кустарнике. От наших окопов до немцев было метров пятьдесят. Слышали крики на немецком языке, пулемётные очереди. Мы, связисты, стали налаживать связь. А на рассвете немцы обнаружили наши позиции и пошли в атаку. Что тут началось! Связь с командованием прервалась. Двое связистов, один за другим посланные на линию, не вернулись. На ломаном русском языке немцы кричат: «Сдавайтесь! Вас ждёт смерть! Если сдадитесь, пощадим вас!» С нашей стороны в ответ – матерная брань.

...Он замолчал. Остановившийся его взгляд говорил: он снова там, на берегу Дона. Через некоторое время изменившимся голосом продолжил:

– Немцы бросали в наши окопы ручные гранаты, мы отвечали пулемётным огнём. Уже были убитые. Когда шквал огня с обеих сторон затихал, тут же потихоньку хоронили убитых. Третью ночь держимся в окопах. Голова тяжёлая, днём в левую руку ранило, стараюсь не заснуть.

– А разве это возможно – заснуть? Идёт бой, грохот, крики, стрельба...

– Так ведь усталость такая, что... И не заметишь, как уже спишь...

Его рассказ, невольно прерванный моим вопросом, пошёл дальше.

– Со стороны немцев стало затихать. Командир, майор Аверкин, подтолкнул: «Давай к выходу, на связь». Ощупью нашёл телефонный провод, накрутил на правую руку, ползу, вжимаясь в землю. Левая рука болит, не даёт нужных движений, на зубах земля хрустит. С немецкой стороны защёлкали пули. Всем телом – в землю, а в голове мысль: «Сейчас убьют...» Страх холодом стягивает живот, ноги обмякли... И тут дробь пулемётов – ну всё... конец... заметили! Ладонь сразу вспотела, прилипла к проводу. Ухватился я за этот провод ещё крепче, как за нечто спасительное, дышу часто-часто, будто воздуха не хватает, а самому куда-то отползти в сторону хочется, убежать, спрятаться.

– Сколько тогда вам лет было? – прервала я его снова.

– Девятнадцать. Призвали меня в 42-м, в восемнадцать, и направили в Рязанское артиллерийское училище. Шесть месяцев проучился с такими же ребятами, как я. Звание дали – сержант, и сразу на фронт.

На чём я остановился?.. Да – убежать хочется, спрятаться. И вдруг – как проблеск в сознании! Возник передо мной в ту страшную минуту дофронтной мир. Верите – как наяву увидел себя и её... Гуляем за городом, а день такой прозрачный, послеобеденное солнце припекает. И в руках у неё – белые полевые цветы... Мог ли я в то время подумать, что скоро увижу

на таких же белых цветах капли крови? И будто подстегнуло! Да что же это – убежать? А как же она? Где? А двое связистов, что в окопы не вернулись? Кто связь налаживать будет? Накрыло меня волной жаркой изнутри, такая злость взяла! Ползу, зубами скриплю: «Недолго вам, гадам, осталось, за всё получите!»

Оборванный провод нашёл, соединил, а вот как в окопе оказался – не помню. Откуда-то только радостный голос командира: «Я – Дон... Я – Дон... Как слышите?» И – будто провалился куда...

Очнулся – тишина. Рука перевязана. Майор наклоняется ко мне: «У нас ещё три пулемёта и запас лент. Назад пути нет! Позиция будет нашей. Не спать, только не спать! Идёт подкрепление».

В последнюю ночь ещё несколько жестоких атак было. Пулемёты разбиты, со стороны немцев стоны раненых, крики, а у нас и раненых нет – почти все убитые. Осталось от роты вместе с командиром пять человек. На ногах еле держимся, на щетинистых лицах одни только глаза и живут. Но такое чувство в те минуты охватило, что кроме этих оставшихся ребят никого для меня роднее, ближе и нет! Выстояли мы, выстояли – все пятеро!

Вот и вся история...

Он посмотрел на меня долгим, неускользающим взглядом и опустил голову. А мне всё виделась та крошечная тьма и тот молодой солдат, почти мальчик, ползущий в ней под свист пуль с проводом в руках. И даже вдруг запах гари ощутила... И охватил вдруг настоящий страх за того далёкого солдата, и сжалось сердце – от тоски ли или от чего-то ещё мне неизвестного...

– Это ваш первый бой был?

– Первый...

– Награду тогда получили?

– Нет, – качнул он головой, – не до наград было. Да и за что? Тогда одно было – вперёд и вперёд, к Сталинграду пробивались. А после этого боя я осмелел, да... и Дон несколько раз под обстрелом переплывал. Комсомольский билет и военный – под пилотку, и в воду во всём обмундировании. Ботинки тяжёлые, течением так и тащит: река в тех местах не очень широкая, но быстрая. До сих пор не знаю, как до берега доплывал. А первой наградой была медаль «За оборону Сталинграда», но это уже потом, когда в наступление перешли.

– А орден Славы?

– Орден дали за Винницу. Нас с командиром, майором Аверкиным, в другую часть перебросили, в разведку. Бои были на Южном Буге тяжёлые. Как-нибудь поговорим и об этом...

– Страшно было?

– По-всякому. Бывало и как в аду...

И, видимо, щадя меня – чтобы не сказать более страшного, – с улыбкой стал договаривать:

Вера КАЗАКОВА

Родилась в 1952 году в селе Суморьево Горьковской области (ныне Нижегородской). Образование среднее техническое. Работала в детских дошкольных и медицинских учреждениях. Автор поэтического сборника «Там, где Мокша-река», книги прозы «У дороги чибис», сборников рассказов и повестей «Что-то уходит навсегда», «Долгое эхо», «Куда текут реки», «Лица». Печаталась в литературных альманахах и коллективных сборниках «Откровение», «Единый круг», «Уводьское водохранилище» (г. Иваново), «Волжские встречи» (г. Кинешма), «Многоцветье имён» (международный литературно-художественный журнал, г. Донецк, 2021) в местной периодике и других изданиях. Дипломант 1-го областного открытого конкурса короткой прозы «Таков мой взгляд». Член Союза писателей России с 2012 года. Живёт в г. Иваново.

– Случай ещё такой помню. Немцы стали бомбить с воздуха, внезапно. Кинулись мы с одним солдатом под грузовик, лежим под ним, а парень вдруг как закричит: «Бежим отсюда, он же с боеприпасами!» Только успели выскочить, недалеко в кусты броситься, а сверху ещё раз ка-ак дали! И машина вся в огне оказалась. Лежим оглушённые, смотрим друг на друга и не понимаем, как живы остались...

– Петь-то начали когда? У вас очень красивый голос.

– На фронте. Про голос я и не знал. Как-то затишье случилось. Стираю гимнастёрку и тихонько напеваю: «Когда я на почте служил ямщиком...» А майор услышал и попросил ещё раз спеть. Смотрю, здоровенный мужик, а загрустил сильно.

Потом бывало и так: «Пой, командир приказывает!» Вот с той поры фронтовой и пошло...

– У вас что, осколок в ноге?

Махнул рукой:

– Бывает и хуже... Ничего, надеюсь, проживём ещё, попоём!

И будто из глубины сердца светло улыбнулся. В тот момент я не очень-то понимала его улыбку. Ещё с детских лет не раз слышала, как кричат, до хрипоты спорят о войне люди, знавшие запах смерти, видевшие гибельную жестокость, свирепые атаки. Как в душевном запале перечисляют свои ранения и награды, как порой сетуют на свою судьбу.

А он, преклонного возраста и, вероятно, больной, – удивительно спокоен, нераздражителен, улыбчив, скромн и как-то даже несколько неловко, без лишнего нерва говорит и о своих наградах, и о многочисленных ранениях. Почему? Какое Царствие Божие живёт в нём?

Вдруг осенило. Прошедший войну совсем ещё молодым, не раз оказывавшийся в сложнейших, трагических ситуациях, вернувшийся с войны инвалидом, он не озлобился на судьбу. И чёткое, ясное представление о жизни имел именно благодаря непрестанному, каждодневному подвигу своего сердца.

Как же в наши дни несовместимо это с тем цинизмом, вечным недовольством, с ожесточением современного человека к миру,

к своей совести! До того, что порой стыдно бывает посмотреть на себя со стороны. Не замечаем мы, как всем нам не хватает искренности, сердечности, порой просто доброго отношения даже к самым близким людям, и, пребывая в несогласиях и раздорах, делаемся мы всё более холодными и бесчувственными...

Перед тем как мне уйти, он неожиданно открыл дверь в другую комнату, жестом пригласил войти. Я увидела висевшие на стене картины. Это были пейзажи, натюрморты, портреты людей в военной форме. Подошла ближе и на одной из картин увидела подпись «Тарновский Н. Ст.».

– Это ваши?

Он кивнул. Изумлению моему не было предела.

– Вы смотрите, а я вам на скрипке поиграю.

Взял со стоящего посреди комнаты круглого стола старую скрипку, прижал к подбородку, взмахнул смычком. Зазвучала грустная мелодия, и с каким-то непонятным трепетом я ощутила, что кроме нас бесплотно присутствует в комнате кто-то ещё. Поняла, для кого эта мелодия: не было надобности спрашивать, кто на портретах. Они, незримые, стояли рядом...

И, несмотря на мои усилия сдержаться, на глаза мои навернулись слёзы.

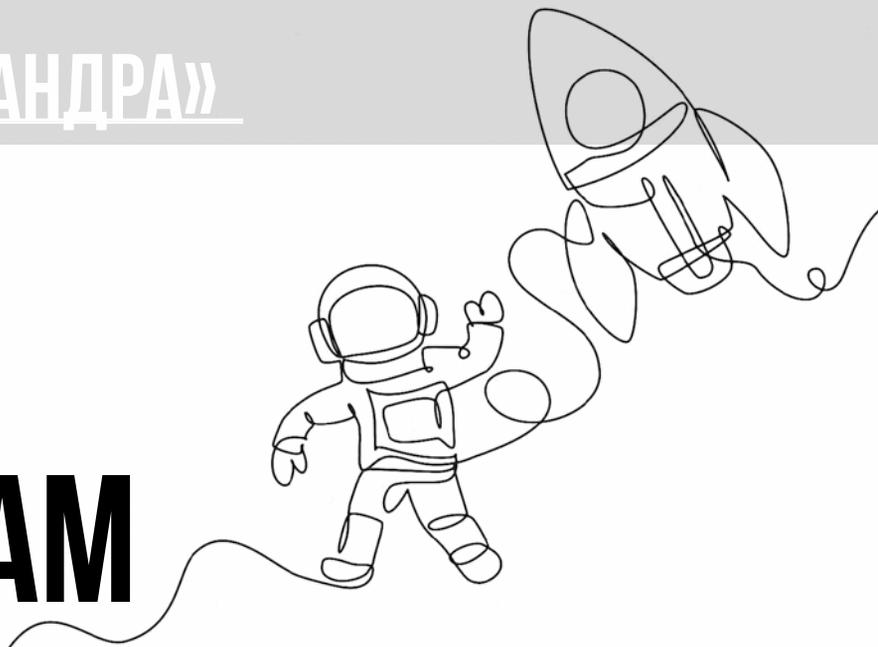
И вновь я спрашивала себя: «Как же так?.. Он остался в живых, пронёс через огонь войны свой чистый внутренний мир, веру и надежду – отчего же мы, дети тех, кто заплатил за нас большой кровью, очерствели, отодвинулись, отгородились своими замкнутыми, надменными, равнодушными лицами друг от друга и не чувствуем того, что чувствуют они – побывавшие в аду...»

...Простились мы так, будто знали друг друга много лет. Спускаясь с лестницы, оглянулась, извиняясь за беспокойство, махнула ему рукой.

Николай Станиславович стоял в проёме дверей. И снова, как на сцене, я увидела его лицо, освещённое светом прихожей. С той же сердечной улыбкой, в которой не было и намёка на фальшь, он вдогонку сказал:

– Да чего уж там, приходите. Пока жив, ещё поговорим!

ДОРОГА К ЗВЁЗДАМ

Вышло уникальное, по-настоящему неземное, космическое издание. Вступительное слово к книге написал председатель Московской городской Думы Алексей Шапошников.

Во все времена люди творческих профессий становились певцами передовых идей и стремлений. Талант и мастерство поэтов и писателей наполняют наши души романтикой, становятся победным гимном в нелёгких испытаниях, ведут к заветным целям.

Нам ещё предстоит понять всю важность и ценность замечательной инициативы Союза писателей России – создать книгу во славу отечественной космонавтики.

Призыв Президента РФ Владимира Путина осваивать новые рубежи Вселенной – это продолжение величайшего прорыва нашей страны. Первый русский космонавт Юрий Гагарин навсегда вписал в историю Земли важнейшую дату XX века – 12 апреля 1961 года. Полёт человека в космос стал точкой отсчёта нового времени, проложил дорогу к звёздам, сделал реальностью мечты многих поколений.

Сегодня военно-воздушные, космические силы – это мирное развитие передовых технологий и оборона Родины. Наши величайшие учёные и первооткрыватели заложили нерушимую основу лидерства страны. Космос – это гордость и будущее России. Эти чувства мы должны воспитывать у нашей молодёжи, детей.

Московская городская дума совершила свой «космический» прорыв. 23 марта 2022 года депутат столичного парламента Герой России космонавт Олег Артемьев впервые участвовал с борта Международной космической

станции в заседании Мосгордумы. Уникальный прецедент. Такого ещё не было в мировой истории парламентаризма. Космос стал ещё ближе каждому из нас.

Столичный парламент активно развивает сотрудничество с Госкорпорацией «Роскосмос». Депутаты совершили поездку на Байконур, своими глазами видели запуск космического корабля с нашим коллегой на борту.

Мы активно поддерживаем замечательный образовательный проект «Космический диктант». Идея его проведения принадлежит Герою России лётчику-космонавту Фёдору Юрчихину. Знать о достижениях отечественной космонавтики, наших гениальных учёных, талантливых конструкторов, отважных героев, гордиться успехами России в освоении космического пространства и научных открытиях – в этом важная миссия этого испытания. Тысячи школьников со всей страны уже четыре года подряд пробуют свои силы и побеждают. Уверен, кто-то из них обязательно станет космонавтом.

Звёзды манят самых лучших и смелых. Космонавты – главные мечтатели на нашей Земле. Любите, девушки, простых романтиков... Они пронесут вашу любовь в своём сердце через Вселенную.

Всегда помните, что все наши исследования, изобретения, проекты нацелены на дальнейшее развитие человечества, мирное освоение космоса во благо всей цивилизации.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Для всех нас Вселенная – это неизведанный источник тайн и чудес. Заворающий мир звезд и умиротворяющая тишина звездной природы. Прошло немало времени с тех пор, как человек приступил к изучению неба, открытию планет и кометам в космос.

За последние небом сегодня наблюдают не только ученые-астрофизики, но и писатели всего мира. Ведь космические путешествия тесно вошли в сознание в незабываемый мир фантастических приключений, одновременно приближая его к нашей мечте человечества – познать просторы Вселенной.

Создаются популярные мультимедийные и художественные фильмы, авторы комиксов и прозаические детекты и рассказы, сегодня активно используются компьютерные технологии. Но, к сожалению, не всегда уделяют при этом должного внимания достоверности данных, из-за чего мы часто наблюдаем неточную картину человека в космосе.

Популяризация научных знаний, в том числе в области астрономии и космонавтики, а также развитие интереса к профессии космонавта является одной из основных задач издания, что вы прочитаете в своих руках.

Эти произведения будут рассказывать вам об истории покорения космоса, непередаваемых вселенских ощущениях и о великих людях. Они адресованы всем нам, тем, кто интересуется астрономией и межпланетными полетами, и будут одинаково интересны как детям, так и взрослым.

Поздравляю с чтением, дорогие друзья!

**С уважением и любовью к космосу,
личному космонавту, Герой России,
Олег Артемьев**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Это уникальное, поистинно уникальное, космическое издание! Во все времена люди творческих профессий становились людьми передовых идей и стремлений. Талант и магия творчества и изобретательности наших дней романтикой, становится победным гимном в нелегких испытаниях, ведут к завистным успехам.

Нам еще предстоит познать всю vastность и ценность замечательной инициативы Союза писателей России – создать книгу во славу отечественной космонавтики.

Президент РФ Владимира Путина оставить новые рубежи Вселенной – это продолжение величайшего прорыва нашей страны. Первый русский космонавт Юрий Гагарин навсегда вошел в историю Земли важнейшую дату XX века – 12 апреля 1961 года. Полет человека в космос стал точкой отсчета нового времени, проложил дорогу к звездам, сделал реальностью мечты многих поколений.

Сегодня военно-воздушные, космические силы – это мирное развитие передовых технологий и оборона Родины. Наши величайшие ученые и специалисты заложили неустойчивую основу лидерства страны. Космос – это гордость и будущее России. Эти чувства мы должны воспитывать у нашей молодежи, детей.

Московский парламентарий Думой сохранил свой космический профиль. 23 марта 2022 года депутат сплоченного парламента, Герой России, космонавт Олег Артемьев впервые участвовал с борта Международной космической станции в экспедиции Миссиям. Уни-

ОДАНАЖ Я НЕ ПОЛЕТАЮ В КОСМОС

Ответственность за это лежит исключительно на мне. В 1965 году я стал корреспондентом журнала Советский воин, а состав редакцией и которого вкратце член Военного совета Космических войск генерал-майор И. Куденев. Он однажды и предложил сплести на Байконуре, написать в журнале работе на звание стипендиата по той отрасли и залучил меня в космос.

Не стану описывать впечатления. И как во Внуково наш рейс: обзавелись на табло аббревиатурой – якобы сбавившимся бумажкам, и как поспешили по променадом. И безобразию космонавтов, и комнату Гагарина – об этом рассказывали мне. Затем оказались на Байконуре при первом запуске «Буран». В прострации накануне утреннего старта и номера стали заходить корпоративные лимузины. На моем удивлении горничные увиделись еще бодрее, так затряс их – будет. Он полетит все равно не было не малейшего шанса в полете, про энергией на площадке.

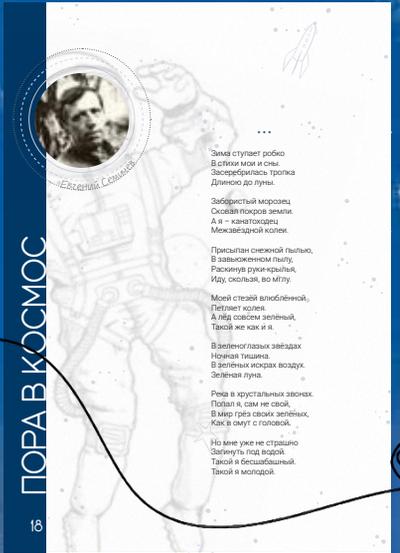
«Буран» тогда не взлетел, операция мчалта не отошла на положение расписания. Вместе с горячкой и специалитов провалилась и гордость, как совершенно свободный полетика при малейшем себе!

УЛЬКА ГАГАРИНА

Когда на Землю он вернулся,
Зачем-то звякнула дробь,
Так беззвучно улыбаюсь,
Что все Отлично расцвело.
В улыбе – работа и успех,
Ни капли превосходства нет.
Как будто осязаю излучаю
Берящий, сверяющий свет.
Она отобразила мудро
Движение воле и уму.
Так солнечным морозным утром
Смелась русская зима.
Ее ликующая сила,
Как будто выхватить из мглы,
В душе Мировые старушки,
Планеты темные углы.
И чья-то стала и точнее
Эпохи каждая черта,
С ней стала чернота чернее,
Светлее, чище чистота
Так под высоким небом синим
Над всем и количеством звезд,
Приветливый, счастливей,
Сильней,
Смелее русский человек,
И по углам не Божий лучи
В стопах стали и в сердце
Дал!
Без гадарманской улыбки
Темнее было бы на Земле!

Никос Сефронис, Юрий Гагарин >>

ЮРИЙ СЕМЕНОВ

...
Зима ступает робко
В стили мои и сны,
Засвербывала тропка
Длиною до луны,
Забрызский морозец
Схватил покровы земли,
А я – канатоходец
Мозаичной колеи,
Присланной нежной пылью,
В завязанном пылу,
Раскинув руки-крылья,
Иду, слышь, во мгу,
Моей степью влюбленной,
Плетется колюча,
А над степью зеленым,
Такой же как и я,
В зеленых глазах звездах
Новая тишина,
В великом космосе воздух
Зеленая луна,
Реза в хрустальных звонках,
Полый я, сам не свой,
В мир грей своих зайчиков,
Как в смуте с сопляков,
Но мне уже не страшно
Загнать под водой,
Такой и бесстрашней,
Такой я молодой.

ПОРА В КОСМОС

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru